
ДРЕВНОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1993

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
(славяно-финно-угорское взаимодействие,
русские города Балтики)

Под редакцией *В. М. Массона, Е. Н. Носова, Е. А. Рябина*

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДИЕНИЕ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1993

ББК Ш5(0)966я43
Ш5(0)941я43
УДК 894.51(082)
881(082)

Рецензенты:

О. В. Овсянников, В. А. Булкин

Печатается при финансовой поддержке Российского
фонда фундаментальных исследований
(93—06—11156) в рамках Программы изучения
памятников Северо-Запада «От Северной Руси
к Северной Пальмире».
Выпуск 2

ISBN 5-85803-002-5

© Институт истории
материальной культуры, 1993
© Центр «Петербургское
востоковедение» 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российский Северо-Запад, охватывающий обширные лесные массивы Восточной Европы, сыграл немаловажную роль в истории европейского материка. Древнейшие этапы этой истории изучаются археологическими экспедициями, и настоящий сборник отражает некоторые итоги работ, проводившихся по этой тематике учеными Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Это традиционное направление деятельности археологической школы Петербурга—Ленинграда, аккумулирующей передовые для своего времени методы и разработки. Как справедливо отметил А. А. Формозов, уже работы А. А. Иностранцева в 1878—1882 гг., начавшиеся в связи с проведением обводных каналов, были первыми комплексными археологическими исследованиями в России /Формозов, 1983/. Обзор произведенных исследований и интерпретации их результатов позволяет наметить состояние изученности основных проблем и некоторые перспективы дальнейших изысканий.

Освоение этих территорий происходит в IX—VII тыс. до н. э. в связи с отступлением ледника. Небольшие группы охотников и рыболовов продвигаются вдоль водных артерий, заселяют берега многочисленных озер. Одна из таких ранних стоянок была открыта на берегу озера в Лужском районе. Это явление было частью исторических процессов, охвативших весь балтийский регион. В результате освоения новых экологических ниш был выработан устойчивый культурно-хозяйственный тип охотников и рыболовов, обеспечивающий высокую стабильность и культурную преемственность. Исследователи считают возможным говорить о своего рода экологическом функционализме, выработанном обитателями десятков поселений, возникших на ранее не освоенных просторах /Champion and all, 1987, p. 139—140/. В частности, сложившаяся в Дании культура Маглемозе представляет собой эталон культурной адаптации и по праву считается одной из трех ведущих культурных традиций европейского мезолита. Генетическое развитие этого культурного ком-

плекса представляет культура Конгемозе, оставившая такие памятники устойчивого жизнеобеспечения как знаменитые раковинные кучи. Для V тыс. до н.э. комплексы типа Эртебелле с первой для этого региона остродонной керамикой представлены рядом локальных вариантов вплоть до польского Поморья. Наряду с устойчивыми типами охотничьего оружия складывается и набор инструментария для активного рыболовства, включающий разнообразные рыболовные крючки и гарпуны, каменные грузила и деревянные поплавки для сетей. Безусловно, сетевой лов рыбы был надежным компонентом сложившейся хозяйственной системы. Устойчивая экономика способствовала обеспеченному образу жизни, включавшему многочисленные украшения в виде бус, подвесок или нашивок на одежду. Геометрический резной орнамент, фигурки животных и птиц, изготовлявшиеся из кости, характеризуют достижения художественной культуры и эстетические концепции. Таким образом, можно говорить об определенной культурнохозяйственной зоне, объединяющей по внешнему сходству жизнедеятельности различные группы охотников и рыболовов Балтийского региона.

В этой системе особое место занимает Прионежье. С завершением хозяйственной и бытовой адаптации на российском северо-западе выделяются центры интенсивного культурогенеза. Судя по всему одним из таких очагов и становится Прионежье. Повышение среднегодовых температур в период Бореала (7200—6000 гг. до н.э.) привели к распространению березовых и сосново-березовых лесов с богатой фауной, в том числе таким важным промысловым животным как лось. В озерах представлены разнообразные породы холоднолюбивых рыб. Высокий уровень культурного и хозяйственного развития характеризуют памятники типа Нижнее Веретье I, расположенные в Восточном Прионежье /Ошибкина, 1983/. Как и в Дании поселки охотников и рыболовов располагаются по берегам озер обычно у мест впадения небольших рек или по самим берегам таких рек. Налицо и метательное оружие, и орудия для рыбной ловли. Как не без оснований отмечает Д. А. Крайнов, скорее всего именно с этими районами связано формирование в V—IV тыс. до н.э. археологического комплекса, характеризующегося ямочно-гребенчатой керамикой. В IV тыс. до н.э. комплексы такого типа широко распространяются по лесной и лесостепной зоне Восточной Европы /Крайнов, 1987: 6—8/. Видимо прежде всего был достигнут определенный демографический оптимум, обеспечиваемый стабильностью экономики охотников на лосей и рыболовов. Вместе с тем имеются свидетельства интенсивного развития социальной сферы культуры и интеллектуального потенциала в Прионежье и примыкающих областях. Об этом свидетельствуют богатые погребения могильника на Оленьем острове, относящегося к концу VI — началу V тыс. до н.э. и принадлежавшие, судя по всему, местной элите, вождям-жрецам /Массон,

1976 с. 161/. Здесь же обнаружена превосходная коллекция образцов костяной скульптуры, где особенно выразительны жезлы, увенчанные лосиными головами. Эти высокие художественные традиции нашли прямое продолжение в знаменитых наскальных рисунках III—II тыс. до н. э. Восточного Прионежья и в Беломорье. Это были, безусловно, важные культурные центры /Лаушкин, 1962/, и исследователи справедливо видят в них воплощение мифологических сюжетов, включая космогонические представления, что столь характерно для художественной формы передачи информации. Вместе с тем видимо именно налаженная охотническо-рыболовецкая экономика и богатые природные угодья, обеспечив на определенном этапе стабильность и развитие, в дальнейшем сдерживали переход к новым формам экономики производства продуктов питания, который в IV—III тыс. до н. э. осуществлялся в более южных областях да и почти повсеместно в странах Балтийского региона. В этом отношении примечательно, что медноплавильное производство, засвидетельствованное в памятниках Карелии, начиная с III тыс. до н. э. /Журавлев, 1977/, мало что изменило в хозяйственном и бытовом укладе, и отнюдь не привело к упадку кремневой индустрии. Оно стало, таким образом, подобно единичным обожженным изделиям поры верхнего палеолита, своего рода «преждевременным изобретением».

Вторая эпоха интенсификации культурных и социально-экономических процессов на российском Северо-Западе наступает со второй половины I тыс. н. э. Здесь двумя кардинальными событиями были расселение восточно-славянских племен и интенсификация социально-экономических процессов, обуславливающих формирование городов и развитие государственных институтов. Оба эти явления связаны с существенными экономическими и технологическими новшествами в одной из основных сфер производственной деятельности — в земледелии. Трансформация традиционных хозяйственных систем стала весьма эффективной с распространением пашенного земледелия с железным лемехом, особенно эффективного в данной природной среде, особенно при возделывании ржи, что неоднократно подчеркивал Херманн /Херманн, 1986/. Археологи ИИМК уделили большое внимание изучению этнокультурных процессов, протекавших на территории Северной Руси как в ходе экспедиционных исследований, особенно при изучении погребальных памятников, так и при разработке объяснительных концепций. Е. А. Рябинин специально отмечает, что в славяно-угро-финском контексте решающее значение имели процессы синтеза на разных уровнях — социально-политическом, хозяйственном и культурном /Рябинин, 1990/. В культурных комплексах, изучаемых археологами, налицо явления акультурации, когда отдельные селективно выбранные элементы различных культурных систем органически включаются в новое единство. В этом отношении

материалы по длинным курганам, изучавшимся от берегов Чудского озера до Полужья, хорошо отражают сложный характер взаимодействия славянского и финского населения, протекавшего в разных районах различными путями и различными темпами.

Важнейшим историческим событием российского Северо-Запада, как и всего Балтийского региона, стало формирование средневековых городов. Археологи ИИМК традиционно продолжают изучение одного из старейших древнерусских городов — Старой Ладogi, раскопки Рюрикова городища под Новгородом позволили и для этого района рассмотреть истоки урбанизации /Носов, 1990/. Исследовался важный центр русской государственности и культуры послемонгольского времени, оставшийся за пределами прямой татарской гегемонии — Псков. Целый ряд изучавшихся памятников связан с этой послемонгольской эпохой, когда происходило активное укрепление новгородских рубежей и когда значительно возросла оборонительная функция городов, превращающихся в города-крепости. В ходе этих работ особенно явственно выступила ремесленно-торговая функция первых центров городского типа. Неоднократно исследователи обращались к рассмотрению феномена международной торговли по Балтийско-Волжским маршрутам. Технически торговля обеспечивалась активным скандинавским и славянским судостроением, ориентированным как на военные, так и на торговые корабли. Детали деревянных кораблей были обнаружены в Ладогe в слоях начала X века. Традиции судостроения уходят на Северо-Западе далеко вглубь тысячелетий, восходя к челнокам и весельным лодкам неолитических рыбацких общин. Скорость движения товаров по торговым путям была достаточно велика. Установлено, что монеты, чеканенные в юго-восточном Прикаспии в VIII веке, уже через три—четыре года достигали района Приладожья. Интенсивный товарооборот на магистралях международной торговли начинается с VIII века, но нельзя забывать и о его более ранних предпосылках. Хорошо известно движение т. н. «восточного серебра» на Урал, где найдено более 170 сосудов среднеазиатского, иранского и византийского происхождения, относящихся к доарабской эпохе. В погребениях III—V вв. на среднем Прикамье в качестве украшений использовались раковины каури из Индийского океана. В этой связи весьма существенны материалы, указывающие на функционирование в общей системе торговых маршрутов сухоно-вычегодской магистрали, обеспечивающей связи с районами Прикамья /Горюнова, 1961; Рябинин, 1992/. Так постепенно складывались торговые маршруты, функционирование которых стало в VIII—X веках важнейшей характерной чертой истории Балтийского региона.

Итоговые статьи, объединяемые в сборник, естественно позволяют лучше выявить имеющиеся лакуны и направления,

нуждающиеся в дополнительной разработке. Так по-прежнему темными веками из-за скудости материала остается для многих областей Северо-Запада пора раннего железа, а наряду с этим и вопросы первичного распространения земледелия. Изучение последней проблемы невозможно без широкого привлечения методов смежных дисциплин. Образно говоря, в распоряжении исследователя, раскапывающего тот или иной памятник, оказываются два вида источников — артефакты и экофакты. Первые тщательно собираются и изучаются, тогда как ограниченные возможности углубленного анализа вторых и слабость соответствующей лабораторной базы или просто отсутствие сведений о новых методах ведет к потере очень ценной информации. Совершенно ясно, что необходимо хотя бы на контрольных раскопках произвести флотацию, позволяющую получать микроскопические остатки флоры и фауны. Например, лаборатория университета в Йорке изучает даже остатки насекомых и установила, что, например, размеры комаров за время периода викингов существенно возросли. Опыт такого всестороннего анализа экофактов на основе международного сотрудничества был осуществлен в Южном Туркменистане при новом цикле работ на поселении неолитических земледельцев Джейтуне /Новые исследования... 1992/. В настоящее время вопрос о подобных исследованиях обсуждается с зарубежными коллегами по ряду программ, связанных с Северо-Западом.

И последнее. Историческая интерпретация данных археологии становится особенно результативной при рассмотрении проблематики на широком историческом фоне. Для этого очень важно наличие информационного пространства, не ограниченного политическими и лингвистическими пределами. ИИМК проделал за последние годы в этом отношении определенную работу как для получения соответствующей зарубежной информации, так по популяризации и пропаганде достижений отечественной археологии. В этом отношении немаловажную роль сыграли два российско-датских симпозиума /Взаимодействие древних культур ... Л., 1989; Носов, 1992/. Существенным явлением в общеевропейской археологии явилась публикация в Англии блока статей под общим наименованием «Археология Новгорода». В ходе налаживающегося взаимодействия западные коллеги получают возможность знакомиться и с концептуальными разработками российской археологов. В этой связи можно упомянуть, что в сентябре 1992 года на международном конгрессе в Йорке, собравшем обширную аудиторию медиевистов, был заслушан на пленарном заседании доклад Е. Н. Носова «Европейский урбанизм: взгляд с Востока». Надо надеяться, что дальнейшие исследования российского Северо-Запада будут протекать в тесном сотрудничестве отечественных и зарубежных археологов на различных стадиях научных разработок от полевого цикла до теоретических обобщений.

ЛИТЕРАТУРА

- Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря. Тезисы докладов советско-датского симпозиума. Л., 1989.
- Горюнова Е. И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья// МИА, № 96, М. — Л.
- Журавлев А. П. 1962. Энеолит Карелии. Автореферат кандидатской диссертации. Петрозаводск.
- Крайнов Д. А. 1987. Некоторые спорные вопросы неолита северной половины Европейской части СССР//В кн.: Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М.: 6—8.
- Лаушкин К. Д. 1962. Онежское святилище//Скандинавский сборник, V. Таллин.
- Массон В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л. Новые исследования на поселении Джейтун (Предварительные сообщения о работах советско-английской экспедиции). 1992. Ашгабат.
- Носов Е. Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е. Н. 1992. Симпозиум археологов Дании и России.//Археологические вести. № 1: 252—254.
- Ошибкина С. В. 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.
- Рябинин Е. А. 1991. Финно-угорские племена в составе Древней Руси// Автореферат докторской диссертации. Л.
- Рябинин Е. А. 1992. Северный трансевропейский путь X века и моря// Археологические вести. № 1: 153—162.
- Формозов А. А. 1983. Первый опыт комплексного исследования памятников первобытной культуры в России//Природа. № 1.
- Херманн. 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона//В кн.: Славяне и скандинавы. М.: 8—128.
- Champion T., Gambel C., Shennan S., Whittle A. 1987. Prehistoric Europe. Academic Press.
- The Archaeology of Novgorod, Russia. 1992.//The Society for Medieval Archaeology. Monograph Series: N 13. Lincoln. 240 p.

В. И. ТИМОФЕЕВ

ПАМЯТНИКИ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА РЕГИОНА ПЕТЕРБУРГА И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ КУЛЬТУР КАМЕННОГО ВЕКА БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

В данной статье предлагается обзор основных источников и наиболее важных, с точки зрения автора, проблем, связанных с местом древностей обширного региона Санкт-Петербурга — Ленинградской области — в ойкумене каменного века Северо-Западной Европы, с особым вниманием к их соотношению с культурами Прибалтики. Относительно больше места будет отведено неопубликованным материалам автора, полученным в последние годы, в отдельных случаях также комплексам опубликованным давно в труднодоступной для широкого читателя литературе.

Мы не рассматриваем здесь историю исследований памятников каменного века территории современной Ленинградской области. Период до 1960-х гг., связанный с именами российских ученых А. А. Иностранцева, С. С. Гамченко, А. А. Спицына, Г. П. Сосновского, Б. Ф. Землякова, В. И. Равдоникаса, С. Н. Замятнина, Л. А. Динцеса и других, финляндских исследователей Ю. Айлио и С. Пельси освещен в разделе монографии Н. Н. Гуриной (Гурина 1961: 11—19, см. также Гурина 1985: 6—11). Этот фундаментальный труд, посвященный древней истории Карелии и Ленинградской области, содержит важные материалы и результаты исследований, проведенных Н. Н. Гуриной, прежде всего, в Юго-Восточном Приладожье, а также археологическую карту известных к тому времени памятников. Позднее, в 1960—1990-е гг. некоторые исследования были проведены на Карельском перешейке (С. Н. Руденко, Р. В. Козырева, И. В. Берещагина, В. И. Тимофеев, стоянки, открытые С. Пельси, обследовались также В. Ф. Филатовой, П. М. Долухановым, следует отметить работы краеведа В. М. Соколова), на западе области были проведены подводные исследования В. П. Петренко и разведки В. И. Тимофеевым. Значительные материалы были получены на востоке и северо-востоке области, где раскопки и разведки памятников каменного века проводятся Т. М. Гусенцовой и Ю. Н. Урбаном, в разные годы отдельные разведки и сборы в ряде пп. проводились также карельскими археологами Г. А. Панкрушевым, Ю. А. Савватеевым, С. И. Кочкуркиной, А. П. Журавлевым, в самые последние годы успешные работы здесь провели молодые исследователи Н. В. Кандакова и О. М. Тихомирова. На юге области группа памятников в 1982—84, 88—89 гг. была открыта и исследована В. И. Тимофеевым. Значительная часть материалов, полученных в последние три десятилетия, неопубликована. Следует отметить также, что лишь частично опубликованными остаются обширные коллекции, полученные Ю. Айлио и С. Пельси на севере Карельского перешейка и хранящиеся в Национальном музее Финляндии, г. Хельсинки.

Мезолит. Наиболее изучена стоянка Соколок (Лужский район)¹. Памятник открыт в 1982 г. В. И. Тимофеевым, в 1983—84 гг. вскрыто 104 кв. м площади стоянки (Тимофеев 1985: 11—12). Стоянка находится в пределах Лужской моренной зоны в 50 км к западу-северо-западу от г. Луга, на южном берегу Соколецкого озера, занимая ровную площадку у подножия сложенной суглинком господствующей в рельефе гряды — мыса древнего озера. Поверхность памятника была освобождена от воды лишь в 1970-е годы, после проведения мелиоративных

¹ В недавно изданной «Археологической карте Ленинградской области» (Лапшин 1990: 50—51) данные, характеризующие памятник, изложены неточно.

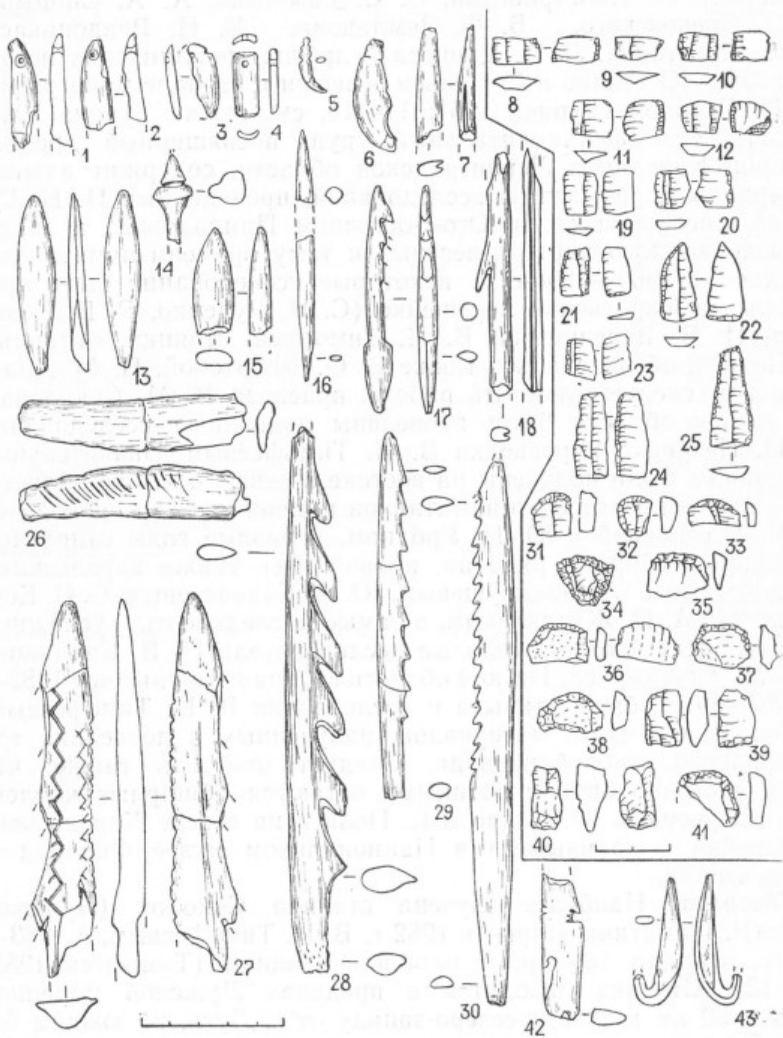

Рис. 1. Инвентарь мезолитической стоянки Соколук (1—7, 13—18, 26—30, 42, 43 — кость, 8—12, 19—25, 31—35 — кремь, 36—41 — кварц).

работ, снизивших уровень воды в озере не менее чем на 1,5—2 м. Топография памятника, возможно, объясняет практически полное отсутствие мезолитических стоянок на обширной территории, включающей значительную часть Ленинградской области и прилегающие районы Псковской и Новгородской областей. Слой, содержащий находки, — светло-желтый песок мощностью до 16 см залегает непосредственно под дерном и подстилается тонким слоем торфа, залегающим на плотном алевролите, скорее всего, позднеледникового возраста. Перекрывавшие культурный слой отложения были, очевидно, размывы. Слой песка перемыт водами озера, в нем встречаются в небольшом количестве и поздние предметы преимущественно средневековые.

Залегание под культурным слоем торфа обеспечило хорошую сохранность костного материала. Среди фаунистических остатков, по предварительному определению Н. М. Ермоловой, преобладают кости лося. Значительной серией представлены изделия из кости и рога (свыше ста пятидесяти, в основном, в виде фрагментов). Данные по костяному — роговому инвентарю опубликованы (Тимофеев 1987: 100—104). Среди орудий преобладают наконечники гарпунов или зубчатые острия с односторонне расположенными зубцами, различающиеся размерами, формой и частотой расположения зубцов. Представлены заготовки, свидетельствующие об изготовлении этих орудий непосредственно на месте. Среди находок серия наконечников с пазами для кремневых вкладышей, расположенными по одному краю орудия, в том числе редкой формы наконечник, у которого по второму краю оформлены клювовидной формы зубцы (Рис. 1—18). Сходные изделия встречены на северо-западе России в материалах Нижнего Веретья I и Оленеостровского могильника (Ошибкина 1983: табл. 37; Гурина 1956: рис. 48). Среди других орудий (Рис. 1—8, 13—18, 26—30, 42, 43) — наконечники стрел (игловидные, листовидные и наконечник «шигирского типа»), «пешни», «костяные скребки», проколки, два рыболовных крючка, серия украшений — подвесок из плоских, тонких кусочков кости подчетыреугольной и овально-удлиненной формы, а также изготовленных из зубов животных. Встречены костяные изделия с орнаментом (Рис. 1—26, 27). Практически все основные типы костяных—роговых изделий находят аналогии в материалах культуры Кунда Эстонии и Латвии. При сопоставлении с типолого-хронологической шкалой, разработанной на восточно-прибалтийских материалах (Загорска, Загорскис 1977: 69—75) инвентарь стоянки более близок к комплексам среднего мезолита, датируемым бореальным климатическим периодом. Форм, характерных для позднего мезолита, в комплексе стоянки почти нет.

Приведем некоторые более подробные данные о кремневом инвентаре, для кундских комплексов относительно многочисленном.

Типологический состав кремневого инвентаря:

Обломков и останцов нуклеусов	23
Нуклеус со смежными ударными площадками	1
Резцы угловые на пластинах и сечениях	4
на отщепах	8
Микрорезцы	2
Скребок-резец	1
Скребки на отщепах с резцовыми сколами по основанию	2
Скребок концевой на пластине	1
Скребки концевые короткие на сечениях пластин	2
на отщепах	4
Скребок двойной концевой на отщепе	1
Скребки на массивных отщепах и обломках нуклеусов	4
Микроскребки подокруглой формы	3
Скребки на отщепах случайной формы (преимущественно, короткие, на тонких, плоских отщепах)	46
Скребок-острие	1
Скол с рабочего лезвия скребка	1
Острие	1
Фрагменты острий (?)	2
Черешковый наконечник на пластинке, атипичный	1
Перфораторы (проколки, провертки, сверла)	16
Пластинки с затупленным концом	2
Пластинки и микропластики с ретушью и следами ретуши	40
Пластинка с регулярной приострающей ретушью по обеим граням	1
Сечения с ретушью и следами ретуши	16
Изделия с подтеской края (долотовидные)	8
Отщепы с выемчатым и ретушированным краем	10
Отщепы с ретушью и со следами ретуши	55
Наконечники стрел с двусторонней ретушью	2
Фрагмент изделия с двусторонней обработкой	1
Пластинки и микропластинки неретушированные	26
Сечения неретушированные	10
Сколы реберчатые	7
Отщепы, осколки, чешуйки	312

Представлены также фрагменты двух шлифованных сланцевых рубящих орудий и серия сколов с поверхности подобных орудий, обломок шлифовальной плитки.

Судя по мелким размерам орудий и заготовок, утилизации большинства более или менее подходящих отщепов, предельной сработанности нуклеусов, кремневое сырье сэкономили. На это же указывает очень высокий % изделий с вторичной обработкой — 234 из 614 находок кремня, т. е. 38,1 %. Кремь поступал, видимо, с удаленных территорий. Специальным исследованием, проведенным В. А. Галибиным (см. подробнее ниже) установлено верхневолжское происхождение части кремня кол-

лекции. С этим хорошо увязывается зафиксированное использование плитчатого кремневого сырья, а также некоторые элементы в индустрии (в частности, распространенность приема фрагментации пластинок для получения коротких сечений).

Довольно значительной серией представлены предметы из кварца (около двухсот). Среди изделий с вторичной обработкой представлены ретушированные (в том числе выразительные скребки); оформленные резцовым сколом; а также изделия с подтеской рабочего края. В слое найдены нуклевидные куски кварца и кварцевые галечки. Кварцевый компонент присущ стоянкам северной части ареала культуры Кунда, сближая их в определенной мере с более северными мезолитическими индустриями. Как в кундских комплексах, так и в других мезолитических индустриях севера находят аналогии уплощенные в сечении, тонкообушные шлифованные сланцевые рубящие орудия, представленные на Соколке фрагментами. Особо следует отметить находку обернутого берестой каменного грузика — видимо, грузила для сетей.

Кремневый инвентарь Соколка хорошо соответствует типичной кундской индустрии, характерные особенности которой сейчас выявлены исследованием К. Яанитса (Яанитс 1990). Характерно, в частности, преобладание среди орудий скребков из отщепов, преимущественно коротких и широких (боковых). Набор резцов, тонкие пластинки и их сечения—вкладыши хорошо соответствуют развитым кундским комплексам. Ланцетовидное острие (Рис. 1—22, «атипичное яниславицкое», как предложил его именовать Р. Шильд) также, как видно из работы К. Яанитса, не единично в кундских комплексах, подобные известны в Пулли и Лепакосе.

В целом, стоянку Соколк, базируясь на типологии костяного—рогового и кремневого инвентаря следует отнести к средним этапам кундской культуры.

К позднему мезолиту, позднему этапу культуры Кунда в Ленинградской области относится другой памятник — Тыввала, находящийся на правом берегу р. Нарва, по которой здесь проходит граница между Россией и Эстонией. Мезолитические находки здесь были обнаружены карьером по разработке диатомита, место карьера с первоначальными находками находилось в 160 м от русла реки². В 1938 и 1939 гг. здесь были найдены четыре костяных наконечника с треугольным выделенным острием и длинным черешком (Рис. 2—12, 13), нередко этот тип именуют, по данной находке, «типом Тыввала». Там же найден уплощенный костяной кинжал с зигзагообразным орна-

---

² Памятник в настоящее время находится на трассе проектируемой шоссейной дороги Таллинн — Петербург, непосредственно на участке планируемого сооружения нового моста через р. Нарва (в настоящее время проект заморожен в связи с отсутствием финансирования).

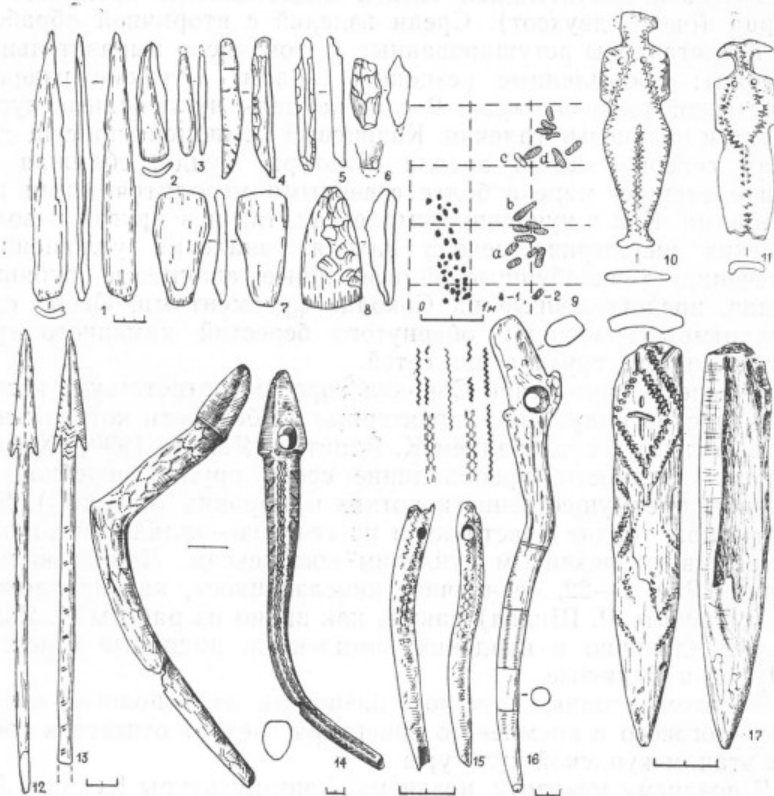

Рис. 2. Некоторые находки мезолита и раннего неолита из региона Петербурга и их аналоги:

1-9 — Антреа, 10 — Звейниекский могильник, Латвия, 11 — «коллекция А. А. Иностранцева», 12-14 — Тырвала, 15, 16 — аналоги «рукояти» из Тырвала из комплексов раннего этапа культуры Эртебелле Восточной Ютландии, 17 — находка на Старом Сяском канале (1-5, 7, 10-13, 17 — кость, 14-16 — рог, 6, 8 — камень, 9 — планиграфия находок в Антреа, по С. Пельси. 1 — каменные гальки-грузила, 2 — поплавки из коры березы. Индексами а — d отмечены поплавки, под которыми залежали остатки сети из коры ивы. (По С. Андерсену, Ф. Загорскису, Р. Индреко, А. А. Иностранцеву, Г. Кларку, Х. Моора, С. Пельси, В. И. Тимофееву).

ментов, имеющий следы обмотки рукояточной части полосками бересты и подкруглой формы деревянный поплавок с отверстием в центре (Indreko 1948: abb.* 70 — 1, 2, abb.* 75 — 4, abb.* 7 — 2). В 1949 г. здесь был найден орнаментированный роговой предмет, определенный как скульптурное изображение змеи (Могога 1957: 224—232). Все находки были связаны с нижним (видимо, преимущественно) и средним горизонтом диатомитов и залежали на глубине не менее 1,5 м. Описание стратиграфии, сделанные Р. Индреко и К. Орвику (Indreko 1948: 94, abb.* 27) и посетившей карьер в начале 1950-х гг. Г. Н. Лисицыной (Лисицына 1961: 542—546) несколько отличаются, однако несомненна связь находок в основном с нижним горизонтом диатомитов, отложение которого относится к раннеатлантическому времени или к переходу от бореала к атлантикуму и атлантикуму. Характер памятника неясен, систематических раскопок там не производилось. Обычно Тырвала квалифицируется как «местонахождение» (напр. Кольцов 1977: 129). Наконечники, найденные в Тырвала, представляют собой тип, характерный для второй половины мезолита Восточной Прибалтики (очень близкие аналоги происходят, в частности, из позднемезолитического комплекса Оса в Юго-Восточной Латвии, датированного С¹⁴ концом VI — началом V тыс. до н. э.). Особый интерес представляет орнаментированное роговое изделие («скульптура змеи»). Этот предмет, стоящий особняком среди мезолитических находок Восточной Европы, находит хорошие соответствия в группе мезолитических изделий Западной Прибалтики, датирующихся преимущественно ранним или бескерамическим этапом культуры Эртебелле и наиболее представленными среди находок из Восточной Ютландии (Andersen 1981: 7—59). Среди этих изделий, «рукоятей», имеющих, так же, как и находка из Тырвала, сквозное отверстие (по типу «жезла начальника») имеются и орнаментированные сходным образом (Рис. 2—14, 15, 16). Возможно, данная находка, наряду с некоторыми другими, позволяет поднять вопрос о существовании в позднем мезолите далеких «циркумбалтийских» связей или распространении в это время определенных представлений, общих для населения удаленных частей Балтийского региона и прилегающих территорий.

Находки из Соколка и Тырвала показывают, что в среднем мезолите и в позднемезолитическое время территория западной и южной части современной Ленинградской области входила в ареал восточноприбалтийской мезолитической культуры Кунда. Отдельные орудия кундских типов имеются также в знаменитой «коллекции А. А. Иностранцева», собранной в ходе работ по прорытию Нового Сяского канала в Южном Приладожье (Иностранцев 1882: Табл. IX—7). Перечисленные памятники составляли, очевидно, восточную периферию кундской культуры (Рис. 3, карта 1). Восток территории современной

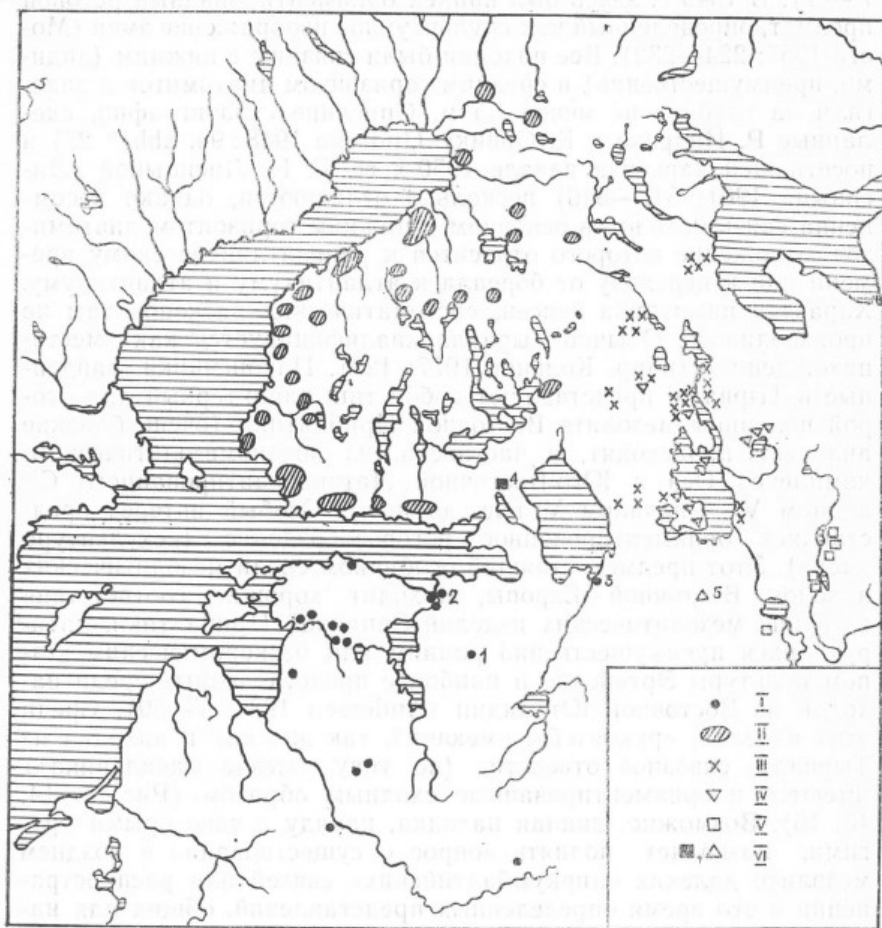

Рис. 3. Памятники разных этапов каменного века региона Петербурга и их место среди окружающих культур лесной зоны Северо-Восточной Европы.

Карта I. Мезолит. Условные обозначения:

I — культура Кунда, *II* — районы распространения культуры Suomusjärvi Финляндии, по М. Хуурре, *III*, *IV* — мезолитические стоянки карельской общности, *III* — с кварцевым и сланцевым инвентарем, *IV* — с кремневым инвентарем, *V* — памятники типа Нижнего Веретья, *VI* — памятники неясной культурной атрибуции. Памятники региона Петербурга: 1 — Соколок, 2 — Тырвала, 3 — находки из «коллекции А. А. Иностранцева», 4 — Антреа, 5 — Лиственка.

Ленинградской области был в мезолите, скорее всего, занят населением иной культурной традиции, на что указывают материалы мезолитической стоянки Лиственка III, исследовавшейся в Бокситогорском районе экспедицией Череповецкого краеведческого музея (автор раскопок сотрудник музея, стажер ИИМК РАН Н. В. Кандакова—Косорукова). Богатая коллекция кремневого инвентаря, развитая пластинчатая индустрия с «пост-свидерскими» наконечниками тяготеет к индустриям более восточных или юго-восточных районов.

Особое место среди мезолитических памятников современной Ленинградской области занимает уникальный комплекс Антреа—Корпилахти³ на севере Карельского перешейка, исследованный в 1914 г. финским археологом С. Пельси (Pälsi 1920: 3—19). Мезолитические находки связаны с обширной депрессией, расположенной в пределах бывшего пролива, соединявшего Ладожское озеро с Литориновым морем, залегали в слое суглинков морского происхождения, перекрытых гиттией и торфом, и на этом слое на глубине около 1,1 м. Раскопками С. Пельси были открыты компактное скопление поплавок из сосновой коры (18 экз., каждый размером около 30 см) и расположенное на смежном участке скопление необработанных галек, очевидно, использовавшихся в качестве грузил для сети, причем были отмечены небольшие стратиграфические отличия в расположении скоплений. Непосредственно в суглинке были отмечены перекрытые скоплениями остатки сети, плетеной из ивовой коры. Крупнейший исследователь мезолита Северной Европы Г. Кларк, специально изучавший находки из Антреа, считает, что размеры сети составляли около 27—30 на 1,3—1,5 м (Clark 1975: 221—227). Близ этого участка были обнаружены изделия из кости, рога и камня⁴. Среди находок кинжал с коротким пазом для вкладышей, расположенным по одному краю орудия⁵ (Рис. 2—1), еще одно подобное орудие, видимо, было утрачено, изделие типа долота из крупной трубчатой кости, «топор» из рога лося, костяное острие или наконечник (всего 23 предмета со следами обработки, причем основным материалом служили кость и рог лося).

Среди каменного инвентаря — рубящие орудия из диабазы и их обломки (5 экз., в т. ч. со шлифовкой по лезвию и по значительной части поверхности), обломки шлифовальных плит, несколько отщепов кварца, а также отмеченные выше гальки—грузила (31 экз.). Уже вскоре после открытия комплекса по данным спорово-пыльцевого анализа был поднят вопрос

³ Близ современной деревни Озерское Выборгского района.

⁴ С. Пельси подчеркивает, что в основном они происходят из отвалов мелiorативных работ и не были зафиксированы в слое. Однако связь этих артефактов с находками сети вряд ли может быть подвержена сомнению.

⁵ Судя по некоторым данным (Pälsi 1920: 12) можно предположить использование в качестве вкладышей отщепов кварца.

о весьма раннем, в пределах пребореального периода, возрасте находки. В 1970-е гг. по поправку из сосновой коры, хранящемуся в фондах Национального музея Финляндии, была получена дата $C^{14} 9230 \pm 210$ л. т. н., $Hel - 269$ (Jungner 1979: 44).

В целом, как состав находок, так и условия залегания, стратиграфические и топографические (на дне древнего водоема) весьма необычны, так же как и отмеченная концентрация находок на очень ограниченной площади. Видимо, имеет право на существование гипотеза о принадлежности находок комплексу, связанному с перевернувшейся лодкой, или реконструкции происшествия с провалившимся под лед рыбаком каменного века, который нес «с собой в ранце сеть и необходимый набор костяных и каменных орудий» (Равдоникас 1937: 270).

Высказывалось, в том числе таким авторитетом как Г. Кларк (Clark 1975: 221—227), мнение о связи комплекса Антреа с культурой Кунда. Вместе с тем необходимо отметить, что артефакты, обнаруженные в Антреа (Рис. 2 1—9), относятся к числу типов, встречающихся в разных культурах мезолита Севера Европы. Во всяком случае, специфически кундские формы в коллекции отсутствуют, а синхронные костяные—роговые индустрии ближайших территорий Финляндии и Карелии пока практически неизвестны. Вопрос о культурной принадлежности находок из Антреа пока, видимо, следует оставить открытым. На наш взгляд, находки Антреа, до сих пор уникальные для своего хронологического диапазона и, к несчастью, лишь частично в должной мере зафиксированные в поле, стоят пока особняком среди комплексов, относящихся к самым начальным этапам заселения Севера Европы. Возможно, это вполне объяснимо, т. к. сложение устойчивых сочетаний культурозначимых признаков — формирование локальных археологических культур на этой территории относится к несколько более позднему времени.

К мезолитическому периоду могут относиться и отдельные другие пункты находок с территории современной Ленинградской области — у ст. Разлив (Гурина 1961: 41—42), а также некоторые пункты, открытые нашими разведками на Карельском перешейке близ Климово, Волочаевского и др., где вместе с кварцевой индустрией не было обнаружено находок синхронной керамики. Однако датировка этих находок требует более обоснованной аргументации.

Неолит. Эталонным памятником для неолита и эпохи раннего металла юга области можно считать стоянку Сяберская III (открыта автором в 1984 г.). Памятник расположен в километре к востоку от дер. Сяберо Лужского района, на восточном берегу Сяберского озера, на первой надпойменной террасе впадающего в озеро ручья (бывшего ранее более многоводным), на правом берегу ручья, на высоте 1—1,5 м над урезом воды (Рис. 4-А). Стоянку отличает значительная мощность культурных отложений, достигающая на некоторых участках метра и несколько

более. В 1988, 89 гг. на памятнике вскрыта площадь в 120 кв. м, установлена многократность его заселения. В почвенном слое и верхней части нижележащего слоя серо-коричневого гумусированного песка преобладали находки керамики эпохи раннего металла, в нижней части этого слоя большинство находок составляли фрагменты неолитической гребенчато-ямочной кера-

СЯБЕРСКОЕ ОЗЕРО

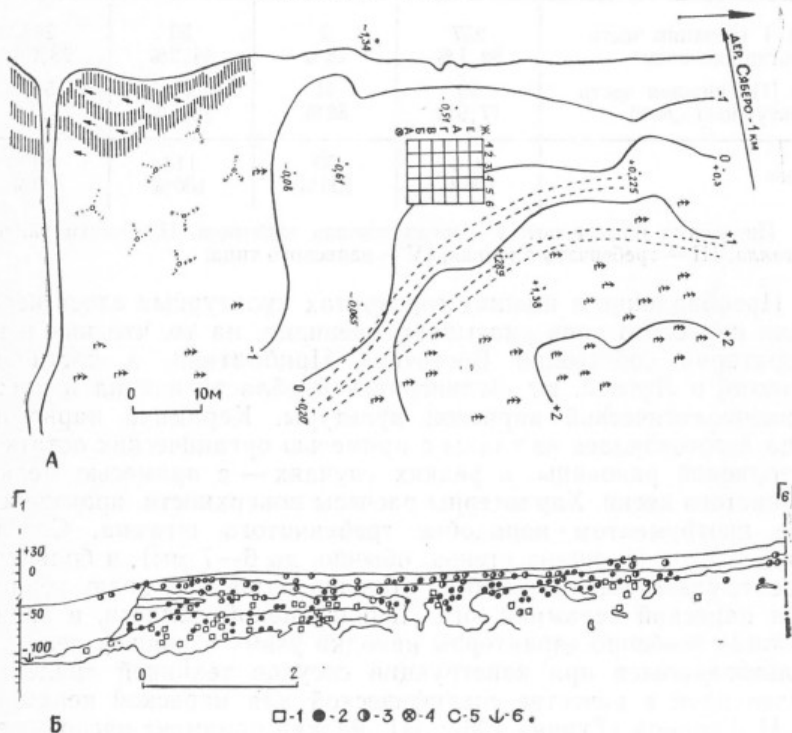

Рис. 4. Сяберская III:

А — план. Б — стратиграфический разрез с проекциями позиций находок керамики разных типов. 1 — керамика нарвского типа, 2 — гребенчато-ямочная, 3 — эпохи раннего металла, 4 — рыхлая керамика с обильной минеральной примесью, 5 — средневековая, 6 — рубящее орудие из камня.

мики, многочисленные также в нижележащем светло-желтом песке, где они залегали вместе с ранне-неолитической керамикой нарвского типа. Ниже залегал второй слой гумусированного песка, в котором преобладали находки керамики нарвского типа (Рис. 4—Б). Отмечена серия ям, в заполнении которых залегала гребенчато-ямочная и нарвская керамика.

Многократность заселения характерна и для других памятников, расположенных на побережье озер юга области. Подобная ситуация была зафиксирована на южном побережье оз. Ме-

ревское, к востоку от г. Луга, где автором в 1983 г. совместно с Н. Н. Гуриной вскрыто 80 кв. м. Количественное соотношение находок разновременной керамики в стратиграфически не расчленяющемся культурном слое памятника суммировано ниже:

Тип керамики	I	II	III	IV
Гор. I (верхняя часть культурного слоя)	257 82,1%	9 18%	50 44,2%	240 28,9%
Гор. II (нижняя часть культурного слоя)	56 17,9%	41 82%	63 55,8%	590 71,1%
Итого	313 100%	50 100%	113 100%	830 100%

Индексами обозначены: I — средневековая керамика, II — эпохи раннего металла, III — гребенчато-ямочная, IV — нарвского типа.

Преобладание в нижних горизонтах культурных слоев керамики нарвского типа указывает, очевидно, на то, что как и на территории собственно Восточной Прибалтики, в частности Эстонии и Латвии, юг Ленинградской области входил в ареал раннеэнеолитической нарвской культуры. Керамика нарвского типа изготовлялась из глины с примесью органических остатков и толченой раковины, в редких случаях — с примесью мелкозернистого песка. Характерны расчесы поверхности, произведенные инструментом наподобие гребенчатого штампа. Сосуды тонкостенны (толщина стенок, обычно, до 6—7 мм), в большинстве случаев имели прямой, утончающийся к краю венчик. Для нарвской керамики юга Ленинградской области, а также Эстонии особенно характерны находки узких глиняных лент, использовавшихся при конструкции сосудов техникой «налепа», выделенной в качестве специфической для нарвской керамики Н. Н. Гуриной (Гурина 1967: 34). Редкий орнамент расположен, как правило, лишь по верхней части сосуда, близ венчика, представлен, обычно, горизонтальными рядами насечек, ямчатых вдавлений, наколов, оттисков тонкого гребенчатого штампа, а также «веревочки, намотанной на палочку». В редких случаях отмечен орнамент «шагающей гребенкой» — один из довольно характерных видов орнаментации нарвской керамики Эстонии. Часть сосудов не имела орнамента.

Условия залегания находок в песчаных отложениях не способствовали сохранности характерных для большинства памятников нарвской культуры орудий из кости и рога. Все же на стоянке Мерево II в материковом оршштейне был найден фрагмент игловидного костяного наконечника, а в углистом заполнении одной из ям на стоянке Сяберская III — кусок обработанной кости (минерализованной, побывавшей в огне, что и обес-

печило ее сохранность) — эпифиз со следами косога надпила «под 45°» с последующим изломом, т. е. в технике расчленения кости, очень характерной для нарвской неолитической культуры.

Кроме юга области материалы нарвской раннеолитической культуры происходят из Южного Приладожья. Н. Н. Гуриной (Гурина 1967: 186) был поставлен вопрос об отнесении к нарвской культуре части находок из «коллекции А. А. Иностранцева», представляющей собой, как сейчас очевидно, разновременные находки, собранные с очень значительной площади. Соответствующая группа керамики из «коллекции А. А. Иностранцева» совпадала с нарвской не по всему набору характерных признаков, что позволяло сомневаться в правильности ее культурной атрибуции (Третьяков, Григорьев 1968: 271—275). Автором статьи в 1973 г., в период особенно низкого стояния грунтовых вод был проведен осмотр русла Нового Сяского канала, в ходе которого на участке протяженностью около километра к востоку от р. Волхов (т. е. там, где по данным А. А. Иностранцева было собрано особенно много находок), на разных участках были отмечены выразительные находки керамики нарвского типа и гребенчато-ямочной. В том же районе отдельные фрагменты нарвской и гребенчато-ямочной керамики были получены и при осмотре русел Старого Сяского канала, расположенного параллельно Новому Сяскому. Эти находки свидетельствуют, что неолитические стоянки были разрушены и при прорытии Старого Сяского канала в XVIII в. Среди находок из Старого Сяского канала следует отметить орнаментированный костяной кинжал, украшенный геометрическими фигурами, выполненными рядами подтреугольной формы углублений, в центре одной из фигур расположено изображение, напоминающее силуэт парящей птицы (Рис. 2—17). Среди находок из «коллекции А. А. Иностранцева» имеется костяная антропоморфная фигурка, орнамент которой выполнен в той же технике. Аналогичная фигурка (ср. Рис. 2—10, 11) была найдена в одном из раннеолитических нарвских погребений Звейниекского могильника в Северной Латвии (Zagorskis 1987: с. 76, рис. 25). Судя по значительной площади, с которой происходят находки, на участках, вскрытых Старым и Новым Сяским каналами, находилось несколько стоянок, принадлежащих, видимо, к разным этапам каменного века (мезолит, ранний неолит, развитый неолит). К югу от «стоянок А. А. Иностранцева» автором в 1973 г. была открыта неолитическая стоянка на южной окраине дер. Березье, Волховского района. Культурный слой памятника, находящегося на уровне поймы близ правого берега р. Волхов, связан с озерными (Ладожскими) отложениями. В настоящее время культурный слой залегает ниже уровня воды р. Волхов. Среди находок из шурфа, вскрывшего, видимо, лишь верхнюю часть культурных отложений, и в обширной коллекции подъемного материала представлена неולי-

тическая керамика: 1) раннеолитическая, нарвского типа, 2) раннеолитическая, типа сперрингс (причем отмечены фрагменты сосуда «гибридного» облика, сочетающего признаки керамики типа сперрингс и нарвской, 3) гребенчато-ямочная и ямочно-гребенчатая. Отмечены также фрагменты костяных орудий и фаунистические остатки (Тимофеев 1985: 14).

Нарвские комплексы Ленинградской области входят, наряду с памятниками Эстонии, в северный вариант обширной нарвской культуры; формирование этого варианта, по мнению автора (Тимофеев 1975: 18—24) относится к второй половине раннего неолита. Эти памятники являются несколько более поздними по сравнению с древнейшими стоянками исходного для нарвской культуры южного локального варианта, включающего памятники Юго-Восточной Латвии, Северной Белоруссии, Смоленской области и, видимо, Восточной Литвы. На большей части своего ареала нарвская культура существовала лишь в раннем неолите. Исключение составляют прибрежные районы Литвы и Латвии, где нарвские традиции переживают длительное время и где, по-видимому, керамика западного варианта нарвского типа изготовлялась вплоть до распространения шнуровой керамики в конце III — начале II тыс. до н. э. В свою очередь, в литоральной зоне Литвы и Латвии не найдены пока раннекерамические комплексы.

Стоянки Ленинградской области составляли восточную периферию территории, занятой в раннем неолите нарвской культурой (Рис. 3 — карта 2), гранича в Приладожье с инокультурным раннеолитическим населением, носителями культуры Сперрингс, основной ареал которой занимает территории Финляндии и Карелии.

Керамика типа сперрингс известна на рассматриваемой территории в нескольких пунктах, расположенных на Карельском перешейке, а также на востоке области и в Южном Приладожье. «Чистые комплексы» керамики типа сперрингс среди стоянок, известных на территории Ленинградской области отсутствуют. Данная керамика составляет часть находок со стоянки Хяйринмяки на севере Карельского перешейка, к востоку от г. Выборг. В обширной коллекции (колл. №№ 5620, 5428 Национального музея Финляндии, г. Хельсинки) представлены, наряду с керамикой сперрингс, гребенчато-ямочная и шнуровая керамика. По А. Европеусу (Europeus—Åugärå 1930: 168) в материалах Хяйринмяки представлены все стадии развития неолитической керамики Финляндии, в частности, для керамики сперрингс отмечены фрагменты сосудов и ранней, и поздней фаз развития (op. cit: 171—179). Керамика типа сперрингс на Карельском перешейке была найдена С. Пельси в Каукола и Риукярви. Отдельные находки этой керамики известны также в Выборгском районе на оз. Красавица (п. Каменка I, коллекция в ИИМК РАН). На оз. Хепоярви в южной части Карельского

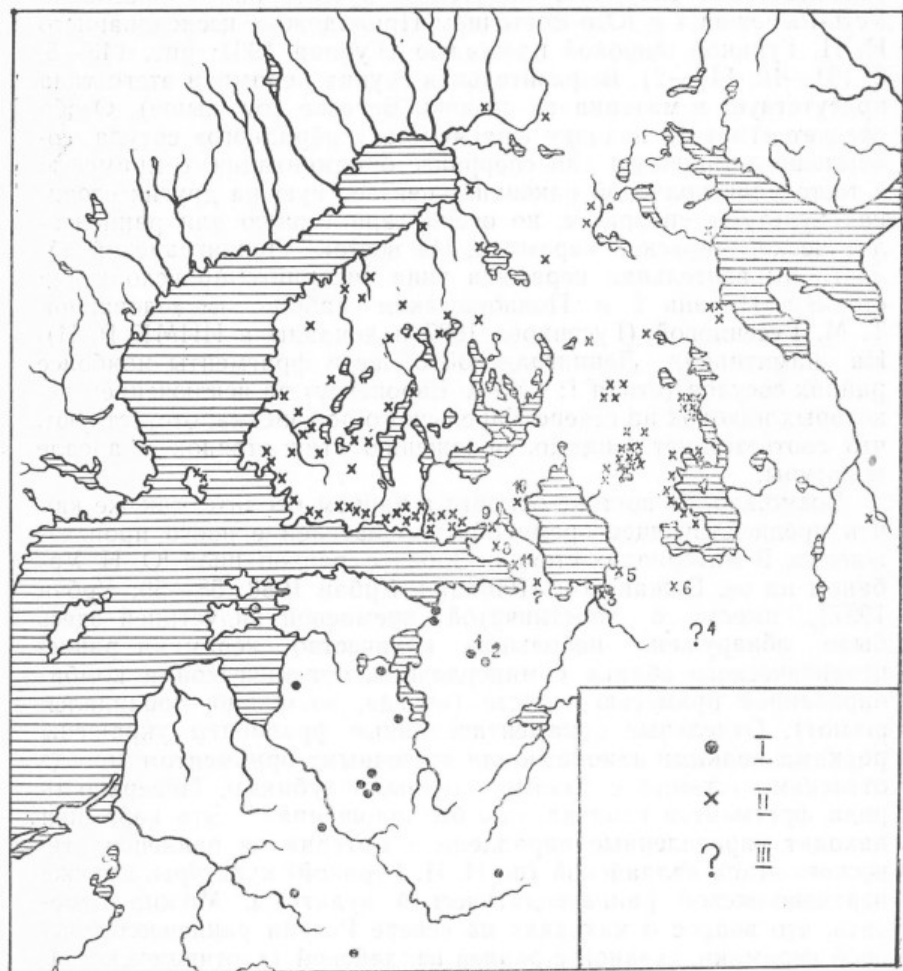

Рис. 3. Карта 2. Ранний неолит:

I — нарвская культура, *II* — культура сперрингс, *III* — материалы с элементами валдайских влияний. Памятники региона Петербурга: *1* — Сяберская *III*, *2* — Мерево *II*, *3* — Березье и «стоянки А. А. Иностранцева», *4* — Забелье, *5* — Усть-Рыбежна *I*, *6* — Падань, *7* — Хепо-ярви, *8* — Каменка *I*; *9* — Хайринмяки, *10* — Риукярви, Каукола, *11* — Заливное.

перешейка (раскопки И. В. Верещагиной) в культурном слое вместе с гребенчато-ямочной керамикой были найдены и фрагменты нескольких сосудов типа сперрингс. Несколько фрагментов керамики сперрингс имеется и в материалах поселения Усть-Рыбежна I в Юго-Восточном Приладожье, исследованного Н. Н. Гуриной широкой площадью (Гурина 1961: рис. 143—5, 6, 131—10, 141—2). Выразительная группа керамики этого типа присутствует в материалах стоянки Березье (см. выше). Особо следует отметить находку фрагментов «гибридного» сосуда, сочетающего типичную для сперрингс орнаментацию с примесью в тесте мелкотолченой раковины, неизвестную на других стоянках культуры сперрингс, но очень характерную для раннеэнеолитической нарвской керамики. На востоке Ленинградской области выразительная керамика типа сперрингс происходит со стоянки Падань I в Подпорожском районе, исследованной Т. М. Гусенцовой (Гусенцова 1987 и доклады в ИИМК РАН). На памятниках Ленинградской области фрагменты наиболее ранних сосудов (стиля 1: I по А. Европеусу) за исключением некоторых находок на севере Карельского перешейка, отсутствуют, что соответствует, видимо, положению этих стоянок в ареале культуры.

Возможно, на востоке области в раннем неолите, так же как и в предшествующее время обитало население иного происхождения. В материалах стоянки Забелье, раскопанной Ю. Н. Урбаном на оз. Вожанском (Рябинин, Урбан 1988: 58—59; Урбан 1987), вместе с пластинчатой кремневой индустрией здесь было обнаружено небольшое количество керамики раннеэнеолитического облика с минеральной, органической и комбинированной примесью в тесте (иногда, возможно, добавлялся шамот). Отдельные орнаментированные фрагменты украшены редкими мелкими наколами или «точечным» орнаментом, иногда оттисками штампа с узкими длинными зубцами. Поверхность ряда фрагментов гладкая, как бы залощенная⁶. Эта керамика находит определенные параллели в материалах раннеэнеолитического этапа валдайской (по Н. Н. Гуриной) культуры, а также верхневолжской раннеэнеолитической культуры. Можно отметить, что вопрос о находках на севере России раннеэнеолитической керамики, сходной с ранней валдайской («котчищенской»), имеет долгую историю и впервые был поднят после открытия и исследования известной стоянки Черноборская III в бассейне Средней Печоры (Лузгин 1973: 97, 98).

Так же, как и в Восточной Прибалтике, ареал нарвской культуры на территории современной Ленинградской области был перекрыт комплексами иной культурной традиции, для которых характерна т. н. гребенчато-ямочная керамика. Эта керамика, как типологически и хронологически особая единица

⁶ За возможность ознакомиться с коллекцией в фондах Тихвинского музея автор благодарит Ю. Н. Урбана.

в классификационной системе неолитических материалов была охарактеризована и определена А. Европеусом (Europeus — Dugård 1930: 179—186) как стиль II неолитической керамики Финляндии. Для орнаментации этой керамики характерно преобладание оттисков гребенчатого (зубчатого) штампа, расположенных, чаще всего, горизонтальными рядами или зонами, покрывающими всю поверхность сосуда. Зоны оттисков гребенчатого штампа обычно разделены узкими горизонтальными рядами глубоких ямок. Кроме гребенчатого штампа в орнаментации встречаются оттиски «веревочки намотанной на палочку», «гладкого штампа», насечки, прочерченные линии. Нередок мотив горизонтального зигзага, образованного оттисками гребенчатого штампа или прочерченными линиями. Весьма характерными являются геометрические фигуры в виде ромбов, выполненных оттисками гребенчатого штампа, треугольных фигур, зигзагообразных полос и др. Подавляющее большинство сосудов с этой орнаментацией — крупные, полуяйцевидной формы горшки, реже встречаются небольшие сосудики. Характерна минеральная примесь в глиняном тесте, хотя в ряде памятников наряду с минеральной отмечена и органическая примесь.

Неолитические памятники, характеризующиеся гребенчато-ямочной керамикой, известны на очень широкой территории, охватывающей Финляндию (за исключением самой северной ее части), Восточную Прибалтику, Карелию, части Ленинградской и Новгородской областей, север Белоруссии, отдельные пункты известны в Калининградской области и на северо-востоке Польши (Рис. 3 — карта 3). В пределах очерченной территории особенно большое количество памятников известно на территории Финляндии, в южной и центральной части страны. Большое количество пунктов на территории современной Ленинградской области происходит с Карельского перешейка, особенно его северной части, по исследованиям, проведенным в начале нашего столетия Ю. Айлио и С. Пельси (Ailio 1909; Pälsi 1920). Значительная группа стоянок в южной и центральной части перешейка открыта и обследована также отечественными археологами как в 1920—1950-х гг. (см. обзор стоянок побережья Сестрорецкого Разлива и южной части Карельского перешейка — Гурина 1961: 415—438), так и в более позднее время, когда С. Н. Руденко были проведены раскопки стоянки Вьюн (Руденко 1970: 38—59), И. В. Верещагиной — стоянки на оз. Хепоярви, автором проведены разведки и рекогносцировочные работы в ряде пунктов (Тимофеев 1985 а: 346—348). Крупная коллекция материалов культуры гребенчато-ямочной керамики происходит из Юго-Восточного Приладожья, где на р. Паша Н. Н. Гуриной был раскопан эталонный комплекс Усть-Рыбежна I, площадь раскопа составила 1300 кв. м, причем культурный слой памятника «запечатан» мощной пачкой озерных отложений. Памятник детально опубликован (Гурина 1961: 330—

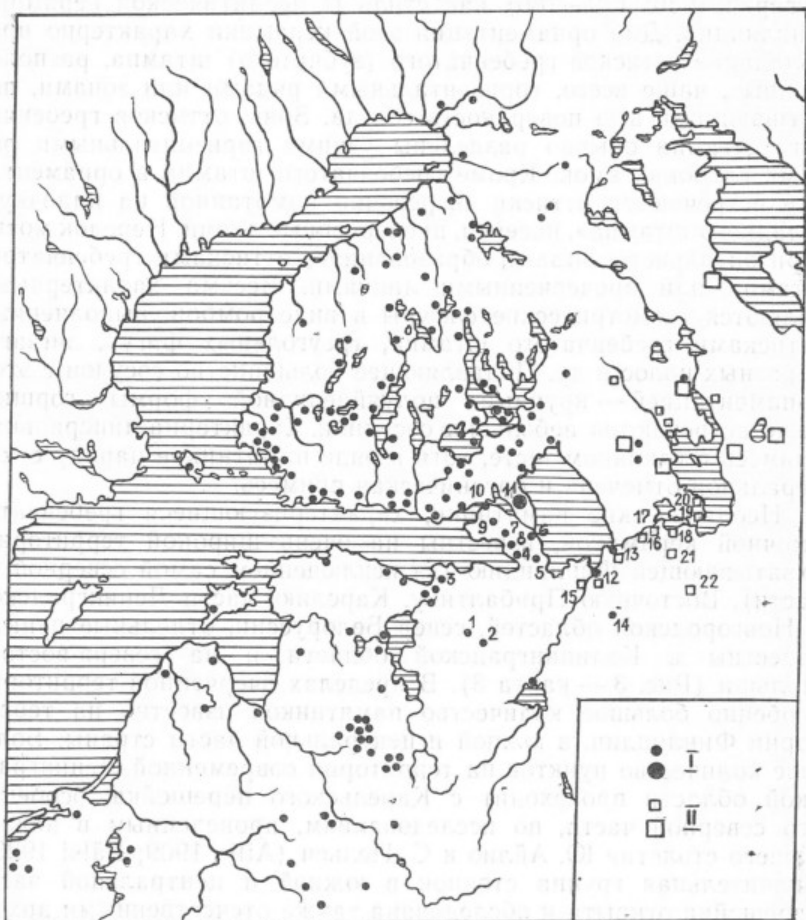

Рис. 3. Карта 3. Развитой-поздний неолит:

1 — стоянки с типичной гребенчато-ямочной керамикой, 11 — стоянки, группы стоянок развитого неолита — энеолита с ямочно-гребенчатой и ромбически-ямочной керамикой. Основные памятники региона Петербурга: 1 — Сяберская I, III, 2 — Мерево II, 3 — Помми, 4 — стоянки на оз. Разлив, 5 — Токсово, Хепоярви, 6 — Вьюн, 7 — Каннельярви I, 8 — стоянки на оз. Заливном и Котловинном, 9 — Камышевка, 10 — Хайрмяки, 11 — группы стоянок в Папингангас, Теперинахо, Пааволанкангас, Риукярви, Пинскунсалми, Лавамяки, Питкяярви, Юоксемяярви, 12 — Березье, «стоянки А. А. Иностранцева», 13 — Усть-Рыбежна I, 14 — Устье, 15 — Староладожская, 16 — Негежемская, 17 — Тойба, Прокино, 18 — Вязостров, 19 — Вознесенье, Стекляное, 20 — Гимрека, 21 — Падань, Чик-озеро, 22 — Карасёнка, Белое озеро, Горюн.

388). На западе области выразительные материалы типичной гребенчато-ямочной керамики происходят со стоянки Ломми, исследовавшейся Р. Индреко, а позднее Н. Н. Гуриной (Гурина 1961: 410—412). Среди своеобразных материалов неолитической стоянки Венкуль, открытой подводными работами, проведенными В. П. Петренко в русле р. Нарва, встречено и небольшое количество типичной гребенчато-ямочной керамики (Эфендиев, Петренко, Тимофеев 1989: 4—7). Следует отметить, что на границе Эстонии и России, на левом берегу р. Нарва расположены классические памятники культуры гребенчато-ямочной керамики Нарва—Рийгикюля II, I, раскопанные Н. Н. Гуриной (Гурина 1967). В последние годы памятники с гребенчато-ямочной керамикой были раскопаны автором на юге области, в Лужском районе. Среди них стоянки Сяберская III и Мерево II (см. выше). Следует отметить также стоянку Сяберская I, расположенную в полукилометре к северу от стратифицированного поселения Сяберская III. Стоянка, расположенная довольно высоко (до 3 м) над урезом воды озера, дала «чистый комплекс» гребенчато-ямочной керамики. Скопление, оставленное очевидно кратковременной стоянкой, было исчерпано раскопом 40 кв. м. Среди находок около тысячи фрагментов типичной гребенчато-ямочной керамики и лишь несколько фрагментов пористой керамики, близкой нарвской. Найдены также двустороннеоббитый топорик из кремня, обломок наконечника дротика, серия скребков на отщепях, несколько фрагментов крупных широких пластин, сланцевый стерженок от составного рыболовного крючка, серия изделий из кварца.

Одной из особенностей комплексов гребенчато-ямочной керамики является относительное обилие кремневых орудий, многочисленных в памятниках нарвской культуры раннего неолита. Давно высказывалось мнение о поступлении кремневого сырья в Восточную Прибалтику из района Волговерховья, богатого источниками кремня (Н. Н. Гурина). Специальным исследованием по методике, разработанной в ИИМК РАН В. А. Галибиным, было установлено, что часть кремня из материалов стоянок в Нарва—Рийгикюля (Эстония), Сяберское, Мерево на юге Ленинградской области происходит из мощных коренных выходов кремня, находящихся в долине р. Селижаровка (Осташковский район Тверской обл.). Присутствие кремня из этого источника отмечено и в мезолитической коллекции стоянки Соколок, т. е. по крайней мере на периферию восточно-прибалтийского региона верхневолжский кремень поступал уже в мезолитическое время (Галибин, Тимофеев, в печати 1993). На большинстве памятников с гребенчато-ямочной керамикой Ленинградской области встречены серии изделий из кварца, в том числе скребков, орудий с подтеской рабочего края, что сближает эти коллекции с материалами неолитических памятников более северных территорий.

На ряде стоянок, оставленных носителями типичной гребенчато-ямочной керамики, отмечены находки восточно-прибалтийских янтарных украшений. В одной из ям стоянки Сяберская III обнаружены асимметричная янтарная подвеска и незавершенное изделие, повторяющее форму известных «пуговиц», характерных для многих стоянок развитого—позднего неолита Восточной Прибалтики. Янтарное кольцо и подвеска обнаружены в материалах поселения Усть-Рыбежна I (Гурина 1961: рис. 124—8). Находки янтарных украшений отмечены и на памятниках Карельского перешейка. Так на стоянке Камышевка (Выборгский район, работы автора 1984 г.) в культурном слое, вскрытом шурфом, вместе с типичной гребенчато-ямочной керамикой обнаружена пластинчатая подвеска. Именно в период бытования на большей части восточно-прибалтийского региона и в Финляндии носителей гребенчато-ямочной керамики изделия из прибалтийского янтаря распространяются далеко на восток лесной зоны, вплоть до Средней Волги, как правило, их находят в раннеолосовском культурном контексте. Большие серии янтарных украшений появляются в это время в Приильменье и на севере — в Карелии.

Материалы групп поселений носителей типичной гребенчато-ямочной керамики не полностью тождественны, прослеживаются и некоторые особенности. Возможно, появление гребенчато-ямочной керамики в Финляндии и на Карельском перешейке относится к несколько более раннему времени, чем на других территориях. Для сосудов Карельского перешейка и Финляндии в ряде случаев присущи некоторые особенности — чаще встречается простой прямой венчик, сходный профилировкой с ранне-неолитической керамикой типа сперрингс, имеются специфические мотивы орнаментации, например, широкие горизонтальные прочерченные линии-желобки, по которым наносились редкие ямочные вдавления. На рис. 5 представлен опыт сравнения орнаментации венчиков сосудов «чистых», практически, комплексов керамики двух стоянок разных территориальных групп — крупной коллекции стоянки Каннельярви I на Карельском перешейке и стоянки Сяберская I на юге области (материалы автора, 1984 г.).

Памятники с гребенчато-ямочной керамикой существовали, видимо, длительное время. Для некоторых памятников Финляндии, Карелии и Восточной Прибалтики получены даты C¹⁴, относящиеся к середине — первой половине III тыс. до н. э., некоторые комплексы Финляндии датированы концом IV тыс. до н. э., наиболее поздние даты, полученные в Карелии и Восточной Прибалтике, относятся к концу III и началу II тыс. до н. э. К этому же времени относится серия дат по образцам из заполнения ям на стоянке Сяберская III — 4090 ± 120 , $3920 \pm$

± 70 , 3910 ± 100 , 3880 ± 160 лет тому назад, Ле-3430, 3431, 3427, 3426 (Тимофеев, Зайцева 1991: 125).

Типичная гребенчато-ямочная керамика характерна для памятников развитого-позднего неолита Карельского перешейка,

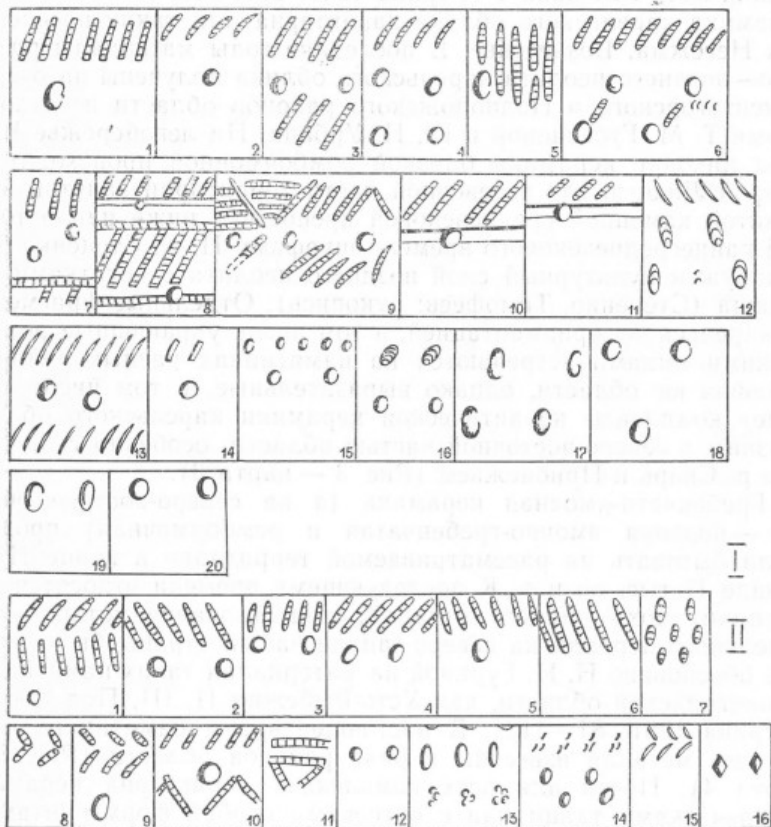

Рис. 5. Мотивы орнаментации венчиков сосудов неолитических стоянок культуры гребенчато-ямочной керамики Каннельярви 1 на Карельском перешейке (1) и Сяберская 1 на юге Ленинградской области (2).

западной и южной частей Ленинградской области, частично Юго-Восточного Приладожья. На востоке-северо-востоке области, в Междозерье и на территории к востоку от р. Волхов для многих неолитических комплексов характерна ямочно-гребенчатая керамика, близкая карельской, в орнаментации ее преобладают округлые, довольно глубокие ямки, позднее ямки ромбиче-

ской формы⁷. Появление ямочно-гребенчатой керамики в Карелии сейчас относят к ранненеолитическому времени (Лобанова 1988 : 50—66). Результаты исследований Н. В. Лобановой подтверждает, в частности, серия дат С-14 (ук. соч.: 54). Керамика, близкая ранней карельской, имеется и в обширной коллекции Усть-Рыбежна I (Гурина 1961: рис. 119, 120). Развитая керамика карельского облика характерна для таких поселений как Негежда, Вознесенье. В последние годы материалы развитого—позднего неолита карельского облика получены на озерах Бокситогорского и Подпорожского районов области исследованиями Т. М. Гусенцовой и Ю. Н. Урбана. На левобережье Волхова находки керамики близкой ромбоямочной происходят из Старой Ладogi, где в северной части территории занятой знаменитой каменной средневековой крепостью, ниже напластований раннесредневекового времени шурфами Н. К. Стеценко был обнаружен культурный слой позднего неолита с остатками кострища (Стеценко, Тимофеев: рукопись). Отдельные фрагменты с «карельской» орнаментацией, в том числе украшенные ромбическими ямками встречаются на памятниках разных районов, включая юг области, однако выразительные, в том числе «чистые» комплексы неолитической керамики карельского облика связаны с северо-восточной частью области, особенно с бассейном р. Свирь и Прионежьем (Рис. 3 — карта 3).

Гребенчато-ямочная керамика (а на северо-востоке области — поздняя ямочно-гребенчатая и ромбоямочная) продолжали бытовать на рассматриваемой территории в конце III — начале II тыс. до н. э. К последующему времени относятся памятники эпохи раннего металла, существование которой как отдельного периода на северо-западе нашей страны было впервые обосновано Н. Н. Гуриной на материалах таких памятников Ленинградской области, как Усть-Рыбежна II, III, Под Сопкой (Гурина 1961: 81—112). В настоящее время памятники эпохи раннего металла известны в ряде районов области (Рис. 3 — карта 4). Почти для всех комплексов характерна керамика с отпечатками ткани или с оттисками особой формы штампа, имитирующими ткань. Часть сосудов имела гребенчатую орнаментацию или другие «неолитоидные» виды орнамента. Многие сосуды имели плоское дно. Большая коллекция текстильной керамики происходит из верхней части культурных отложений стоянки Сяберская III. Здесь отмечены две технологические

---

⁷ Керамика с ромбоямочным орнаментом на территории части Карелии связывается с первым появлением медных изделий (Журавлев 1991) и относится к энеолиту. На наш взгляд, раннее появление индустрии меди на группе памятников Карелии является локальным феноменом, обусловленным наличием доступных источников сырья. Энеолитические поселения Карелии были окружены массивом синхронных неолитических памятников. Находки ромбоямочной керамики на памятниках смежных территорий не дают основания для определения этих памятников как энеолитических.

Рис. 3. Карта 4. Памятники эпохи раннего металла (II—I тыс. до н. э.) региона Петербурга:

1 — Сябьская III, 2 — Мерево I, II, 3 — Усть-Рыбежна II, III, 4 — Хабаловская, 5 — Под Солкой, 6 — Новая Деревня I, 7 — Тарховская, Лахта, 8 — Новая Ладога I, 9 — Юшково, 10 — Изсады, 11 — Валгома, 12 — Вознесенье, 13 — Каннельярви II, 14 — Забелье, 15 — Караська, Белое озеро, 16 — Хайриньяки, 17 — Питкяярви.

группы текстильной керамики — с минеральной и с органической примесью в тесте. Текстильная керамика с органической примесью залегает чаще в более глубоких горизонтах. С ранней текстильной керамикой на этом памятнике связываются даты C^{14} 3480 ± 90 и 3595 ± 150 л. т. н., Ле-3133, 3138, причем образец Ле-3133 представлял собой тонкую линзу древесного угля, в которой залегала текстильная керамика с органической примесью в тесте. Так же, как и ранее на Усть-Рыбежна II (Гурина 1961: 482, 483), на Сяберском III обнаружены остатки глиняных лячек.

На некоторых памятниках севера и востока области известны также находки керамики с примесью в тесте асбеста, а также керамики с органической примесью, связанные, видимо, с северными влияниями. В 1984 г. автором на Карельском перешейке исследованы остатки небольшой стоянки Каннельярви II, давшей слабоорнаментированную пористую керамику с профилированным, с загибом внутрь сосуда венчиком, а также отдельные кварцевые и сланцевые изделия. Отмечены ямы, в том числе вертикальные, «столбовые». Уголь из заполнения ям № 1 и № 2 был датирован 3890 ± 40 и 3500 ± 40 л. т. н., Ле-2549, 2550.

Подробная характеристика комплексов эпохи раннего металла выходит за рамки данной работы. Необходимо лишь отметить, что, если для мезолита и неолита на значительной части рассматриваемой территории доминировали культурные связи прибалтийской ориентации, то в эпоху раннего металла очевидно усилились связи южного направления, южная часть Ленинградской области, возможно, входила в ареал формирования ранней текстильной керамики, важной частью которого традиционно принято считать Верхнее Поволжье.

ЛИТЕРАТУРА

- Галибин В. А., Тимофеев В. И. 1993. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики. Археологические вести. Вып. 2.
- Гурина Н. Н. 1956. Оленеостровский могильник//МИА № 47 М. — Л. 429 с.
- Гурина Н. Н. 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР//МИА № 87. М. — Л. 588 с.
- Гурина Н. Н. 1967. Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам нарвской экспедиции)//МИА № 144. Л. 205 с.
- Гурина Н. Н. 1985. Некоторые итоги изучения древнейшей истории Ленинградской обл. В кн. Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: 6—11
- Гусенцова Т. М. 1987. Отчет об исследованиях археологических памятников в Подпорожском районе Ленинградской области в 1987 г. Архив Института археологии РАН. Р—1, 12290.
- Динцес Л. А. 1929. Неолитическая стоянка в Токсове. Отделение Ленинградского окружного общества краеведения на финско-ладожском перешейке. Л.
- Журавлев А. П. 1991. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск. 204 с.

- Загорска И. А., Загорскис Ф. А. 1977. Мезолит Латвии//КСИА вып. 149: 69—75.
- Земляков Б. Ф. 1922. О следах каменного века в районе северного побережья Невской губы. Экскурсионное дело № 2. Петроград: 4—6.
- Земляков Б. Ф. 1941. О древнейших следах человека в окрестностях Ленинграда//МИА № 2. М. — Л.: 158—168.
- Иностранцев А. А. 1882. Доисторический человек побережья Ладожского озера. СПб. 242 с.
- Кольцов Л. В. 1977. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М. 215 с.
- Лапшин В. А. 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. I: Западные районы. Л. ЛВВИСУ. 127 с.
- Лисицына Г. Н. 1961. Вопросы палеогеографии неолита районов Северо-Запада Европейской части СССР. Приложение к книге Гурина Н. Н. 1961: 532—578.
- Лобанова Н. В. 1988. Поселения с ямочно-гребенчатой керамикой. В кн.: Поселения древней Карелии. Петрозаводск: 50—66.
- Лузгин В. Е. 1973. Мезолит и ранний неолит р. Ижмы (бассейн Средней Печоры)//Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита (МИА № 172). Л.: 95—98.
- Ошибкина С. В. 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М. 293 с.
- Равдоникас В. И. 1937. Неолитические поселения западного Приладожья в свете этнографии некоторых народов Северо-Восточной Азии. Сб. памяти В. Г. Богораза. М. — Л.: 257—281.
- Руденко С. Н. 1970. Опыт применения методов естественных наук к исследованию неолитических памятников. Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л.: 38—59.
- Рябинин Е. А., Урбан Ю. Н. 1988. Древняя история Тихвинского края по археологическим данным (современное состояние изучения древнейшего прошлого). Тихвинский сборник. Тихвин: 56—68.
- Сосновский Г. П. 1935. Разведки на Сестрорецком Разливе. Известия ГАИМК, вып. 109. Л.
- Стеценко Н. К., Тимофеев В. И. Рукопись: Староладожская неолитическая стоянка.
- Тимофеев В. И. 1975. К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики//КСИА вып. 141: 18—24.
- Тимофеев В. И. 1985. Новые находки мезолита и раннего неолита в Ленинградской области. В кн. Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: 11—15.
- Тимофеев В. И. 1985. Работы по изучению памятников каменного века Ленинградской области в 1982—1984 гг. В кн. Всесоюзная археологическая конференция. Достижения советской археологии в XI пятилетке. ТД. Баку: 346—348.
- Тимофеев В. И. 1987. Изделия из кости и рога мезолитической стоянки Соколок (Ленинградская область)//КСИА 189: 100—104.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. 1991. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников эпох неолита и раннего металла Ленинградской и Калининградской областей. В кн. Геохронологические и изотопно-геохимические исследования в четвертичной геологии и археологии. Вильнюс: 123—130.
- Третьяков В. П., Григорьев Г. П. 1968. Некоторые вопросы неолита Прибалтики//СА № 4: 271—275.
- Эфендиев Э. Ф., Петренко В. П., Тимофеев В. И. 1989. Неолитическое местонахождение Венкуль в низовьях р. Наровы. В кн. Нарва, Ивангород, Принаровье. Взаимодействия культур. История и археология. ТД. Нарва: 4—7.
- Урбан Ю. Н. 1987. Отчет о раскопках в Ленинградской области в 1987 г. Архив Института археологии РАН. Р—1, 12390.

- Янитс К. Л. 1990. Кремневый инвентарь стоянок кундской культуры. Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М.
- Ailio J. 1909. Die Steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland. I, II. Helsingfors. 280 s.
- Anderson S. H. 1981. Ertebøllekunst. Nye østjyske fund af mønstrede Ertebølleoldsager. Kuml 1980: 7—59.
- Clark G. 1975. The Earlier Stone age settlement of Scandinavia. Cambridge University Press. 282 pp.
- Europeus — Åyräpää. A. 1930. Die Relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finnland. I. Acta Archaeologica, vol. I. Fasc. 2. København: 165—190.
- Indreko R. 1948. Die Mittlere Steinzeit in Estland. Uppsala. 427 s.
- Jungner H. 1979. Radiocarbon dates I. Radiocarbon dating laboratory University of Helsinki. Report 1. Helsinki. 131 pp.
- Moora H. 1957. Eine Steinzeitliche Schlangengfigur aus der Gegend von Narva. SMYA 58: 224—232.
- Pälsi S. 1920. Ein Steinzeitlichen Moorfund bei Korpilahti kirchspiel Antrea, Lan Viborg. SMYA 28,2: 3—19.
- Pälsi S. 1920. Riukjärven ja Piiskunsalmen Kivikauriset asuinpaikar Kaukolassa. SMYA, 28,1. 192 s.
- Zagorskis F. 1987. Zvejnieki Akmens Laikmeta kapulauks. Riga. 131 pp.

В. Я. ШУМКИН

РАННИЙ КАМЕННЫЙ ВЕК ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРКТИКИ (МЕЗОЛИТ СЕВЕРНОЙ СКАНДИНАВИИ)

Каменный век Арктической Скандинавии традиционно подразделяется на ранний (старый каменный век) и поздний (молодой каменный век). Современные специалисты в последнее время все чаще используют для первого периода термин мезолит, второго — неолит. Обычно это связано не с изменением или принятием других концепций, а из стремления быть лучше понятыми коллегами. В других работах термины ранний/старый каменный век и мезолит имеют равное положение и взаимозаменяемы.

Начало мезолита по геологическим рамкам совпадает с ранним послеледниковым периодом голоцена — временем первого заселения Западной Норвегии, финальный этап связывается с трансгрессией Тапес (около 6 тыс. л. н.). Таким образом, ранний/старый каменный век или мезолит Западной Лапландии имеет продолжительность около 4 тыс. лет и охватывает пребореальный, бореальный и первую половину атлантического периодов. Памятники древнейшего этапа заселения Северной Фенноскандии известны пока лишь в Норвегии и на Кольском полуострове. Отсутствие их в северных регионах Швеции и Финляндии объясняется неблагоприятными природными условиями, которые были характерны для этих мест в раннем голоцене.

КОМСА
  ФОСНА - ХЕНСБАСКА

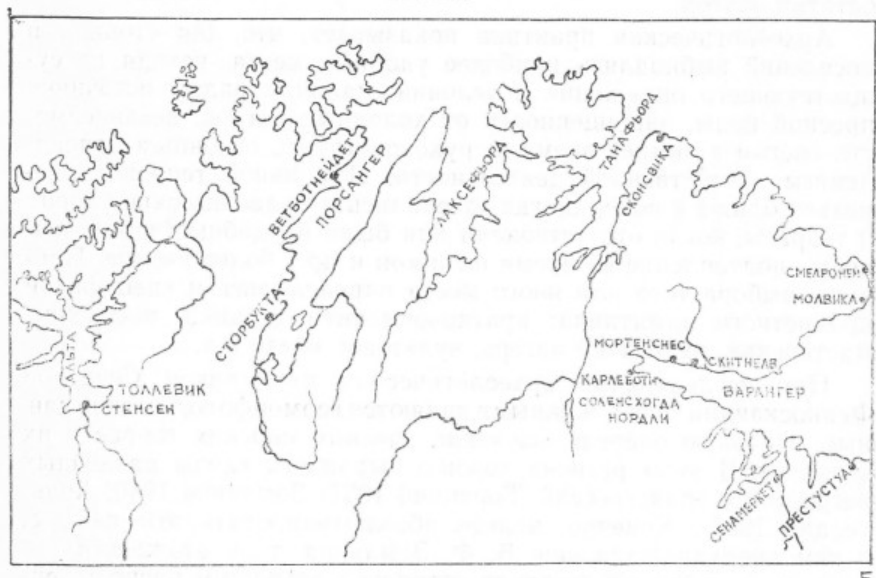

РИС. 1

Рис. 1. А — Распространения мезолитических памятников (комса — фосна — хенсбаска)
 Б — Наиболее исследованные памятники культуры комса в Финмаркене (Северная Норвегия)

В настоящее время в Северной Фенноскандии зарегистрировано около 200 мезолитических памятников (рис. 1 А). Конечно, не все из них одинаковы по своей сохранности, информативности материалов и степени исследованности (рис. 1 Б), но количественный фактор, широкое распространение их во времени и пространстве, разноплановость позволяют после соответствующей обработки коллекций сделать определенные историко-культурные выводы. Большинство стоянок в результате характерного для Заполярья слабого процесса почвообразования, имеют весьма незначительный по мощности культурный слой, в котором редко сохраняются изделия из органики. Обычно в нашем распоряжении остаются лишь каменные орудия и отходы производства. Многие коллекции добыты в результате сборов на поверхности, т. к. культурный слой на них был или разрушен в древности, или остатки не были перекрыты последующими напластованиями. Материалы, полученные в результате раскопок, как правило ни количественно, ни качественно не отличаются от подъемного. Правда, в последнее время с применением более совершенных методов полевого исследования в Северной Норвегии (Карлеботн, Мортенснес, Дэвдис) удалось выявить на мезолитических поселениях слабоуглубленные жилища, тогда как на разрушенных стоянках сохраняются в лучшем случае остатки очагов.

Археологическая практика показывает, что для стоянок и поселений выбирались наиболее удобные места, исходя из существующего окружения и условий: наличия рядом источника пресной воды, защищенности от холодных ветров, незаносимости снегом в зимнее время и, руководствуясь основным направлением хозяйственной деятельности. При явной тенденции селиться ближе к воде, иногда заселялись и более высокие уровни и террасы, когда отсутствовали или были неудобны (заболоченность, подтопление во время штормов и др.) более низкие. Причины выбора того или иного места определялись и спецификой конкретного памятника: кратковременная стоянка, поселение, мастерская, охотничий лагерь, культовое место и т. д.

При исследовании археологических памятников Северной Фенноскандии очень важными являются геоморфологические данные, в первую очередь, изучение древних морских террас и их возраста. В этом регионе хорошо выражены следы различных регрессий и трансгрессий /Горецкий 1937; Земляков 1940; Хольтедаль 1957/. Конечно, нельзя абсолютизировать эти данные, о чем предупреждал еще Б. Ф. Земляков, т. е. отождествлять напрямую время образования террасы с возрастом расположенных на ней археологических объектов. Следует учитывать и возможность повторных трансгрессий, как это случалось в Западном секторе. Кроме того разновозрастные памятники могут располагаться не строго на одном уровне, а в пределах какого-

то интервала, причем более «строгим» в данном случае будет нижний высотный предел.

Памятник, расположенный на более низкой террасе, не всегда непременно более «молодой» по возрасту. Такой вариант не исключен, но это должно подтверждаться всесторонним анализом всех имеющихся данных и, в первую очередь, археологического материала. Использование высотных показателей должно применяться конкретно для каждого узколокального района, и чем он будет территориально уже, тем данные будут корректней /Кошечкин 1975/. Так, если древнейшие памятники в восточном Финнмаркене и западной части Кольского полуострова лежат на высоте до 90 м, то одновременные им стоянки в Лофотене сейчас ниже уровня моря. Значительно отличаются высотные уровни и в остальных частях прибрежной Фенноскандии. Следует учитывать и влияние Тапес трансгрессии в конце мезолитического времени (6 тыс. л. н.), которая разрушила некоторые археологические памятники /Engelstad 1991/.

Северная Фенноскандия бедна окремненными породами, поэтому древнему человеку приходилось изготавливать свои орудия в основном из кварца, который встречается здесь повсеместно и в большом количестве в коренном залегании, в виде обломочного материала и гальки. Реже использовались такие породы как черт, кварцит, доломит, песчаник, окремненный сланец. Кость и дерево, которые, без сомнения, широко использовались, доходят до нас в исключительных случаях.

Кварц и его разновидности заметно уступают кремню, и даже окремненному сланцу по своим качествам. Он, правда, дает острые сколы и твердый режущий край, но является очень хрупким, сложным в обработке и из него редко удается получить крупные орудия со значительными по размерам рабочими лезвиями. При выделке орудий всегда образуется большое количество отходов в виде средних и мелких кварцевых отщепов, значительно превышающее аналог при обработке кремневых изделий. Форма некоторых орудий, особенно на самых ранних памятниках, не всегда выражена, нередко использовался подходящий случайный отщеп. Трудно определить и тип заготовки (отщеп, пластина).

Со времени открытия раннеголоценовых памятников в Арктической зоне Норвегии археологи стремились применить к кварцевым изделиям типологические схемы французского палеолита, разработанные на кремневом материале, забывая, что свойства пород резко отличаются /Broadbent 1979/. Эти соображения приводились наравне с другими при критике типологических разработок и сопоставления археологических памятников Финляндии и позднего палеолита Центральной Европы, предложенных В. Лухо (1956). Возражения вполне справедливые, но они дали и негативную реакцию, т. к. исходя из верной посылки о неправомочности таких сопоставлений высказываются мнения

/Мейнандер 1982/ о невозможности в принципе классифицировать кварцевый материал, т. к. в нем очень мало типологизирующих признаков. Подобные суждения совпали с идеями, возникшими среди специалистов, изучающих каменный век Северной Скандинавии о ненужности чрезмерного увлечения типологией, заменой ее изучением отдельных ведущих форм в качестве датирующих и культуuroопределяющих признаков. Эти выводы, не только, как мне кажется, далеки от истины, но и вредны по своей сущности, т. к. лишают археологию такого мощного собственного метода, как типологический анализ. В последние годы наметился сдвиг в этом вопросе, но старые тенденции дают себя знать, и при анализе стоянок отдельных регионов порой трудно провести сравнение материалов, полученных разными специалистами.

Вместе с тем изучение кварцевого инвентаря представляет, без сомнения, определенные трудности и может успешно проводиться лишь после длительного знакомства с этим сырьем и выявления характерных особенностей раскалывания и способов обработки, которые становятся понятны только на основании работы со значительными по объему коллекциями, содержащими как различные категории орудий, так и отходы производства.

Все мезолитические поселения северной Норвегии большинство специалистов традиционно связывают с культурой комса. В 1925 г. А. Нуммедал, уже известный археолог, прославившийся открытием культуры фосна на западнонорвежском побережье, провел обследование Финнмаркена на предмет поиска здесь аналогичных поселений. На высоких морских террасах вдоль побережья от Лангфиорда на западе до Русско-Норвежской границы на востоке (Варангерфиорд) он обнаружил стоянки с орудиями и отщепами, сделанными в основном из кварца, кварцита и других некремневых пород камня. А. Нуммедал сразу заметил сходство между собой этих материалов и объединил местонахождения в культуру Комса по названию горы около городка Альта, у подножья которой он нашел первое поселение /Nummedal 1929; Simonsen 1975, 1988/.

Публикация этих материалов в серии статей, и выход монографии /Вое, Nummedal 1936/ вызвал огромный интерес среди археологов и геологов разных стран, т. к. новые данные и сделанные выводы во многом меняли сложившиеся представления о времени заселения человеком крайнего севера. Кульминационным моментом многочисленных обсуждений и дискуссий явилось отнесение А. Нуммедалем некоторых стоянок, на основании их высотного расположения на древних морских террасах и грубости форм археологического материала, к «арктическому палеолиту» и датировке их концом плейстоцена.

Первоначально А. Нуммедал считал, что древнейшие арктические комплексы имеют мадленский характер, но затем (1929)

пришел к заключению о присутствии мустьерских и ориньякских признаков. Это не случайно, т. к. в 20-е годы было общее увлечение разработками Французской палеолитической школы и вероятно таким подходом можно объяснить то, что Р. Шмидт (1912) усматривал ашельские элементы в неолитических мастерских Греймс Грейс, а Хелан (1933) определял индустрию послеледниковых стоянок Ирландии как типично ориньякскую.

Используя типологии каменных орудий, перенесенные из французского палеолита, Бее и Нуммедаль (1936) выделили в культуре комса два аспекта: 1) макролитический, включающий многочисленные крупные отщепы, пластины, дисковидные нуклеусы, орудия на нуклеусах и отщепах, резцы, большие черешковые наконечники и разнообразные типы скребков на отщепах и нуклеусах; и 2) микролитический аспект, состоящий из тех же типов орудий как и в первом случае, но отличающихся меньшими размерами. Позднее, в результате новых сборов и раскопок инвентаря стоянок, относимых к культуре комса, пополнился действительно микролитическими элементами, такими как поперечные и одноострийные наконечники, микролиты, а также двустрийными наконечниками, топорами на отщепах и пластинами /Simonsen 1961; Odner 1966; Helskog 1974; Schanche 1988/. В свете этих дополнений культура комса во многом утратила статус «примитивной» культуры с крупными грубо обработанными каменными изделиями.

Археологические комплексы культуры комса очень неоднородны и имеют существенные вариации в территориальном и временном распространении. Однако, как ни странно, многие археологи, изучающие эти материалы после А. Нуммедаля, всегда ставили лишь частные проблемы. Например, Е. Фреундт (1948) обсуждал использование топоров на отщепах, К. Однер (1966) говорил о своеобразии комсы во внутренней части Варангерфиорда, но ни один не брал под сомнение культурного единства. Во время увлечения идеями «новой археологии» неоднородность комплексов комсы воспринималась как технокомплекс, после введения Д. Кларком этого термина. Данное обстоятельство следует воспринимать лишь как терминологическое изменение, не затрагивающее и не решающее сущность проблемы.

До 80-х годов большинство мезолитических комплексов, относимых к комса происходило из Финнмаркена. Очень мало местонахождений раннего этапа известно из других районов Северной Норвегии. Особенно следует отметить несколько прибрежных стоянок на северном побережье Хелгеланд и в Салтен, которые были открыты археологом-любителем Э. Хавно (1913, 1938) /Simonsen 1988/. Некоторые из них были изучены Г. Джессингом (1937), который определил их географическое и типологическое положение между культурами фосна и комса. Этим же исследователем в 1937 г. раскопано предположительно мезолитическое жилище на о. Санна, и получены находки ран-

него облика в нижнем культурном слое Киркехелларен /Gjessing 1945/. К сожалению данные материалы до сих пор недостаточно изучены, что расширяет географический разрыв в распространении мезолитических памятников. Это остается справедливым и для восточных районов Норвегии. Исследования последних лет, проведенные в результате национальных программ по экономическому картографированию и гидротехнических проектов в горных районах, дали некоторые результаты. Небольшое количество новых поселений раннего периода связано вероятно с природными условиями раннего голоцена, но единичность находок более поздних периодов скорее всего объясняется направленностью поиска стоянок с разветвленным культурным слоем. Изменение методики поисков и разрушение стереотипов закономерности расположения древних стоянок дало прекрасные результаты, правда опять же в прибрежной зоне. Так новые, чрезвычайно ценные поселения с ненарушенным (или вторично перекрытым) культурным слоем обнаружены в Тромс /Sandmo 1989/, около Бодо (Нордланд) и даже в классическом, казалось бы прекрасно изученном районе дислокации памятников культуры комса — Варангерфиорде /Schanche 1988/. Конечно, не следует забывать, что часть поселений позднего мезолита уничтожена трансгрессией Тапес, но с другой стороны обследованию на большей части территории подверглись побережья рек и крупных озер, так что огромные пространства еще археологически не изучены. Это дает надежду на новые будущие открытия.

Как уже отмечалось раньше, ранний каменный век Арктической Скандинавии датируется между концом ледникового периода и началом позднего каменного века. Первоначально культура комса была признана палеолитической /Nummedal 1929; Gjessing 1945/, эпипалеолитической /Clark 1936; Simonsen 1958/ и наконец мезолитической /Freundt 1948; Simonsen 1960; Odner 1966; Indreliid 1978/. До недавнего времени все датировки столь ранним возрастом основывались на высотных уровнях и археологических критериях, и только недавно получили весомое подтверждение в виде радиоуглеродных датировок /Schanche 1988/ причем как в южной /Sandmo 1989/, так и в северной частях западной Лапландии.

Представления о культуре комса сформировались на материалах 50—60 комплексов, которые были открыты А. Нуммедалем между 1925 и 1931 годами. Все последующие исследователи брали эти коллекции как основное ядро, лишь частично привлекая новые данные П. Симонсена (1961) и К. Однера (1966), полученные в Нессбю и около Киркенеса. Ситуация объясняется тем, что более поздние результаты не получили столь широкой известности, часто публиковались лишь в местных изданиях и не давали той определенной картины, которая была представлена в знаменитой работе Нуммедала (1929).

Между тем местонахождения 20—60-х годов бедны изделиями, обычно около 50 экз. расщепленного камня, и лишь немногие (например Сейлмеркет) дали коллекции по тысячи и более артефактов.

Таким образом, в изучении древнейших памятников Северной Норвегии сохраняется много нерешенных проблем. Более того, вопросы, которые были казались бы уже прояснены, или частично согласованы, в свете современных находок пополняются новыми проблемами или получают иной ракурс рассмотрения. Из наиболее актуальных задач, традиционных и специфических именно для данного региона, можно выделить следующие: 1) время первоначального заселения и происхождение культуры комса; 2) связи и взаимовлияния с соседними культурами; 3) развитие во времени и пространстве; 4) является ли комса единственной мезолитической культурой Арктической зоны Скандинавии; 5) возможность подразделения ее на хронологические этапы; 6) насколько использование некремневого сырья определяет облик культуры комса; 7) возможность и обоснованность выделения локальных групп; 8) изменения системы обеспечения в хронологическом и территориальном (побережье, острова, горные, речные и озерные районы) аспектах.

Практически все эти проблемы, в той или иной степени, связаны с задачами более точного, независимого, по возможности разнообразного датирования комплексов, изучением техники изготовления орудий из различных пород камня, использованием типологического анализа. Последнее особенно важно, т. к. ранние исследования базировались на применении типологий, перенесенных с кремневого сырья, подкреплялись очень дальними европейскими аналогиями на основании лишь формального сходства. Эти тенденции, очень сильные до 60—70-х годов, не полностью преодолены и в настоящее время.

Общей чертой всех местонахождений культуры комса, если оставить в стороне так часто упоминающиеся «нуклеидные формы» и «левалуазские остря», является очень ограниченное количество обработанных ретушью орудий. Большинство стоянок содержит не более 50 ретушированных изделий. Возможно использовались также отщепы без вторичной обработки /Schanche 1988/.

Поделочный материал, который использовался древним населением Северной Фенноскандии очень широк по ассортименту. Одной из причин, мотивировавшей начало изучения каменного века в Финнмаркене А. Нуммедалем, явилось, указание геологов на присутствие здесь выходов «кремня». Позднее Х. Розендахл (1936) проделал некоторые петрографические анализы артефактов из собранных коллекций, но источники происхождения сырья не были установлены. Однако археологи заключили, что использовался в основном местный материал, собираемый в ледниковых моренных отложениях и морском побережье. Та-

кие представления господствуют и по сей день. Р. Симонсен (1960) указал на возможность получения сырья из различных источников, в частности, скандинавского и русского кремня, но эти предположения не получили геологического подтверждения. К. Однер (1966), уже обладая выводами геолога М. Густавсон о разнообразии источников разных материалов, все же склонился к традиционному представлению, что все сырье для орудий обитатели комсы собирали лишь в ближайших окрестностях стоянок.

Е. Хельског (1983), пожалуй, первая поставила вопрос о несоответствии археологического определения сырья с геологическими категориями и возникающих от этого путанице и недоразумениях. Применила термин «черт» в качестве альтернативы для кремня и кварцита на основании отсутствия карбонатных включений. Ее заключения тоже сходны с предшествующими: сырье, за исключением кремня и возможно черта узколокального происхождения.

Б. Худ (1991), заинтересовавшийся этой темой, получив серьезную геологическую и петрографическую подготовку, поставил перед собой следующие задачи: 1) систематизация каменного материала археологических коллекций, используя геологические категории; 2) изучение источников сырья; 3) возможность проследить взаимосвязь сырья и производства орудий. Работа была проделана на очень высоком научном уровне и явилась новаторской в археологии каменного века Северной Фенноскандии. Древнее население использовало кварц, черт (5 разновидностей) — материал, который признавался кремневым /Вое, Nummedal 1936/, доломитом, доломитовым кремнем /Simonsen 1961/, окремненный сланец, кварцит (2 разновидности), песчаник, яшма, зеленокаменные породы, сланцы. Особенно подробно рассмотрена столь актуальная для севера проблема южных и восточных кремневых импортов. Если для неолитического периода несомненна доставка на север таких законченных орудий как кремневые кинжалы, топоры из более южных территорий, то присутствие отщепов и орудий из этого сырья в ранних комплексах не такое определенное. Геолог Е. Йохансен (1955) утверждал, что некоторое количество датского и шведского кремня было перемещено в Норвегию во время ледника морским путем. Речь идет о сером низкого качества «хелгеландском кремне». Вопреки мнению П. Симонсена (1961) этот материал не является тем, что в Швеции называют «халлефлинт». Как показал петрографический анализ /Hood 1991/, данное сырье имеет датское происхождение и действительно «доставлено» ледником и погребено в моренных отложениях, т. е. сейчас можно заключить, что в мезолите не было никаких кремневых импортов из южной Скандинавии.

Еще более проблематичны частые утверждения о присутствии «русского кремня» /Simonsen 1961/. Обычно под ним пони-

мались отщепы и орудия из сырья серого, красного, желтого цвета. Утверждения о восточном импорте основывались больше на представлениях о непеременимости и древности восточных влияний и отчасти теории происхождения древнейших обитателей. Полученные анализы полностью развеяли этот миф и показали, что весь так называемый «русский кремль» является яшмой и имеет точную геологическую привязку в Северной Финляндии.

Проведенная работа подтвердила тезис, что население культуры комса использовало в основном местное сырье, но внесла определенные коррективы. Так установлено, что по мере освоения новых территорий, происходила доставка поделочного материала из материковых районов на побережье, но никогда не отмечено обратного движения, хотя и приморские районы содержали некоторые особо ценные породы, например, кремль, черт. Намечены области, в которых использовалось то или иное сырье. Выявлены многие места добычи поделочного материала, характерные более для поздних этапов культуры комса. Сделана попытка установления культурных связей и идентификация разных территориальных групп (например, западного и южного побережий Варангерфиорда, Альтафиорда). Выяснено, что обитатели культуры комса, не ограничивали себя лишь сбором галек в моренных отложениях. Значительное количество сырья, получали из коренных отложений, расположенных, правда, чаще в окрестностях мест обитания.

Традиционно в ассортименте каменных орудий в мезолите Северной Фенноскандии выделяют 10 морфофункциональных (рис. 2, 3—4 А) групп: острия /наконечники/, резцы, скребки, ножи, ретушированные/утилизированные отщепы, микролиты, сверла/проколки, нуклеусы, пластины и топоры/тесла /Hood 1991/. Древние обитатели стремились больше использовать окремненное сырье, но при необходимости могли изготавливать даже наконечники из различного имеющегося в наличии материала: кварца, кварцита. На многих поселениях крупные пластины и отщепы обычно получали с помощью твердого отбойника из крупнозернистых кварцитов. Эти элементы были одним из основных аргументов палеолитического характера культуры комса. Присутствие на некоторых стоянках (например, в Смеллронен, где представлена прекрасная серия крупных пластинчатых отщепов из красного кварцита) только макроформ давало основание говорить о более раннем (в пределах культуры) их возрасте /Voe, Nummedal 1936/.

Однако ситуация оказалась не такой простой. Ряд новых раскопок и сборов на известных ранее памятниках дали основание говорить, что исследователи 20-х — 60-х годов проводили выборочные сборы, в которые часто попадали лишь крупные экземпляры. Так в Молвике, где Нуммедалем были получены лишь 48 макроформ, новые исследования предоставили большое

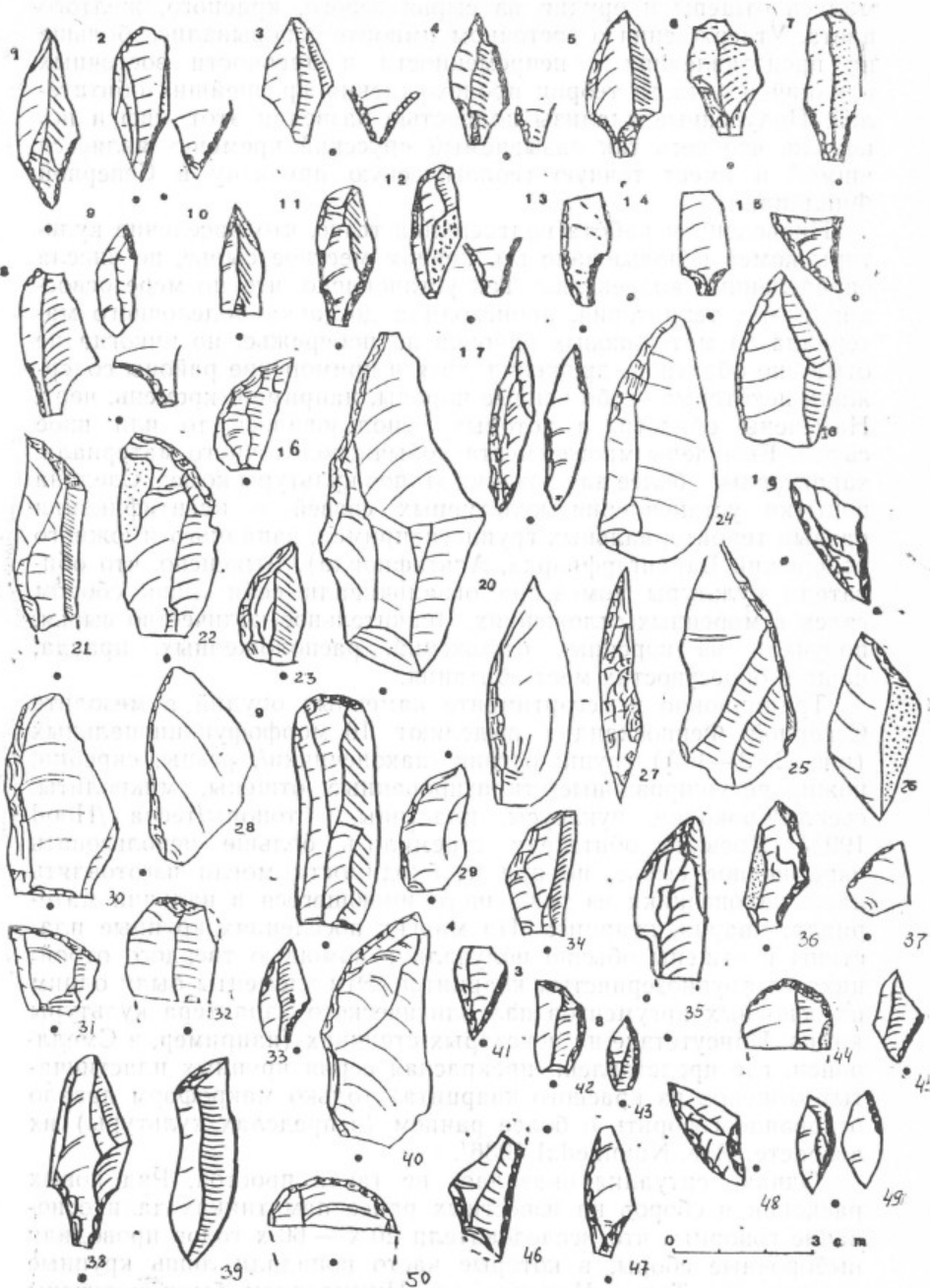

Рис. 2. Орудия культуры комса.

количество пластинок и другие микроформы. Специальные анализы показали, что это единый комплекс с использованием однородного сырья в виде крупнозернистого кварцита.

На Стоянке Сейлмеркет кварц и кварцит применяли для получения крупных отщепов, а небольшие пластинчатые формы изготавливали из светло-зеленого черта. В Толлевики черный черт использовался для производства пластин около 5 см длиной и 1 см шириной. Это еще раз подтверждает единую природу макромикrolитических комплексов культуры комса. Вероятно в производстве тех или иных элементов бóльшую роль играло не качество сырья, а размеры имеющегося материала.

НУКЛЕУСЫ (рис. 3, 7—9, 11) на стоянках варьируют по сырью и типам. Количество выраженных одно/двухплощадочных нуклеусов с четким параллельным пластинчатым скалыванием невелико. Чаще присутствуют грубые, округлые (аморфные) ядрища, с которых невозможно получить пластинчатые заготовки, хотя они, как правило, присутствуют в комплексах (например, Смеллрорен). Нуммедал и его последователи обычно подчеркивали именно округлые формы, но даже в таком классическом «палеолитическом» комплексе как Толлевик при повторном изучении обнаружено много дисковидных и двухплощадочных экземпляров. Однако в стоянках Сейлмеркет и Овенфор Гропбакенген округлые (аморфные) нуклеусы (выполненные как из кварца, так и из черта) значительно преобладают над дисковидными. Последнее особенно важно, т. к. Овенфор Гропбакенген, без сомнения, относится к самому позднему этапу мезолита. Некоторое отличие между стоянками Финнмаркена и Тромс можно увидеть в том, что на севере более распространены аморфные ядрища, в то время как на юге чаще «регулярные» формы (например, в Симавик—Сандмо 1989). Нет единого мнения в том, имеет ли данный факт хронологическое, региональное или иное значение.

МИКРОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ достаточно хорошо представлен в мезолите Северной Фенноскандии. Обычны небольшие пластинки, которые считаются скошенными остриями (ланцетовидные формы) или, как в Толлевик, микро-ретушными кусками (рис. 2, 9—10). Такие формы присутствуют в небольшом количестве на многих поселениях и иногда классифицируются как микролиты, в основном на основании их размеров. В последнее время /Woodman 1991/ такое отнесение считается неправомерным, на основании того, что эти изделия сохраняют ударный бугорок и имеют толщину более чем 5 мм. Сходные микролитовидные формы, несмотря на уже отмечавшуюся выборочность поверхностных сборов, присутствуют на Сейлмеркет I ((рис. 2, 37, 41, 45) и II, около Киркенеса, в Смеллрорен и даже, что особенно важно, в очень раннем поселении P8 Мортенснес /Schanche 1988/. Некоторые из них выполнены с помощью микрорезцовой техники, чаще применяемой к кварцевому

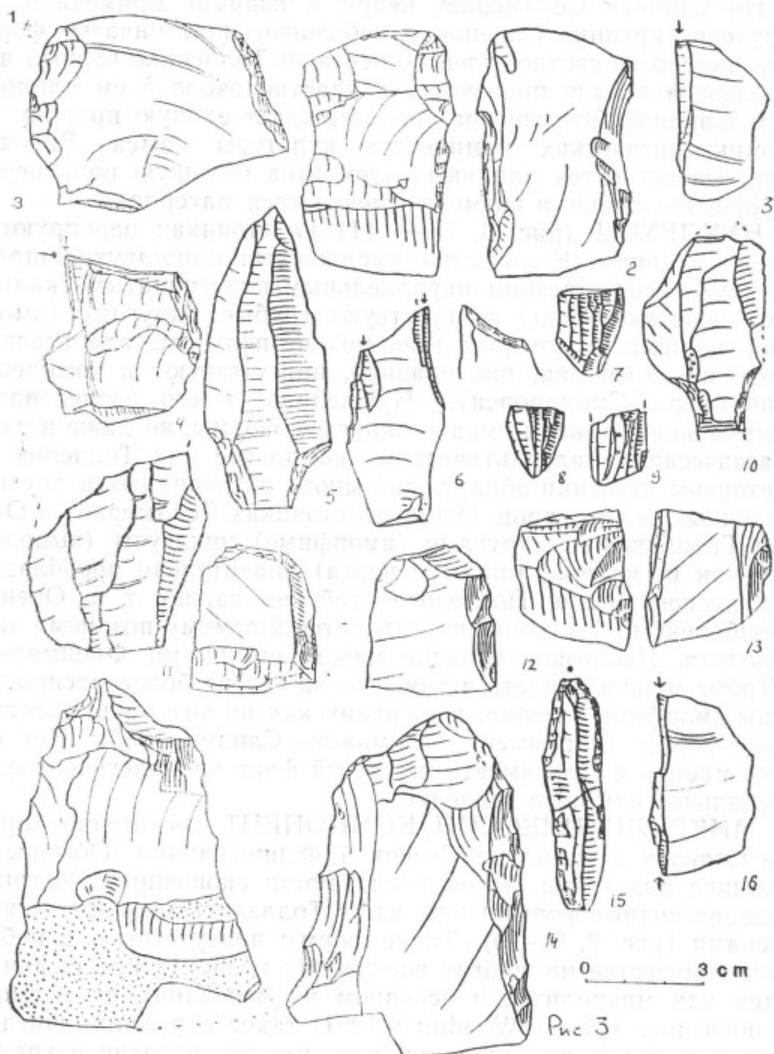

Рис. 3. Орудия культуры комса.

сырью. Обычно микролиты считаются частями составных орудий. Некоторые северо-скандинавские образцы вероятно являются тоже составными остриями или лезвиями ножей. Этот вопрос совершенно не изучен, т. к. микролитические формы почти всегда рассматривались под углом хронологических связей с мезолитическими комплексами Южной Скандинавии, а не в качестве собственного функционального типа.

ЧЕРЕШКОВЫЕ ОСТРИЯ (наконечники) представлены в двух вариантах: микролитическом и крупного размера. Одним из классических комплексов с черешковидными наконечниками является Толлевик (рис. 2, 1—4), на котором обнаружены около 20 небольших экземпляров (только два из них около 4 см). Острия обработаны на проксимальном конце отщепа (пластины), где сформирован черешок, выполненный со спинки, с брюшка или противоположащей ретушью. Черешок бывает симметричный и асимметричный. Лезвие пера подработано ретушью в очень редких случаях (рис. 2, 5). Данные формы отличаются от более тщательно обработанных наконечников культуры фосна, которые обычны для юго-западной Норвегии и близки к экземплярам в Симавик /Sandmo 1989/. Небольшие черешковые наконечники известны среди сборов А. Нуммедала, П. Симонсона, в стоянках, раскопанных в Варангерфиорде, в Смеллрорен, и Сторбукта, но полностью отсутствуют в Мортенснес /Schanche 1988/, что, возможно, говорит о их не самом древнем возрасте.

Крупных черешковых наконечников (более 5 см длины), которые так часто фигурируют среди иллюстративного материала культуры комса, на самом деле не так уж много (рис. 3, 10 — Толлевик), а такой «правильный» экземпляр как из Сторбукта (рис. 3; 5) вообще уникален. Обычно такие формы выполнялись на широких удлиненных отщепах с хорошо выраженным ударным бугорком. Сходные наконечники изредка встречаются и в юго-западной Норвегии.

ПОПЕРЕЧНОЛЕЗВИЙНЫЕ И ОДНООСТРИЙНЫЕ наконечники представляют большую проблему в культуре комса. Ни в одном из «закрытых» ранних комплексов в Финнмаркене нет классических поперечных острий. С другой стороны они вместе со скошенными поперечными формами присутствуют в раннеолитических комплексах Мортенснес /Schanche 1988/ и в Нордли. Эти наконечники сделаны на отщепах удлиненной формы. К. Хельског обнаружила несколько экземпляров в очень позднем мезолитическом слое стоянки Девдис, а Э. Энгельстад (1989) в местонахождении Иесярви (горный район Финнмарк-свидда). Некоторые образцы (рис. 2; 15—19) выявлены при поверхностных сборах вместе с типичными изделиями типа комса в Карлеботн, но отсутствие их в таких древнейших комплексах как Толлевик, Стенсенд, Мортенснес (верхний уровень) и Сейлмеркет заставляет авторов предполагать, что они или не

относятся к культуре комса, или, что более вероятно, характерны для позднемезолитических и раннеолитических комплексов. Некоторые экземпляры, принимаемые за поперечнолезвийные или одноострийные наконечники могут быть и обломками косолезвийных острий, другие ближе к черешковым незавершенным экземплярам (рис. 2; 11—13) с характерной для последних ретушью. Многие острия на пластинках или пластинчатых отщепах с «черешковоподобным» основанием на проксимальном конце более схожи с черешковыми наконечниками и отличаются от типичных изделий культуры фосна, для которой характерны одноострийные формы. В то же время черешковые наконечники имеют определенное сходство с аналогичными орудиями гамбургской культуры, что было отмечено еще в 20-е годы.

Отмечены также в небольшом количестве (в основном в Варангерфиорде) небольшие пластины, обработанные на очень ограниченном участке полукрутой ретушью (рис. 2; 17), которые могут быть отнесены к остриям.

СКРЕБКИ достаточно выраженных форм редки, и данный термин обычно используется с определенной свободой. Многие орудия, найденные П. Симонсенем в Варангерфиорде (рис. 3; 1) и отнесенные им к этому типу, являются фрагментами отщепов с ретушью. Классические концевые скребки редки (рис. 2; 50). Чаще встречаются орудия на округлых, подпрямоугольных отщепах с типичной скребковой ретушью. Другие экземпляры можно отнести к ретушированным пластинам (рис. 2; 32). Особый вопрос с нуклевидными и ориньякскими формами, породившими столько мистификаций. Они практически являются крупными отщепами или обломками нуклеусов.

РЕЗЦЫ типичны для культуры комса. Наиболее хорошо выражены угловые резцы (рис. 3; 3, 4) и подработанным ретушью концом (рис. 3; 6). Эти типы представлены на всех поселениях и более характерны для ранних комплексов.

ОРУДИЯ С ПРИТУПЛЕННОЙ СПИНКОЙ, представленные макро- и микроформами, образуют очень выразительную группу артефактов. Крупные орудия относились А. Нуммедалем к формам шательперрон. Более характерна плоская дорсальная ретушь на дистальном конце (рис. 2; 20—22), но встречается обработка и на проксимальной части (рис. 2; 24, 26). Обычно макрогруппа имеет размеры от 5 до 7 см. Присутствуют экземпляры с ретушью вдоль всей стороны (рис. 2; 25, 30, 40), но чаще обработка на очень ограниченном участке.

Микроформы имеют размеры до 3,5 см (рис. 2; 16, 23, 29, 31, 34). Специалисты считают, что они не могут быть частями составных орудий. Большинство изделий обработано мелкой нерегулярной ретушью, формирующей скошенную спинку. Подобные изделия представлены во многих комплексах по всей территории. Существует предположение /Sandmo 1989/, что

некоторые неретушированные отщепы (в частности, в Симавик) могли использоваться аналогично этому типу орудий. П. Симонсен (1963) к этой группе отнес многочисленные отщепы с приострающей двухсторонней ретушью (рис. 2; 16, 27).

ТОПОРЫ со времен публикации Е. Фреундта (1948) без сомнения самая детально рассмотренная группа орудий. Все они сделаны на отщепе. Режущий край образует естественный край отщепа, а тело обработано сколами, чаще с одной стороны (рис. 3, 2, 5, 14). Более характерны прямоугольные формы, но есть и треугольные и удлиненноокруглые. Обработка уплощающей оббивкой обычно не затрагивает ударный бугорок. Многие исследователи приводят аналогии этих орудий с рубящими орудиями, найденными в культурах хен-баска, фосна и эртебелле, конечно не настаивая на их одновременности и однокультурности. Но за исключением нескольких классических экземпляров отщепные топоры культуры комса значительно отличаются от южнскандинавских рубящих орудий. Для их производства использовались разные породы кремня: кварцит, кварц, доломитовый кремль, черт, другое окремненное сырье. Чаще рубящие орудия присутствуют в комплексах прибрежных стоянок Восточного Финнмаркена (особенно вокруг Сконсвика и Смеллорен, Варангерфиорд), но встречаются и в западном Финнмаркене (например, Стененг). Следует отметить также, что в пределах Арктической Скандинавии ни одного достоверного топора с двухсторонней оббивкой в мезолите не было обнаружено. Экземпляры, точнее фрагменты, которые в некоторых публикациях /Simonsen 1961/ претендовали на эту роль, являются обломками дисковидных ядерц.

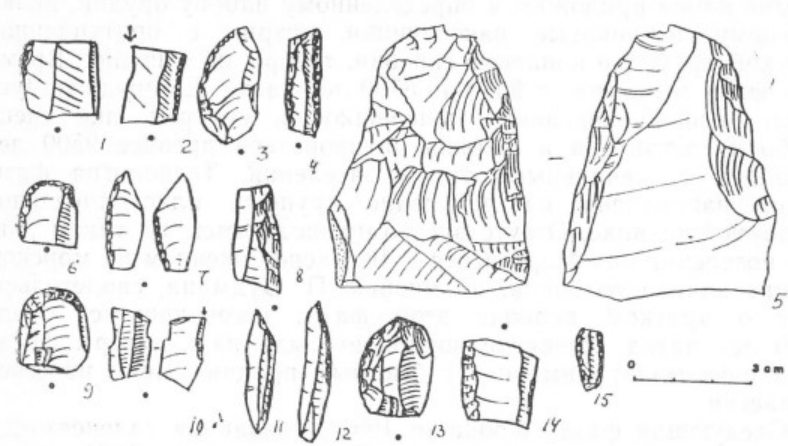
До 30-х годов скандинавские исследователи отмечали, что если бы не работы по возрасту морских террас, было бы очень трудно говорить о раннем или вообще каком-то возрасте многих археологических объектов каменного века /Helskog 1974/. Хронологические определения подкреплялись установлением сходства с южнскандинавскими памятниками, имеющими более точные временные привязки. Сейчас появились документальные подтверждения раннеголоценового возраста отдельных стоянок (9—10 тыс. лет назад), но хронологические и культурные параллели с южными археологическими памятниками традиционно усиленно обсуждаются.

Черешковые наконечники находят аналогии в аренсбургской культуре, но южнскандинавские комплексы на 1000 лет древнее самых ранних стоянок, известных в Арктической зоне. Кроме того, датские экземпляры отличаются тем, что черешок формируется на дистальном конце отщепа. Крупные наконечники сравнивают с изделиями культуры бромме, которая также имеет очень солидный возраст. Макроформы комсы сделаны на более узких пластинах и пластинчатых отщепе, чем южные образцы. Острия с притупленной спинкой находят аналогии

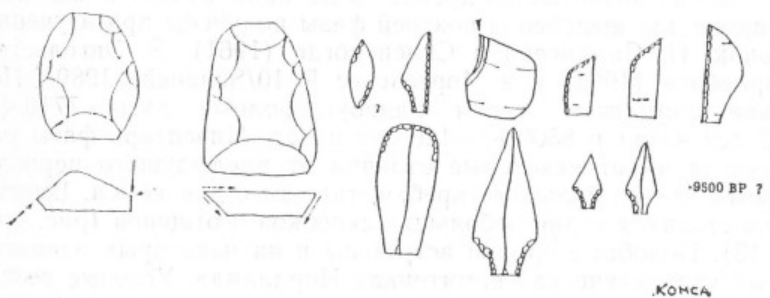
в культуре федермессер, а некоторые топоры на отщепях в комплексах фосны и южноскандинавских памятников, где судя по последним публикациям, они имеют очень ранние даты /Woodman 1985/.

Такая сложная ситуация и малочисленность хорошо изученных комплексов дают основания для разных подходов к изучению каменной индустрии Крайнего Севера: от признания развития данных форм от европейских оригиналов до полного независимого возникновения. Очень сложно и с установлением одновременности стоянок и выделении хронологических горизонтов. Древнейшие комплексы в Тромс (например, Симавик) имеют одноострийные наконечники более близкие к типу фосна, чем к классическим черешковым комсы. Отсутствие черешковых острий в Сейлмеркет I, расположенной значительно выше Сейлмеркет II—IV, где они хорошо представлены, дало основание П. Вудману предположить более раннюю фазу дочерешковых наконечников, которая возможно предшествовала культуре комса (рис. 4 В).

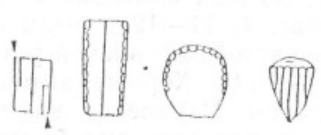
Вопрос о выделении хронологических периодов в культуре комса неоднократно поднимался в археологической литературе. К. Однер (1966) разделил ее на 3 последовательных фазы посредством сериации, основанной на присутствии или отсутствии ведущих типов, и развитию материального снаряжения от черешковых форм к поперечным наконечникам. Эта периодизация осуществлялась на материалах Варангерфюрда по высотным морским отметкам. П. Симонсен (1975) выделил, в основном на тех же материалах, две фазы — основную комсу и переходную к неолиту — селенесхогда. Недавно А. Сандмо (1989) для ранних поселений в Тромс наметила 3 фазы: I — 10 000 — 9700 лет назад, II — 9700—9300 лет назад, III — 9300—9000 лет назад. Не всегда археологами принимается столь ранний возраст, но выводы А. Сандмо хорошо подтверждены радиоуглеродными датировками. По ее данным ранние пребореальные стоянки имеют набор орудий, включающий пластины, небольшие одноострийные острия, черешковые наконечники, которые связываются с традицией культуры фосна. Поздние пребореальные комплексы показывают исчезновение некоторых из этих типов и появление более «северных» типов /Sandmo 1989/. В восточном Финнмаркене /Schanche 1988/ по данным группы стоянок Мортенснес в Варангерфюрде для ранней фазы культуры фосна (до 7500 лет назад) характерны микролиты, сверла и пластины, а позже появляются одноострийные и поперечнолезвийные наконечники. Такие же типы присутствуют на внутриматериковых стоянках, которые не могут быть ранними /Helskog 1974; Simonsen 1975/ и изредка на ранненеолитических поселениях, но уже в качестве пережиточных форм /Simonsen 1961, Schanche 1988/.

A

КОМСА

8500 BP?
САЛЕНЕСХОГДА

• Б

Рис 4

Рис. 4. А — Орудия культуры комса.
Б — схема развития мезолита С. Норвегии (по П. Вудману).

Интересную периодизацию (рис. 4 Б) мезолита Арктической Скандинавии предложил П. Вудман (1991). По его мнению термин комса приложим к определенному набору орудий, включающему черешковые наконечники, острия с притупленной спинкой, грубые и концевые скребки, топоры на отщепах. Время этой фазы мезолита от 9500 до 8500 лет назад. Ей предшествует фаза, условно названная дочерешковой, которая еще очень слабо представлена и должна датироваться древнее 9500 лет назад, т. е. начальным этапом заселения. Технология фазы комса направлена на получение крупных пластин/отщепов в ударной технике. Отсутствие комплекса комсы на таком раннем поселении как Мортенснес Р 10, расположенном на морском уровне начала голоцена, по мнению П. Вудмана, свидетельствует о кратком периоде этой фазы, закончившимся около 8500 лет назад. Развитие возможно было из культуры фосна (как показывает Симавик) с быстрым продвижением на север Норвегии.

Следующая фаза /Woodman 1991/, названная саленесхогда, была выделена по сути дела еще П. Симонсенем (1961), который отнес ее к молодому каменному веку. Сейчас совершенно ясно, что она значительно древнее и целиком входит в мезолит. Основание для выделения поздней фазы получены при изучении раскопок. П. Симонсена в Саленохогде (1961), Э. Энгельстад в Карлеботн (1988) и в Мортенснес Р 10/Schanche 1989/. Последние комплексы имеют радиоуглеродные даты 7710 +/- 480 лет назад и 8500 +/- 120 лет назад. Инвентарь фазы саленесхогда имеет некоторые отличия от предыдущего периода мезолита. Редки большие скребки, типичные для комса. Вместо них на стоянках серии небольших скребков и отщепов (рис. 4 А, 6, 9, 13). Подобные орудия встречены и на некоторых одновременных мезолитических памятниках Нордланда. Угловые резцы сменяются небольшими экземплярами на углу сломанной пластины (рис. 4; 2, 10). Во всех комплексах представлены микролитовидные формы (рис. 4; 11—12), среди которых много пластин и сечений с полукрутой дорсальной ретушью на одном или обоих концах (рис. 4; 14). Хорошо выражены конические и призматические нуклеусы. Изменения на этом этапе одновременны с развитием, которое получают более южные комплексы Скандинавии.

Большинство мезолитических памятников Западной Лапландии расположены на морском побережье, что всегда предполагало приморскую адаптацию древнейших обитателей. Хотя это, конечно, связано с лучшей изученностью данного региона, нет сомнения в повышенной концентрации населения мезолита, да пожалуй и последующих эпох, именно в приморской зоне. Раньше одной из отличительных черт неолитического времени считалось наличие выраженных жилищных структур. В последние годы мезолитические прибрежные поселения включают

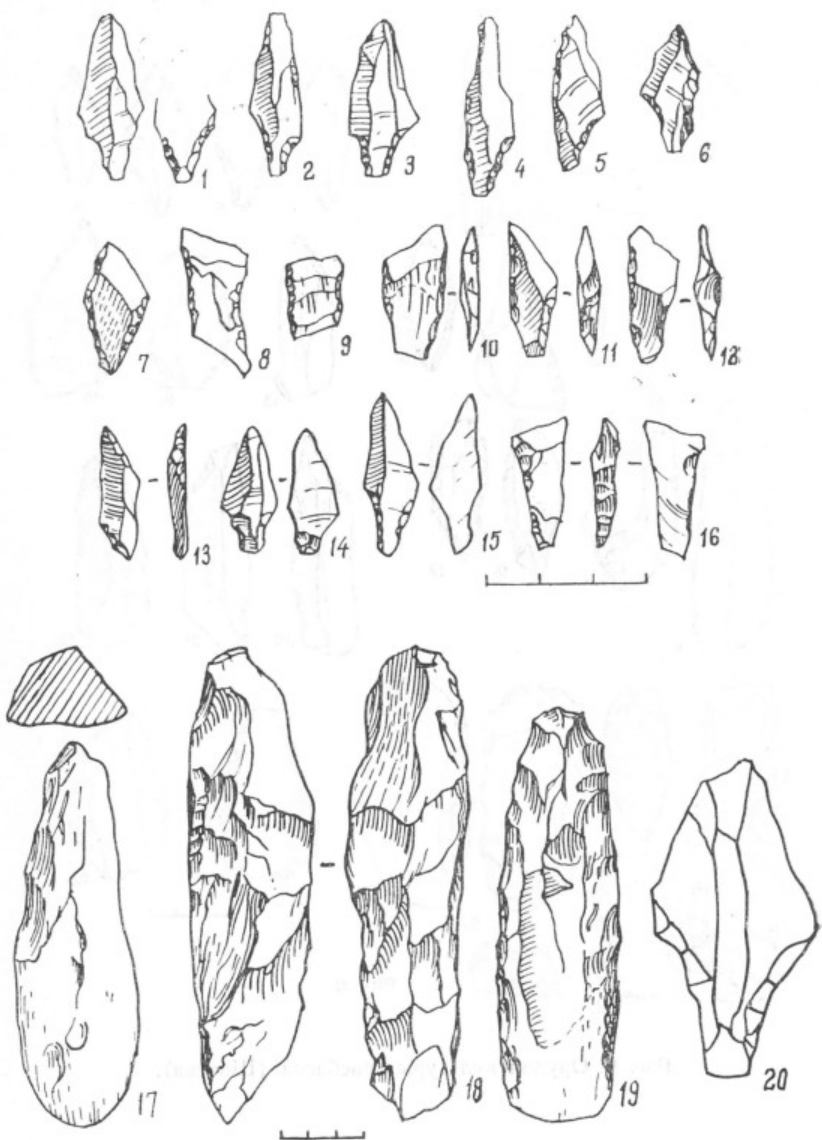

Рис. 5

Рис. 5. Орудия культуры фосна (Норвегия).

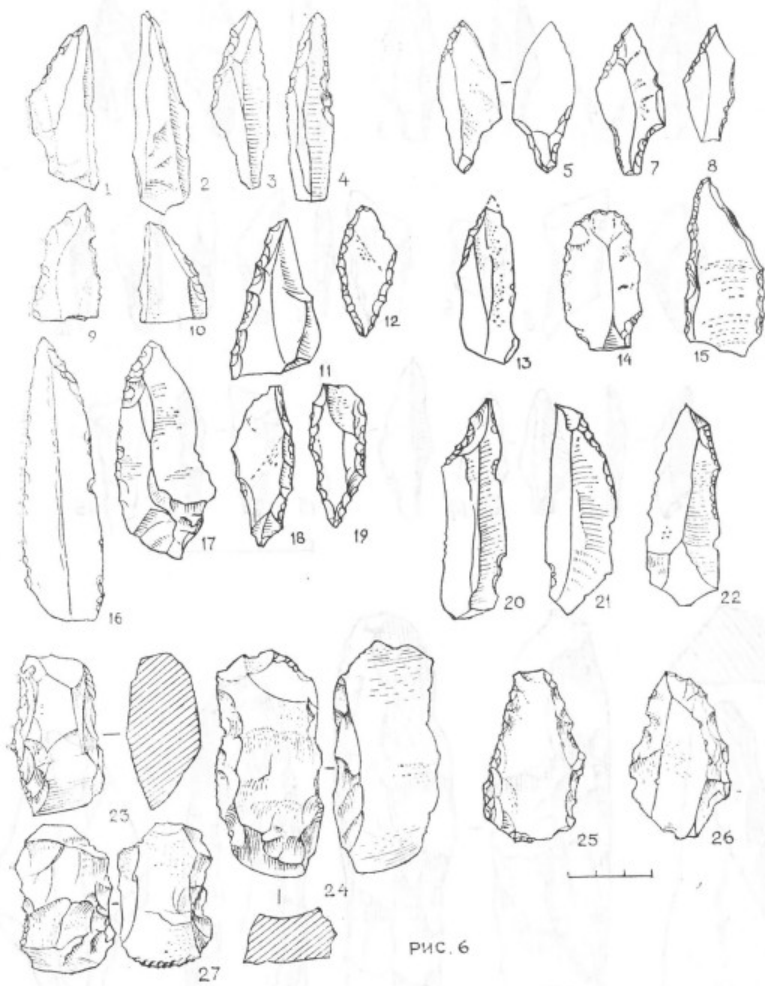

РИС. 6

Рис. 6. Орудия культуры хенсбаска (Швеция).

в себя как открытые стоянки, так и остатки чумов и слабоуглубленных жилищ /Helskog 1975; Engelstad 1988; Schanche 1988/. Исследования в Финнмарке не выявили наличие жилых комплексов в виде очень мелких (от 5 до 15 см) открытых углублений. На некоторых из них, раскопанных в Варангерфиорде, получены радиоуглеродные даты: 7710 $\pm$ 480 лет назад /Карлеботн—Engelstad 1989/ и 8500 $\pm$ 120 лет назад /Мортенснес—Schanche 1988/. Присутствие таких комплексов говорит в пользу более стабильного проживания в данных районах.

В позднем этапе мезолита появляются немногочисленные стоянки во внутренних районах. Обычно это небольшие временные места обитания охотников-рыболовов. Несмотря на интенсивное изучение территории Финнмарксвидда и горных районов Тромс, здесь обнаружены лишь единичные местонахождения с очень бедным набором инвентаря, включающем отдельные поперечнолезвийные наконечники. Исключение составляет довольно крупная стоянка Девдис /Helskog 1980/, на которой обнаружено несколько ям, одна каменная конструкция небольшого размера неизвестного назначения и серия скошенных, поперечных, одноострийных наконечников, ретушированные отщепы, скребки и нуклеусы. Получена и дата по C^{14} , связанная с этим комплексом (6575 $\pm$ 150 лет назад).

Прибрежное расположение стоянок и связанная с этим приморская экономика, базировавшаяся на рыболовстве и морском промысле, характерна для всех районов распространения мезолитических памятников. Известно 13 пребореальных стоянок открытого типа, варьирующих от десятков до нескольких тысяч квадратных метров. Вероятно такие крупные поселения являются стоянками многократного посещения. Так поселение Симавик на острове Риндвассоу в окрестностях Тромсо располагается между 28 и 30 метров выше морского уровня, что соответствует уровню молодого дриаса и имеет радиоуглеродную дату 9200 $\pm$ 200 лет назад /Sandmo 1988/. Все поселения, датированные от 10 000 до 9000 лет назад, относятся к древнейшему этапу заселения и четко связаны с утилизацией морских ресурсов (вероятно больше морское собирательство на литорали). Каменный инвентарь содержит мало типологически определенных орудий, включает пластины, различные черешковые наконечники и ядрица. Микролиты полностью отсутствуют. Подделочное сырье представлено кварцитом, диабазом и чертом, в основном местного происхождения (в окрестностях стоянок или на небольшом — до 20 км — удалении).

При раскопках раковинных отложений стоянки Мортенснес в Варангерфиорде /Schanche 1988/ получен небольшой фаунистический материал, впервые проливающий свет на пищевые источники обитателей комсы. Приблизительно 70 % остеологического материала составили кости рыбы, преимущественно трески, есть отдельные кости тюленя, но совершенно отсутствует

олень и нет даже ни одного куса обработанного рога. Автор раскопок предполагает сезонное, весенне-летнее обитание, но присутствие трески не исключает возможность проживания в другие сезоны. Однако трудно делать выводы по столь скудному материалу.

К. Однер (1966) считал, что мезолитическое население в регионе совершало сезонные движения от зимних поселений во внутренних районах фиорда к летним — на открытом побережье, что однако не подтверждалось серьезными доказательствами. Поливариантные анализы орудий из мезолитических поселений Варангерфиорда /Bolviken 1982/ не согласуются с данной моделью.

Некоторые археологи /Welinder 1981; Siiriainen 1981; Sandmo 1989/, считали, что на первом этапе использование северного норвежского побережья было сезонным с коротким пребыванием собирательских групп, приходящих с юга. Однако трудно найти причины и обосновать реальность столь длительных маршрутов из районов, где природные ресурсы не намного беднее северных территорий. Они возможны в позднем каменном веке и точно установлены в железном веке /Schanche, Olsen 1985/, но определяются уже иными факторами. Контакты же с более южными группами и населением восточных районов (Русская Лапландия) несомненны, но, как правило, последние не рассматриваются, а носят декларативный характер.

Каменные обкладки чумов и углубленные жилищные впадины на прибрежных стоянках Западной Лапландии часто встречаются группами до 5 конструкций. В отличие от древнейших местонахождений они свидетельствуют о более постоянной стабильности и укрупненности коллективов. Конечно, не во всех случаях жилища были одновременны, но все же следует говорить уже не о кратковременных стойбищах, а о базовых поселениях. Кроме того, со среднего этапа мезолита стоянки располагаются в различных природных условиях: островах, фиордах, заливах, полуостровах, реках и озерах, и не только вдоль морского побережья, но и во внутриматериковых горных и долинных районах. Связи между морскими и материковыми обитателями еще не достаточно ясны. Возможны различные системы комплексного хозяйства, от круглогодичного проживания с сезонными перекочевками до начала освоения разных экологических ниш.

Древнейшие коллективы, проникшие в пребореальном периоде на крайний север Фенноскандии, сумели приспособиться к суровым условиям арктической зоны и в результате длительной борьбы за существование постепенно освоить доступные территории региона и значительную часть природных ресурсов. За первые тысячелетия своего развития они прошли огромный путь, изменивший облик первоначальной культуры и отразив-

шийся в определенных связях, сходстве и различии материальной и духовной культур, системах хозяйствования.

В мезолитический период древние обитатели в процессе адаптации освоили способы раскалывания такого специфического сырья, как кварц и выработали рациональные приемы обработки орудий. На основании изучения материалов стоянок и естественнонаучных данных можно заключить, что наиболее ранние комплексы в регионе располагаются на западном и северном морском побережье и датируются не позднее середины VIII тыс. до н. э. Постепенно продвигаясь на вновь освободившиеся территории вдоль акватории Арктики, в основном на восток, коллективы все более удалялись от исходной территории и приобретали некоторые специфические черты.

В западном секторе Северной Финноскандии на протяжении всего мезолита население оставалось приморским. Робкие попытки освоить внутриматериковые пространства не имели положительных результатов. В восточной Лапландии на среднем (VII—VI тыс. до н. э.) и особенно позднем (VI—V тыс. до н. э.) этапах мезолита этот процесс шел более успешно, что видимо связано с географическими особенностями территории /Шумкин 1984/.

Анализ орудийных комплексов памятников не дает серьезных отличий ни в составе орудий, ни в соотношении их типов, которые постепенно становятся совершеннее и разнообразнее. Использование различного сырья имеет локальный характер и почти не отражается на облике культуры. Исходя из топографии прибрежных стоянок Северной Финноскандии, распространения и анализа находок можно предполагать, что обитатели на ранней стадии были бродячими морскими собирателями, совершавшими беспрестанное движение в поисках пищи вдоль фиордов и открытых побережий. В Западной Лапландии данная стратегия была основной и постепенно привела к более оседлому существованию, появлению стационарных жилищ и контролю над определенной территорией. В более восточных районах наряду с таким типом жизнеобеспечения, который однако дольше оставался очень мобильным, происходит выделение групп, специализирующихся на добыче лесного зверя и изредка практиковавшего примитивное рыболовство, приемы которого вероятно не значительно отличались от охотничьей практики.

Более широкий анализ археологических и естественнонаучных данных позволяет предполагать, что древнейшие коллективы на исследуемой территории являлись потомками обитателей круга памятников аренсбургской традиции и были родственны своим более южным приморским соседям — населению культуры фосна. Четкая преемственность в технике производства, относительная изолированность обитателей арктических стоянок, синхронные и сходные изменения в разных частях региона дают основания объединять мезолитические арктические

памятники Северной Фенноскандии в особую археологическую культуру, за которой имеет смысл сохранить имеющееся название — культура комса. Уже сейчас можно наметить локальные варианты: западный, северный и юго-восточный /Шумкин 1984; Shumkin 1990/. Отличия между ними не столь существенны, больше проявляются на самом позднем этапе и являются в основном результатом внутреннего развития и лишь отчасти — установления контактов.

ЛИТЕРАТУРА

- Горецкий Г. И. 1937. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка. Тр. секции INQUA, вып. III.
- Земляков Б. Ф. 1940. Арктический палеолит на севере СССР//СА, V.
- Кошечкин Б. И. 1975. Перемещение береговой линии Баренцева и Белого морей в последлениковое время//Изв. АН СССР. Ср. географ. № 4.
- Мейндер К. 1982. Финны — часть населения С — В Европы//В кн.: Финно-угорский сборник. М.
- Хольтедаль У. 1957. Геология Норвегии. М.
- Шумкин В. 1984. Мезолит Кольского полуострова//СА. № 3.
- Boe J., Nummedal A. 1936. Le Finnmarken. Oslo.
- Bolviken E., Helskog E. K., Holm Olsen L. 1982. Correspondence analysis: an alternative to principal components.//World Archaeology 14 (1).
- Broadbent N. 1979. Coastal resources and settlement stability. Uppsala.
- Welinder S. 1981. Den Kotinentaleuropeiska bakgrunnen till Norges oldsta atenalder. Uppsala.
- Woodman P. 1985. Excavations on Mt. Sandel. Belfast.
- Woodman P. 1991. From Ferriteris cove to Finnmark. Tromso.
- Gjessing G. 1937. Mellom Komsa og Fosna. Studier. Tillagnade Otto Rydbeck. Lund.
- Gjessing G. 1945. Nordes steinalder. Oslo.
- Indrelid S. Mesolithic economies and settlement patterns in Norway.//The Early Postglacial Settlement of N. Europe. London.
- Clark J. 1936. The mesolithic settlement of N. Europe. Cambridge.
- Luhov V. 1956. Die Askola — Kultur. SMYA 57.
- Nummedal A. 1929. Stone age finds in Finnmark. Oslo.
- Odner K. 1966. Komsa-kulturen i Nesseby og Sor-Varanger.//Tromso-museum skrifter 12.
- Sandmo A. 1989. Stilistisk variasjon og tidlig postglacial bosetning i Troms.//Tromso-museum skrifter XXII.
- Simonsen P. 1958. Arktiske Helleristninger i Nord-Norge. Tromso.
- Simonsen P. 1960. The History of Settlement.//Tromso-museum Skrifter VIII.
- Simonsen P. 1961. Varangerfunnene II.//Tromso-museum Skrifter VII. 3.
- Simonsen P. 1975. I anledning av 50-aret for Komsa-Kulturens oppdagelse. Acta Borealia.
- Simonsen P. 1988. Trekk av Mesolithikum-forskningens historie. Tromso.
- Siirainen A. 1981. Problems of the E. Fennoscandian Mesolithic. Funskt Museum 84.
- Schanche K. 1988. Mortensnes. Tromso.
- Schanche A., Olsen B. 1985. Vap de alle nordmenn? Stavanger.
- Freundt E. Komsa—Fosna—Sandarna.//Acta Archaeologica XIX.
- Helskog K. 1974. Stone age settlement patterns in the interior of N. Norway — //Arctic Anthropology IX.
- Helskog E. 1983. The Iversfjord locality. Tromso.
- Hood B. 1991. The prehistoric foragers of the North Atlantic. Massachusetts.

Smith R. A. 1912. On the date of Grimes Graves and Cissbury flint mines//Archaeologica. 63.

Shumkin V. 1990. On the Ethnogenesis of the Saams.//Acta Borealia 7 (2).

Engelstad E. 1988. Mesolithic house sites in Arctic Norway.//The mesolithic in Europe, Edinburg.

Engelstad E. 1991. The mesolithic on the outer coast of E. Finnmark. Tromso.

Е. Н. НОСОВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПЕРВЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОЙ РУСИ

Территория Древней Руси принадлежит к тем районам Европы, где не были известны ранние формы урбанизации, восходящие к античности, и где появление городов было обусловлено развитием социально-экономических отношений в среде местных славянских племен в период становления раннефеодальных структур и государственности.

Нынешние дискуссии в советской историко-археологической литературе о путях возникновения древнерусского города и его социально-экономическом облике берут свое начало в работах отечественных историков конца двадцатых—тридцатых годов нашего столетия. Это был период активного внедрения в русскую историческую науку идей марксизма, предполагавших примат социально-экономической обусловленности всей эволюции общественных структур. «Смена ориентиров», проводившаяся порой весьма прямолинейно, шла при резком отрицании наследия предшествующей историографии, в первую очередь, в лице В. О. Ключевского.

В трудах В. О. Ключевского воплотились лучшие достижения отечественной исторической мысли последней четверти XIX — начала XX вв., основанные на идеях либеральной историографии. «Ключевский наложил отпечаток на всю новейшую историографию, — писал М. Н. Покровский, ученик историка, в дальнейшем решительно с ним порвавший в связи с полным переходом на позиции марксизма, — вы везде встретите осколки этого влияния. Имея ключ к шифру Ключевского, вы имеете ключ ко всей русской историографии...» /Покровский 1967: 343/. В рамках своей концепции русской истории В. О. Ключевский создал целостную картину становления города /Ключевский 1919: 18—32; 1956: 127, 128, 148—150/. Как отмечали некоторые исследователи, город в его построениях приобрел «системосозидающее значение» /Фроянов, Дворниченко 1988: 10/. Историк тесно увязал возникновение первых городов с процессом славянского расселения, рассматривая их генезис, как

генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего, восточную, имея в виду выходы славян к черноморскому, азовскому и каспийскому рынкам.

Историю Руси В. О. Ключевский начинал с VI в., когда о славянских племенных союзах в районе Карпат можно уже говорить достаточно определенно. Аварское нашествие вызвало передвижение славян в восточном и северо-восточном направлении и в VII—VIII вв. мы застаем славянское общество на стадии разложения племенных и родовых союзов. На новых местах, занятых в процессе колонизации, славяне селятся отдельными дворами, прежние связи распадаются, родство заменяется соседством, начинает формироваться «новое сцепление», обусловленное уже экономическим интересом, движущей силой которого была внешняя торговля с Востоком. Торговля стягивала одиночные дворы в сельские торговые средоточия (погосты), потом в большие торговые города с тянущими к ним областями. Эти города возникли в VIII в., как сборные места торговли, пункты склада и отправления русского вывоза, они были посредниками между городскими округами и приморскими рынками. В IX в. города окружаются укреплениями, в них сосредотачивается военная сила общества, одно из основных целей которой была охрана торговых путей, сплачиваются тянущие к городам территории. «Вооруженный торговый город, — полагал В. О. Ключевский, — стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных славян на новых местах жительства» /Ключевский 1919: 21/. В одно время с превращением уже существующих городов в политические центры, а прилегающих к ним областей в государственные территории, на торговых путях Восточной Европы появились норманы. Их присутствие начинает ощущаться в первой половине IX в., а в дальнейшем приток заморских выходцев усиливается. Норманы активно включились в процесс сложения новых правящих социальных групп Руси, которые В. О. Ключевский называл «военно-торговой аристократией». Местами пришлый элемент в составе правящего класса преобладал, и город с тянущей к нему областью получал характер варяжского владения.

Нельзя не признать за построениями В. О. Ключевского четкости и последовательности. Однако, как верно заметил А. Е. Пресняков, сделав ряд критических оценок взглядов В. О. Ключевского, последний предложил «только схему» и «очевидно и сам придавал своему построению значение не исторической, а логической схемы», не пытаясь согласовать свои заключения с целым рядом конкретных исторических фактов, противоречащих ей и порой весьма серьезных /Пресняков 1938: 63, 64/. Тем не менее появление сформулированных взглядов В. О. Ключевского на историю города, получивших в литературе определение «торговой теории», момент этапный в развитии

русской историографии происхождения городов. То или иное отношение к построениям В. О. Ключевского определило в 1930-е годы подход к дальнейшей разработке истории русского города.

В 1920 — начале 1930-х годов Н. А. Рожков и М. Н. Покровский, положившие начало в марксистской исторической литературе изучению истории древнерусских городов, главным образом, в рамках хозяйственной интерпретации общественных явлений, продолжали считать основной функцией города, как социально-экономического образования, торговую, наследуя этим концепцию В. О. Ключевского (обзор взглядов см.: Ширинина 1970: 276). Затем, однако, как антитеза подхода В. О. Ключевского к вопросу о становлении городов, в советской науке возобладала точка зрения о городе, как составной части феодализма, как центре феодального производства и феодальных производственных отношений, порожденном потребностями сельского хозяйства и феодального землевладения. Торговые функции городов в таком случае признаются вторичными.

Основные положения этой концепции были сформулированы С. В. Юшковым и развиты М. Н. Тихомировым. С. В. Юшков тесно увязывал становление городов с формированием их округи и земледельческого хозяйства. Исследователь ввел понятие «племенного города», где концентрировались племенные власти, князь и его дружина, а поскольку такой город был центром всей территории, занятой племенем, то в нем, как наиболее населенном и лучше защищенном оседали скорее чем где-либо ремесленники и торговцы. По С. В. Юшкову город это, в первую очередь, феодальный центр, организующий примыкающие к нему волости и только затем центр ремесленный и торговый /Юшков 1939: 23, 46, 47, 131—137, 172/.

М. Н. Тихомиров в своей книге «Древнерусские города», продолжал разрабатывать эту же точку зрения /Тихомиров 1956: 9—64/. Полемизируя с В. О. Ключевским, он полагал, что не наличие водных путей и торговли вызвало появление первых городов, эти факторы лишь способствовали выделению среди них наиболее крупных и богатых, а города возникали в наиболее густонаселенных сельскохозяйственных районах с развитым земледелием. Существование городов обуславливалось внутренними потребностями хозяйства Древней Руси, для которого было необходимо выделение ремесла, обслуживавшего ближайшую округу. Эта потребность и была важнейшей движущей силой становления городов. По мнению М. Н. Тихомирова ядрами формирующихся городов были укрепленные княжеские детинцы, выраставшие из славянских городков, которые являлись центрами округов и племенных образований, а при этом торговоремесленные функции городов, обусловленные потребностями сельского хозяйства, были вторичны. Б. Д. Греков, так же как С. В. Юшков и М. Н. Тихомиров, рассматривал города, как

неотъемлемую часть феодального строя, однако, его позиция имеет существенные отличия /Греков 1949: 92—106/. Б. Д. Греков решительно не согласился с С. В. Юшковым в вопросе о существовании на Руси «племенных городов». «Если в племени появились города, — писал он, — то это значит, что племени, как такового уже не существует. Стало быть и «племенных городов», как особого типа городов как будто быть не может». («Родо-племенной строй не знает городов в точном значении термина. Появление города обозначает разрушение родо-племенного строя»). Город, по мнению Б. Д. Грекова, «есть населенный пункт, в котором сосредоточено промышленное и торговое население, в той или иной мере оторванное от земледелия», а «возникновение древнейших городов на Руси находит свое объяснение прежде всего в развитии ремесла, сбыта ремесленной продукции и, конечно, международной торговли, которую отрицать у нас нет никаких оснований». Поселения, перераставшие в города, были разнообразны — это могли быть усадьба-замок, укрепленное убежище, крестьянское поселение, лежавшее на удобных путях и ставшее торжищем, крепость, но город «в смысле средоточия ремесел и торговли, какого бы происхождения он ни был» — «всегда есть результат общественного разделения труда и является поселением с преобладающим населением ремесленного и торгового характера». Итак, согласно В. Д. Грекову, древнейшие русские города образовались не путем того, что феодальные центры притягивали под свои стены торгово-ремесленное население, а наоборот, в основе процесса лежало отделение ремесла от сельского хозяйства и превращение лишь со временем поселений, где сосредотачивались торговцы и ремесленники, в опорные пункты феодального владения.

К концу 1940-х годов в советской историографии сложились две концепции становления русского города, сформулированные, с одной стороны, С. В. Юшковым и М. Н. Тихомировым, а с другой, — Б. Д. Грековым. «Торговая теория» В. О. Ключевского воспринималась критически, однако, если сторонники С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова ее отвергли полностью, то фактор влияния международной торговли на образование городов последователи Б. Д. Грекова, если и не считали единственным, то признавали весьма существенным. В. О. Ключевского упрекали в недооценке экономического развития Древней Руси, прежде всего, развития земледелия и ремесла и придании чрезмерной и всеопределяющей роли внешней торговле, что способствовало преувеличению роли норманов в русской истории.

Иной оказалась судьба построений В. О. Ключевского в трудах западных исследователей Древней Руси и русских историков-эмигрантов. В их лице выводы В. О. Ключевского нашли многочисленных и последовательных сторонников (библиографию вопроса и критику построений В. О. Ключевского см.: Хо-

рошкевич 1962: 115, 116 и др.; Шушарин 1962: 141—160). Это произошло, как писал М. Карпович в 1943 г. «в значительной степени благодаря экономической интерпретации, благодаря подчеркиванию важности торговли и городских центров для Киевской Руси, благодаря указанию на важность колонизации для более позднего времени...» /Карпович 1943: 33/.

Идеи, выдвинутые С. В. Юшковым, М. Н. Тихомировым и Б. Д. Грековым о происхождении русских городов, определяют основные направления изучения этой проблемы и в наши дни. В 1980-е годы в целом ряде работ к рассмотрению вопросов становления городов обратился А. В. Куза. Сочтя удачным определение города, данное О. Г. Большаковым для средневековых городов Ближнего Востока («населенный пункт, основной функцией которого является концентрация и перераспределение прибавочного продукта»), он дал следующее определение древнерусского города — «постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта». По мнению А. В. Кузы «у истоков возникновения городов стояли феодалы», но поскольку «завершить этот процесс без купцов и ремесленников они не могли», то поэтому «одновременно с феодалами или вскоре вслед за ними в зарождающихся городах появляются купцы и ремесленники». /Куза 1984: 9, 10 и др.; см. также Куза 1983: 4—36; 1989: 142—162/. А. В. Куза намечал четыре основных варианта образования древнерусских городов: 1) из племенных или межплеменных центров; 2) из укрепленного стана, погоста или центра волости; 3) из порубежной крепости; 4) единовременное строительство города. При этом он считал, что торговые и ремесленные поселения не играли никакой роли в становлении городов в ранний период /Куза 1989: 16/. Построения А. В. Кузы полностью в своей основе повторяют путь решения вопроса о происхождении древнерусских городов, предложенный С. В. Юшковым и М. Н. Тихомировым.

Эту же линию историографии продолжает П. П. Толочко, настойчиво проводя мысль, что древнейший русский город был «в основе своей аграрным, рождением и развитием целиком обязанным, сельскохозяйственной округе». Автор подчеркивает «естественную связь» между возникновением города и развитием земледелия и соглашается с С. В. Юшковым в определении города прежде всего как феодального центра для волости или совокупности волостей, сборного пункта для военных сил данной округи, административно-финансового центра /Толочко 1989: 39 и др./ По мнению П. П. Толочко древнейшие восточнославянские города формируются преимущественно на базе «племенных градов» третьей четверти I тыс. н. э. и эти города «не были, по преимуществу, центрами ремесла и торговли; их экономическое развитие основывалось на сельскохозяйственном

производстве округи». Ведущие функции древнейших городов политическая и военная, а концентрация здесь феодализирующей знати обусловила превращение городов в административные центры-округ.

Идеи Б. Г. Грекова наследуют те исследователи, которые допускают многообразие путей становления городов и превращения их в центры феодального властвования при эволюции из поселений различных типов (в том числе торгово-ремесленных поселков). Среди ученых, придерживающихся подобных взглядов, можно назвать Н. Н. Воронина, Б. А. Рыбакова, В. В. Карлова, Д. А. Авдусина /Воронин 1951: 9—11; Рыбаков 1982: 94; Карлов 1976: 37 и др.; Авдусин 1980: 24—42/.

Интересную концепцию становления русского города предложил В. В. Седов /Седов 1987: 12—31/. Он считает доказанным по археологическим материалам положение о том, что единого пути образования городов на Руси не было. Автор наметил несколько периодов в общем процессе градообразования. По его мнению в VII—VIII вв. во многих областях восточнославянского мира среди массы земледельческих поселков появились селения, где работали ремесленники-профессионалы. Со временем такие поселения становились также торговыми центрами и их лучше всего именовать протогородами.

Следующий период в истории русского градообразования по В. В. Седову — появление раннефеодальных городов в IX в. Далеко не все протогородские центры согласно автору переросли в раннефеодальные города, а лишь те из них, которые, наряду с ремесленно-торговыми функциями, имели также административные (политические, военные, культовые). Под административными центрами В. В. Седов понимал центры племенные. Он допускал, что «какую-то роль в эволюции протогородских поселений в города играла международная торговля», но не считал ее влияние решающим на процесс градообразования.

В 1989 г. В. В. Седов попытался взглянуть на происхождение русского города в контексте общеевропейского процесса становления городов /Седов 1989: 6—55/. Он отмечал, что в VII—VIII вв. к востоку и к северу от границ Римской империи, на землях германцев, славян, балтов появились «неаграрные» торгово-ремесленные поселения (в литературе их называют по-разному: протогорода, эмбрионы городов или нуклеи, вики, прибрежные торговые фактории). Эти поселения возникали прежде всего в регионах концентрации сельского населения, а среди их жителей главенствующую роль играли ремесленники-профессионалы и купцы. В. В. Седов указывал, что «начало некоторых протогородских поселений обусловлено развитием широких торговых связей».

В. В. Седов показал, что градообразование за границами территории Римской империи — процесс общий для обширных регионов Европы, подчиняющийся единым историческим законо-

мерностям. Другое дело, что на вопросы дифференциации «неаграрных» поселений автор почти не обращает внимания, а отсюда характеристика процесса становления городов смазывается. Далеко не схожи были протогорода («неаграрные» поселения) даже, если брать только восточнославянские земли (к примеру, Изборск и Гнездово). Кроме того, вопрос о том, что понимать на Руси под «племенным центром» (термин, которым В. В. Седов широко оперирует), а что под «неаграрным» поселением с административными функциями, остался четко не определенным. Оценивая концепцию В. В. Седова в целом, можно сказать, что она соответствует той линии подхода к рассмотрению происхождения русских городов, которая восходит к построениям Б. Д. Грекова.

Своеобразное понимание процесса возникновения городов на Руси было предложено в работах И. Я. Фроянова и его соавторов /Мавродин, Фроянов 1970: 7—15; Фроянов 1980: 216 и сл.; Фроянов, Дворниченко 1988: 22—40/. Суть их позиции заключается в том, что образование первых городов на Руси связывается не с периодом становления феодализма, а с поздним этапом родового строя. Именно тогда «организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров оказывается невозможной», и поэтому появляются такие центры, то есть города. Они выступают в качестве, прежде всего, военно-политических, административных и культурных (религиозных) средоточий, в то время как ремесленная функция не являлась определяющей и в литературе сильно преувеличена. Многообразие типов раннегородских поселений, по мнению исследователей, выглядит искусственным, и таковыми были только племенные или межплеменные центры /Фроянов, Дворниченко 1988: 28—34, 38/. Обсуждение вопроса о происхождении первых русских городов в рамках не феодальной, а первобытно-общинной формации, является главным отличием концепции И. Я. Фроянова и его соавторов от иных точек зрения, представленных в отечественной литературе. Если же учитывать предложенные конкретные подходы к решению вопроса о ранних городах, а именно, признание связи (или тождества) города и племенного центра; принятие «монистического пути» образования городов; отрицание значительной роли ремесла при формировании первых центров; отстаивание их аграрного характера, то оказывается, что позиция И. Я. Фроянова гораздо ближе позиции С. В. Юшкова, а из современных авторов А. В. Кузы и П. П. Толочко, чем подходу Б. Д. Грекова и его последователей.

Однако, наряду с работами, продолжающими развитие основных положений построений С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова и Б. Д. Грекова, в советской историографии в семидесятые годы появились исследования, в которых отстаивались совсем иные взгляды на начальную историю русского города. Примечатель-

ным фактом стала публикация в 1974 г. небольшой статьи В. А. Булкина и Г. С. Лебедева «Гнездово и Бирка» /Булкин, Лебедев 1974: 11—17/. Отмечая, что становление города представляет собой одно из проявлений процесса классовообразования, завершающегося созданием государства, и что развитие этих взаимосвязанных явлений определяли как внутренние, так и внешние факторы, авторы подчеркнули, что среди последних важную роль играла международная торговля Руси IX—XI вв. Ее расцвет был обусловлен прогрессом производительных сил и распадом родовых отношений на громадной территории Восточной и Северной Европы и вследствие этого Русь и Скандинавия включились в единую систему международной торговли. «В VIII—IX вв. на магистральных путях Северной и Восточной Европы, — писали В. А. Булкин и Г. С. Лебедев, — возникли поселения нового типа, служившие для реализации новых общественных функций».

Авторы перечислили ряд особенностей, отличающих торговые центры от средневековых городов: 1) колеблющийся состав населения; 2) временные формы социальной связи; 3) отсутствие, по крайней мере, на ранних этапах укреплений; 4) большие могильники у поселений с разнообразными вариантами обряда; 5) ограниченный период бытования: IX — начало XI вв. (во второй половине X в. начинается упадок, а к середине XI в. торговые центры исчезают).

Некоторая непоследовательность ряда заключений и декларативность выдвинутых тезисов не снижают значимости отстаиваемых в статье В. А. Булкина и Г. С. Лебедева взглядов. Во-первых, в ней впервые в советской историографии за многие годы было четко заявлено о значительной (а иногда даже определяющей) роли международной торговли в процессе становления первых городов, во-вторых, выделен на территории Восточной Европы особый тип торгово-ремесленных предгородских поселений, аналогичных по типу североевропейским викам, и, в-третьих, процесс становления городов на Руси, по крайней мере располагавшихся на крупнейших международных путях, сопоставлен и увязан с аналогичным процессом в Скандинавии.

Эти же авторы вместе с И. В. Дубовым в 1978 г. более четко определили концепцию становления городов на Руси /Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 138—140/. Древнейшей формой предгородских поселений здесь по их мнению были племенные центры VIII—IX вв., которые в IX—X вв. обрастали торгово-ремесленными посадками. Иным типом являлись возникавшие в VIII в. и, главным образом, в IX в. открытые торгово-ремесленные поселения, где сосредотачивалось многочисленное население, разнотническое, связанное с дальней торговлей, военными походами, ремеслом. Такие поселения приобретали надплеменное значение и международный облик, и значительную роль в них играли дружины варягов. Интеграция прото- и раннегородских поселений

завершилась к исходу X — началу XI в., когда сформировалась единообразная структура города, состоявшая из княжеского детинца и ремесленно-торгового посада.

Постановка вопроса о том, что на Руси в VIII — X вв., как и в некоторых странах Балтики, существовал особый тип торгово-ремесленных поселений предгородского плана, которые возникли благодаря активному участию в международной торговле, контролю над важнейшими торговыми путями, развитию ремеслу, обслуживавшему новый социальный (военно-дружинный) слой общества, вполне естественно привлекла внимание в отечественной историографии. Закономерно встали вопросы о том, какое место занимают такие поселения в общем процессе градообразования на Руси, как совместить эти новые факты со ставшим уже традиционным пониманием генезиса городов, как феодальных центров вырвавшихся в результате роста земледельческих округ. Признание пути становления города через торговые средоточия означало также частичную «реабилитацию» взглядов В. О. Ключевского, ведь «вооруженный торговый город» в построениях этого маститого русского историка, это ни что иное как поселение типа вика, не связанное напрямую с племенными структурами и на новой основе стягивающее близлежащие территории.

Существование на Руси особого типа торгово-ремесленных поселений было сразу напрямую отвергнуто лишь Д. А. Авдусиным /Авдусин 1980: 39—42/. Большинство авторов признали убедительным их выделение, как и необходимость сопоставления однопорядковых центров Балтийского региона и Восточной Европы, игравших значительную роль в международной торговле /Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 287; Алексеев 1977: 89 и др.; 1980: 142, 143; Кирпичников 1979: 98, 99 и др./.

Такова в целом ситуация по вопросу становления городов на Руси, сложившаяся в русской исторической литературе к концу 1970-х годов. Как мы видели, наиболее интенсивно шла разработка концепций, в основе которых лежали выдвинутые еще в 1930—40-е годы взгляды С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова, с одной стороны, и Б. Д. Грекова, с другой. Однако, появилась и иная линия в интерпретации материала, начало которой положила статья В. А. Булкина и Г. С. Лебедева. Очевидна ее связь с достижениями западноевропейских историков и археологов, доказавших возникновение в конце I тыс. н. э. в регионе Балтики особого типа поселений городского облика, важнейшей функцией которых было участие в международной торговле и обслуживании водных путей. Было бы упрощением трактовать данный подход, как простой перенос идей западноевропейских исследователей на русскую почву. Дело в том, что сама «почва» давала к тому серьезные основания — были накоплены интересные новые материалы по Ладогe, Гнездову, Шестовицам, Рюрикову городищу, Тимереву, соответствующие

предлагаемой интерпретации. На первый план теперь вышел вопрос о том, какое место занимает становление восточнославянского города через поселения на международных торговых путях в общем процессе градообразования и почему эти центры потеряли, как правило, свое значение в конце X — первой половине XI в., уступив место находящимся поблизости городам хорошо известным по летописным источникам.

Предметом дискуссии вновь стал еще один вопрос — о так называемых «парных» центрах. Дело в том, что, по крайней мере, в начале века было замечено, что рядом с целым рядом русских городов находились значительные, в тенденции более древние поселения, и эта проблема рассматривалась в литературе во многом с акцентом на соотношение Гнездова и Смоленска, хотя назывались и другие пункты. Эта «парность» трактовалась прежде всего с точки зрения прямой преемственности центров образующих отдельные пары, то есть как перемещение города с одного места на другое, как «перенос» города, причем возможные причины этого назывались самые разные (библиографию вопроса см.: Дубов 1983: 70, 71). Однако, подобные многовариантные объяснения оставались лишь в виде общих суждений и не подкрепленные конкретно-историческим анализом едва ли могли удовлетворить исследователей, не определяя той общей причины «переноса» городов, которая несомненно должна была существовать. Наконец, Б. А. Рыбаков предложил рассматривать крупные поселения близ древнерусских центров, как особые лагеря варяжских отрядов, где «могли быть купцы и нанятые варяжские воины» /Рыбаков 1962: 37/.

В новой историографической ситуации 1970—80-х годов оказалось, что «парные» центры включают поселения торгово-ремесленного плана, теперь сопоставляемые с аналогичными западно- и североευропейскими протогородами и города, упоминаемые в летописях и, обычно, трактуемые как племенные центры. Это Гнездово и Смоленск, Тимерево и Ярославль, Шестовицы и Чернигов, Сарское городище и Ростов, Рюриково городище и Новгород. Стало ясно, что эти два типа поселений на Руси не только сосуществуют, а их история пересекается и они взаимосвязаны.

По-новому попытались подойти к трактовке соотношения «парных» центров В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина /Петрухин, Пушкина 1979: 100—112/. Они несколько сместили ракурс рассмотрения вопроса, анализируя «парные» центры не столько под углом зрения их генетической преемственности, сколько с точки зрения их частичного сосуществования, различного характера и соперничества. Существование на Руси подобных центров исследователи объяснили тем, что в X в. «силы великого князя и местного боярства, видимо, оказались уравновешенными», возникло своеобразное «двоевластие» и «рядом с племенными центрами, где сильна была местная знать, на жизненно важных

для Древнерусского государства международных путей, привлекающих разноплеменных воинов, торговцев и ремесленников, появляются новые центры, ориентированные на обслуживание внешних связей Руси, феодализирующейся дружины, на сбор дани и т. д. Эти новые центры — Гнездово, Шестовицы, Рюриково городище, Тимерево и др. — В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина оценили, как великокняжеские дружинные погосты. По их мнению «интенсивная феодализация определила и кратковременность процветания центров, ориентированных на внешние связи и оторванных от местной округи».

В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина отмечали, что предгородскими образованиями аналогичными Гнездову, Сарскому городищу, Шестовицам были скандинавские вики Бирка, Хедебю, Ширингсаль, упадок которых к концу X — первой половине XI в. привел к их смене иными центрами: место Бирки заняла Сигтуна, Хедебю — Шлезвик, Павикена — Висбю, Ширингсалья — Тенсберг. «Из параллельно развивающихся центров, — писали авторы, — жизнеспособными оказались те, которые больше были связаны с местной экономической средой, а не внешней экспансией. Конец эпохи викингов стал концом вигов, как и распад раннефеодального Русского государства означал упадок связанных с ним центров — погостов». Торговые города, близкие по функциям скандинавским викам существовали и в империи Каролингов, и в землях западных славян.

Итак, в статье авторы продолжали ту линию сопоставления торгово-ремесленных поселений на восточнославянских территориях с западноевропейскими центрами, которая была намечена в работе В. А. Булкина и Г. С. Лебедева. Они еще раз показали, что возникновение нового типа поселений в среде восточных славян отнюдь не скандинавское привнесение, а результат проявления общей исторической закономерности в становлении города. Было подчеркнуто расположение в X—XI вв. не только на востоке, но и на севере и западе Европы ряда значительных городских центров поблизости друг от друга («парами») и смена торгово-ремесленных поселений на рубеже X—XI вв. городами, в большей степени базировавшимися на местной экономической основе, чем на внешних связях. Однако, с конкретными заключениями В. Я. Петрухина и Т. А. Пушкиной о характере городских поселений внутри «пар» на территории Древней Руси и о динамике их взаимоотношений согласиться нельзя. Постановка вопроса авторами предполагает, что «племенные центры» (Смоленск, Новгород, Ярославль и др.) древнее «княжеских погостов» (Гнездово, Рюриково городище, Тимерево и др.), которые по их мнению вырастали в основном в X в. рядом с центрами племен. В действительности, судя по археологическим материалам, все было наоборот — древнее центры «вторичные» по В. Я. Петрухину и Т. А. Пушкиной. Если это так, то и все дальнейшие построения исследователей оказыва-

ются искусственными (кстати и в Северной Европе древнейшие городские центры типологически сопоставимы, именно, с Гнездовом, Юриковым городищем, Тимеревым и др.). Неотчетливость позиции В. Я. Петрухина и Т. А. Пушкиной в вопросе о месте торгово-ремесленных поселений X в. при становлении городов на Руси, проявилась и в том, что они избежали в своей статье определения места Ладоги в этом процессе, которая никак не укладывается в представленную ими схему, хотя неоднократно сопоставлялась различными исследователями с европейскими виками.

Высказывая различные суждения о соотношении типов раннегородских поселений, многие исследователи не могут прийти к однозначному ответу. Так, И. В. Дубов в статье 1983 г. отошел от своих прежних трактовок Гнездова и ему подобных центров. В их новой характеристике — «племенные торгово-ремесленные комплексы» — исследователь соединил те два типа ранних городских центров VIII—IX вв., которые он раньше выделял в совместной работе с И. Я. Фрояновым, то есть ранние города, возникшие на племенной основе и многоэтничные протогорода, появившиеся независимо от племенных объединений на международных торговых путях /Дубов 1983: 79—81; ср. Фроянов, Дубов 1977: 69—71/.

И. Я. Фроянов также отошел от высказанных им ранее взглядов. Не найдя подходящего места торгово-ремесленным поселениям на международных торговых путях («протогорода» работы 1977 г.) в своей схеме становления городов на Руси, он предпочел в последующем в обобщающих исследованиях вообще не акцентировать внимания на подобных центрах /Фроянов, Дубов 1977: 69—71; Фроянов 1980: 216 и сл.; Фроянов, Дворниченко 1988: 22—40/. Стремясь «не размывать» своей концепции становления городов, А. В. Куза также оставил открытым вопрос о роли и месте торгово-ремесленных поселений в этом процессе, сославшись на необходимость специальных исследований /Куза 1989: 148—151/. Дело тут, конечно, не в недостатке фактов, а в том, что появление в IX в. торгово-ремесленных поселений никак не вяжется с общими построениями А. В. Кузы о путях становления городов, у истоков которых «стояли феодалы».

Я уже отмечал, что П. П. Толочко придерживается взглядов на происхождение русского города, восходящих к построениям С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова. Однако, в монографии, посвященной изучению древнерусских городов, он коснулся и вопросов о роли торгово-ремесленных поселений на Руси /Толочко 1989: 50—59/. Автор согласился с существованием подобных поселений, отметив их приуроченность к торговым путям, согласился и с наличием «парных» центров. Исследователь решительно выступил против того, чтобы считать торгово-ремесленные поселения определенной стадией в истории древнерусского города, против стремления установить преемственность

торгово-ремесленных поселков и некоторых городов, против теории «переноса» городов, упрощающей, как подчеркивает автор, «собственно проблему существования торгово-ремесленных центров, которые будто бы и не исчезали, а лишь сменили местоположение».

П. П. Толочко считает, что для правильного понимания социальной сущности торгово-ремесленных поселений IX—X вв. и их места в становлении городских форм жизни на Руси, их следует рассматривать в контексте общеевропейского исторического развития. На Балтике близкими по сути восточнославянским являлись торговые города, такие как Бирка, Висби, Хедебю, Любек, Менцлин, Волин, Щецин, были известны и пары городов: Хедебю и Шлезвик, Бирка и Сигтуна и др. Указанные торговые города входили в единую экономическую систему, которая не укладывалась в рамки этнических границ. Начало их существования в IX—X вв. было обусловлено необычайно бурным развитием трансевропейских торговых связей. Главными занятиями жителей этих поселений являлась дальняя торговля, а также связанные с нею ремесло и военное дело. Существование подобных поселений было относительно кратковременным. Их почти повсеместное затухание сопровождалось возвышением новых центров, к которым иногда переходили и старые названия. «Причины пресечения традиции торгово-ремесленных городов, — считает П. П. Толочко, — следует искать в изменившихся условиях социально-экономического развития европейских стран (в том числе и Киевской Руси) в последние десятилетия X в. В это время происходит стабилизация их государственных структур, определение границ, что неизбежно вело к нарушению прежних связей и формированию новых экономических районов». Прежняя межрегиональная экономическая структура, основанная, преимущественно, на частном предпринимательстве не могла более существовать. Не являясь органическим порождением внутреннего социально-экономического развития восточнославянского общества, торгово-ремесленные поселения не смогли стать естественным средоточием сельскохозяйственной округи и не имели перспектив для развития. Административно-политических функций, полагал П. П. Толочко, они не имели.

Из сказанного, с чем в большинстве случаев следует согласиться, П. П. Толочко делает неожиданные и противоречивые выводы. «Эволюция городских форм жизни, при которой первой стадией была бы торгово-ремесленная, в условиях раннефеодальных производственных отношений на Руси просто невероятна» — утверждает исследователь. Следующая через несколько строчек фраза имеет уже иной смысл: «значение торгово-ремесленных поселений для эволюции городских форм на Руси не было всеобъемлющим. И не следует его преувеличивать. Это не стадия в жизни восточнославянского города, а лишь один

из путей его образования». Получается, что путь образования города через торгово-ремесленные поселения на Руси все же был. Далее, однако, такой путь П. П. Толочко называет «тупиковым», поскольку он был обусловлен преимущественно факторами внешнего социально-экономического развития. Подобное определение, на мой взгляд, не только крайне неудачно, но и бессмысленно. Трудно допустить, что само появление торгово-ремесленных поселений и их существование на протяжении, как минимум двух столетий никак не сказалось на экономическом, социальном и культурном развитии общества и не способствовало его развитию, то есть вело в «тупик» (автор прямо пишет: «торговля, которую вели эти центры, была необходима прежде всего им самим, но не тем регионам, в которых они возникали». — Толочко 1989: 57). Кроме того, следуя логике рассуждений П. П. Толочко, торгово-ремесленные центры были инородными телами на территории Руси, никак не отвечали потребностям экономики местного общества, а отсюда были всецело обязаны своим возникновением и развитием благотворному иноземному влиянию. Однако, подводя к подобному заключению, автор делает массу оговорок. Вопреки собственному утверждению, что торгово-ремесленные поселки не являлись «органическим порождением внутреннего социально-экономического развития восточнославянского общества», он решительно отвергает «неправильные выводы о шведском приоритете в основании этих торговых факторий» и выступает против «старых стереотипов» о формировании трансевропейских экономических связей исключительно норманнами. По его мнению славяне (и восточные славяне) играли активную роль в торговой жизни. На торгово-ремесленных поселениях при всей их многоэтничности, преобладало местное население /Толочко 1989: 55—56/. Таким образом, П. П. Толочко, в конечном счете, все же вынужден признать, что возникновение торгово-ремесленных поселений все же отвечало интересам восточнославянского общества и имело определенные корни в славянской среде для своего появления.

Да, торгово-ремесленные поселения, в основном, прекратили свое существование на рубеже X и XI вв., но рядом с Гнездовом появился Смоленск, рядом с Рюриковым городищем — Новгород, поблизости от Сарского городища — Ростов, от Тимерева — Ярославль и т. д., именно с торгово-ремесленного поселка началось и не прерывалось развитие Ладоги. Торгово-ремесленные поселения возникали в ключевых местах водных путей, однако, возникали там, где имелась и соответствующая местная среда для успешного осуществления торгово-ремесленной деятельности и необходимость в охране и контроле торговых путей. Подобные поселения активно способствовали формированию, если так можно выразиться, «значимости» районов, созданию экономических структур и социальной среды, в которых возникали

«новые» города. В этом плане Гнездово, несомненно, хронологический и исторический предшественник Смоленска, Рюриково городище — Новгорода, Сарское городище — Ростова и т. д. Само существование «парных» центров убедительное подтверждение непрерывности и преемственности городского развития в той или иной местности Восточной Европы. Можно сколько угодно дискутировать о причинах появления пар и характере взаимоотношения образующих их поселений, но сам факт взаимосвязи последних нет никаких оснований ставить под сомнение.

Торгово-ремесленные поселения на международных путях сыграли значительную роль в становлении городов на Руси, хотя они и не являлись «обязательной стадией» в развитии городов и существовали не повсеместно. Их появление и участие в формировании городских форм жизни на Руси не укладывается в прокрустово ложе построений С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова и П. П. Толочко (последний, как я показал, совершенно справедливо оценивая конкретные факты о торгово-ремесленных поселениях, не смог вывести общие заключения за пределы традиционных схем). С другой стороны, существование подобных поселений на Руси в IX—X вв. согласуется со взглядами Б. Д. Грекова и элементами «торговой» теории В. О. Ключевского.

Появление древнейших городских поселений обычно рассматривается под углом зрения поиска общих закономерностей для всей территории Руси и, в тоже время, гораздо меньше внимания уделяется выявлению особенностей этого процесса в отдельных частях огромной страны. Вместе с тем, сложение государственной территории на юге и на севере Руси, а также становление городов, как опорных центров новых общественных и экономических отношений и связей, несомненно, с одной стороны, подчинялись общим закономерностям развития восточнославянского общества, но, с другой стороны, имели немало специфических черт, что нельзя недооценивать. Отнюдь не случайно развитие государственности на берегах Волхова привело к образованию феодальной боярской республики, в то время как в Южной Руси сложились более авторитарные формы правления.

Возникновению первых городов в Среднем Поднепровье — центре Южной Руси, предшествовал определенный период стабильности в развитии славянского общества, последовавший за переселением славянских племен из более западных и юго-западных районов Европы. Этот период начался, по крайней мере, в середине I тыс. н. э., а по мнению ряда исследователей и гораздо ранее. В славянском обществе шел интенсивный процесс социальной дифференциации, кристаллизации новых общественных связей и структур, развивалось ремесло и торговля. Уже для VI—VII вв. можно говорить о появлении славянских

«градов» как, прежде всего, административно-политических центров племен /Толочко 1989: 19 и сл./. Часть этих «градов» в дальнейшем переросла в города. Однако, широкий процесс образования городов, как нового типа поселений, противостоявших сельской стихии, начался позже — в VIII—X вв. Города вырастали в плотно освоенных земледельческим населением районах, в местах концентрации сельских поселений, как центры обширных округ, приобретая шаг за шагом административное, ремесленное и торговое значение.

На севере Руси наблюдается иная картина, чем на юге. Географическое размещение этой области на окраине славянского мира, откуда открывались выходы к торговым центрам Балтики и на богатые пушниной просторы Севера и Северо-Востока, ключевое расположение на перекрестке важнейших международных торговых путей Восточной Европы, невысокое, в сравнении с Южной Русью, плодородие почв, при густой залесенности и широкой заболоченности местности определили характер сельского расселения и особенности формирования городов. Время становления последних оказывается здесь чрезвычайно близким началу самого славянского расселения и даже порой города основывались непосредственно в процессе освоения новых территорий. Тем самым они рождались преимущественно не постепенно, как главные поселения сельских районов, а изначально росли в ключевых местах основных путей международной торговли, как центры такой торговли и ремесла, а также как административные и военные пункты.¹ Именно перечисленные функции были определяющими для подобного города, в то время как наличие поблизости от него массы сельских поселений первоначально не являлось обязательным для возникновения города (классический пример — Ладога), хотя в дальнейшем их наличие или отсутствие оказывало сильное воздействие на характер развития городского центра. Города, возникшие на торговых путях, в сравнении с городами — центрами сельских округ в большей степени являлись полиэтничными по составу населения и характеру материальной культуры.

Через территории будущего ядра Северной или Новгородской Руси — по Волхову и рекам Ильменского бассейна пролегал известный балтийско-волжский путь, сложившийся к концу VIII в. По нему из стран Исламского Востока серебро в виде куфических монет попадало на Русь и далее на Балтику. Маршрут пути четко высвечивают отдельные клады и их скопления. Первые славяне появились в Северном Приильменье и в Поволжье вряд ли ранее VIII в.; тогда же здесь стали складываться

---

¹ Показательно и не случайно, что на территории Приильменья и Поволжья П. П. Толочко не смог указать ни одного «славянского града», на базе которого здесь могли формироваться городские центры (Толочко 1989: 19 и сл.).

контуры и механизм обменной торговли серебром и мехами, которая и обусловила активное функционирование торговой артерии и оказала существенное влияние на социально-экономическое развитие этой части Восточной Европы; в середине VIII в. на Волхове появились и скандинавы, основная цель которых первоначально заключалась в продвижении и закреплении вдоль основных водных артерий, ведущих к источникам серебра и местным рынкам; в середине VIII в. в низовьях Волхова была основана Ладога, древнейший город Северной Руси. Таким образом, славянское расселение, возникновение Ладоги, формирование торгового пути, первое появление скандинавов принадлежат исторически к одному периоду, а хронологически к достаточно короткому отрезку времени и тесно взаимосвязаны.

Древнейшим городом Северной Руси является Ладога, основанная в середине VIII в. Для нее с момента возникновения была характерна ориентация на внешние связи, развитая ремесленная деятельность отсутствие значимой сельской округи, полиэтничный состав населения. Ладога являлась «мостом» между Балтикой и внутренними районами Восточной Европы. Она олицетворяет один из путей формирования древнерусского города и сопоставима с аналогичными ранними торгово-ремесленными поселениями Балтики, такими как Хедебю, Риббе, Бирка и др.

По своему географическому положению исток Волхова также играл ключевую роль на водных путях лесной зоны Восточной Европы. Уже в середине IX в. тут существовало, возможно, возникшее несколько ранее, торгово-ремесленное и военно-административное поселение на Городище. По своей сути оно первоначально повторяло в несколько ином и более позднем варианте развитие Ладоги, но типологически это были центры одного порядка /Носов 1990/.

У наиболее сложных участков водных путей, в первую очередь, связанных с восточной торговлей, у порогов, близ волоков, в местах раздвоения рек на рукава возникали укрепленные поселения, контролировавшие пути и обеспечивавшие их безопасность /Носов 1981: 18—24/. В ключевых местах путей росли города. Так начиналась история Ладоги, Новгорода, Нового Торга, Волока Ламского, Городка на Ловати (Великих Лук) /Носов 1992/.

К рубежу X—XI вв. в истоке Волхова вблизи древнего городка на Городище сформировался новый центр, где располагались христианский комплекс (владычный двор, общегородской храм), торг, княжий двор и где вскоре были возведены мощные укрепления. Существование «парных» центров, подобных Городищу и Новгороду, один из которых более древний, ориентированный на внешние связи и торгово-ремесленную деятельность, а другой опирается на местную экономическую основу и является центром тянущих к нему сельских территорий,

центром, где сосредоточены новые органы административного и церковного управления, не есть нечто единичное для Руси и стран Балтики. Подобные «пары» известны: Гнездово и Смоленск, Шестовицы и Чернигов, Сарское городище и Ростов, Тимерево и Ярославль, Городок на Ловати и Великие Луки, возможно, городище на р. Дорогоще и Новый Торг и другие. Аналогичная картина наблюдается и в Скандинавии: Бирка и Сигтуна, Хедебю и Шлезвик, Павикен и Висбю, Ширингсаль и Тенсберг. Во всех этих случаях появление новых городов и упадок прежних центров происходили на рубеже X—XI — первой половины XI вв., в чем нельзя не видеть проявление общей исторической закономерности, единого ритма социально-политических и экономических перемен, происходивших в обществах, находившихся за границами прямого влияния традиций, восходящих к античности.

Возникновение торгово-ремесленных и военных центров в VIII—X вв. в регионе Балтики было обусловлено распадом прежних родоплеменных связей, формированием новых структур варварского общества и сложением в этой среде трансевропейских торговых путей, для Руси, прежде всего, восточного пути. Это привело к образованию обширной экономической системы с торгово-ремесленными центрами и полиэтничным населением, втянувшей в свою орбиту разные страны и народы. В конце X — первой половине XI вв. на Руси и в Скандинавии происходила стабилизация государственных структур, активно распространялось христианство, шло формирование новых экономических районов, основанных на прогрессе внутренней экономики государств, внешние связи уходили на второй план. Эти процессы сопровождались созданием новой системы поселений «новых» городов /Andren 1989: 173—177/. На Руси рассмотренный путь становления городов не являлся всеобщим и единственным, но для нескольких центров, прежде всего, в северной части страны он очевиден.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д. А. 1980. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным)//ВИ. № 12 : 24—42.
- Алексеев Л. В. 1977. О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии)//СА. № 1: 83—103.
- Алексеев Л. В. 1980. Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 262 с.
- Булкин В. А., Дубов И. В. Лебедев Г. С. 1978. Археологические памятники древней Руси IX—XI веков. Л., 150 с.
- Булкин В. А., Лебедев Г. С. 1974. Гнездово и Бирка (к проблеме становления городов)//Культура средневековой Руси. Л.: 11—17.
- Воронин Н. Н. 1951 г. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города//КСИИМК. Вып. XI: 5—29.
- Греков Б. Д. 1949. Киевская Русь. М., 510 с.
- Дубов И. В. 1983. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси//Генезис и развитие феодализма в России. Л.: 70—82.

Карлов В. В. 1976. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса)//Русский город (Историко-методологический сборник). М.: 32—69.

Кирпичников А. Н. 1979. Ладога и ладожская волость в период раннего средневековья//Славяне и Русь (На материалах восточно-славянских племен и Древней Руси). Киев: 92—106.

Ключевский В. О. 1919. Боярская Дума Древней Руси. Изд. 5-ое. Пб., 543 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения. Т. I. М., 1956, 428 с.

Куза А. В. 1983. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв.//Русский город (исследования и материалы). Вып. 6. М.: 4—36.

Куза А. В. 1984. Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X—XIII вв.//КСИА. Вып. 179: 3—11.

Куза А. В. 1989. Малые города Древней Руси. М., 169 с.

Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А. 1982. Рец. на кн.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978//СА. № 2: 321—330.

Мавродин В. В., Фроянов И. Я. 1970. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси//Вестн. ЛГУ. № 20: 7—15.

Носов Е. Н. 1981. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э.//КСИА. Вып. 164: 18—24.

Носов Е. Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 214 с.

Носов Е. Н. 1992. Новгородская земля IX—XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. С.-Петербург, 40 с.

Петрухин В. Я., Пушкина Т. А., 1979. К предыстории древнерусского города//История СССР. № 1: 100—112.

Покровский М. Н. 1967. Борьба классов и русская историческая литература//Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 639 с.

Пресняков А. Е. 1938. Лекции по русской истории. Т. I. Киевская Русь. М., 28 с.

Рыбаков Б. А. 1962. Обзор общих явлений русской истории IX—сер. XII в.//ВИ. № 4: 34—57.

Рыбаков Б. А. 1982. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 592 с.

Седов В. В. 1987. Начало городов на Руси//Труды V Междун. конгресса славянской археологии. Т. I, вып. I. М.: 12—31.

Седов В. В. 1989. Становление европейского раннесредневекового города//Становление европейского средневекового города. М.: 6—55.

Тихомиров М. Н. 1956. Древнерусские города. Изд. 2-ое. М., 478 с.

Толочко П. П. 1989. Древнерусский феодальный город. Киев, 256 с.

Фроянов И. Я. 1980. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 256 с.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. 1988. Города — государства Древней Руси. Л., 270 с.

Фроянов И. Я., Дубов И. В. 1977. Основные этапы социального развития древнерусского города (IX—XII вв.)//Древние города. Материалы к Всесоюз. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху средневековья» (Пенджикент, октябрь. 1977). Л.: 69—71.

Хорошкевич А. Л. 1962. Русский город XI—XVI вв. в современной буржуазной науке//Критика буржуазных концепций России периода феодализма. М.: 109—134.

Ширин Д. А. 1970. Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917 — начала 1930-х годов//ИЗ. № 86: 270—297.

Шушарин В. П. 1962. Современные буржуазные историки о характере Древнерусского государства//Критика буржуазных концепций России периода феодализма. М.: 135—161.

Юшков С. В. 1939. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. — Л., 254 с.

Andren A. 1989. The early Town in Scandinavia//The birth of Europe-Archaeology and social development in the first millennium A. D. Roma: 173—177.

Karpovich M. 1949. Klyuchevski and recent trends in Russian historiography//The Slavonic and East European Review. (American Series, II), vol. 21, part. I: 31—39.

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

ДРЕВНИЙ ПСКОВ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

В 1930 г. экспедиция ГАИМК под руководством К. К. Романова провела небольшие раскопки на площадке Псковского городища — в детинце Псковского Кремля. И хотя первые опыты

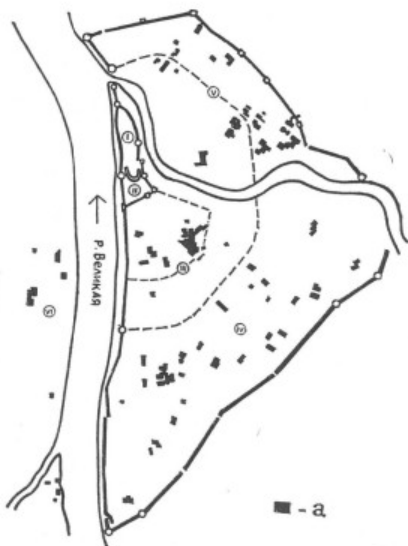

Рис. 1. Схема Псковской крепости конца XV—XVI вв. с обозначением местоположения раскопок 1930—1990 гг.:

a — раскопки; *I* — Кром; *II* — Довмонтов город; *III* — Средний город; *IV* — Полонице; *V* — Запсковье; *VI* — Завеличье.

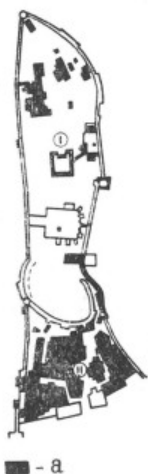

Рис. 2. Городское ядро Пскова с обозначением местоположения раскопок 1930—1992 гг.:

a — раскопки; *I* — Кром; *II* — Довмонтов город.

археологических исследований Пскова относятся еще к началу XX в., именно исследования К. К. Романова могут быть приняты за точку отсчета в целенаправленном изучении культурного слоя средневекового Пскова.

За прошедшие десятилетия археологического изучения города раскопки в Пскове проводились в разных местах (Лабутина 1983: 30—45; Седов, Белецкий С. 1986 76—83). Думается, не будет преувеличением считать, что Псков в настоящее время, благодаря усилиям экспедиций ГАИМК—ИИМК, Эрмитажа, Псковского пединститута, Псковского музея-заповедника и Института археологии РАН, принадлежит к числу наиболее масштабно исследованных городов Европы. Значительные площади культурного слоя вскрыты в Кремле, Среднем и Окольном городе, на Запсковье и Завеличье, а территория Довмонтова города исследована раскопками почти полностью (рис. 1, 2). Правда, большая часть материалов раскопок пока остается не опубликована, однако результаты основных исследований в той или иной мере введены в научный оборот.

В статье коротко суммируются результаты многолетних археологических исследований Пскова. Основная задача, которую ставил перед собой автор, — предложить вниманию коллег археологическую модель средневековой истории города в том виде, в каком она представляется на современном этапе изучения.

Кром

Находится в центре современного города. Состоит из двух частей: площадки городища, составляющей северную часть Крома, и примыкающей к ней с юга территории средневековой вечевой площади.

Городище имело в плане овальную форму, площадь его около 2 га. Оно занимало площадку на вершине узкого скалистого мыса при впадении Псковы в Великую. Высота площадки над урезом воды — 15—17 м. Мощность культурного слоя колеблется от 2 до 4,5—5 м. Вскрытая площадь — более 3 тыс. кв. м (рис. 2). По периметру площадки городища (кроме его южной оконечности) проходят реставрированные крепостные стены Крома. Центральная часть площадки занята двухэтажным зданием «Дома причта» собора Св. Троицы XIX в. В южной оконечности площадки высится кафедральный собор Св. Троицы (1699 г.).

В культурном слое городища исследовано до 13 горизонтов разновременной застройки. Древнейший из этих горизонтов принадлежит поселению носителей культуры каменных могильников первой половины I тыс. н. э. От поселения до нас дошла одна постройка, представленная углубленным котлованом неправильных очертаний, в центре которого находилось очажное пятно. Находки лепной керамики немногочисленны, представлены сосудами с характерной «сетчатой» поверхностью стенок. Культурный слой этого времени практически отсутствует: единичные обломки керамики втоптаны в предматериковый слой погребенного дерна либо происходят из слоев более позднего времени.

В третьей четверти I тыс. н. э. на площадке городища существовало поселение, оставленное носителями культуры длинных курганов. От этого поселения до нас дошли остатки не менее чем 10 наземных жилых построек с углубленным в землю квадратным котлованом в центре; в одном из углов котлована или же у стены (напротив входа?) размещалась печь-каменка. Постройки размещались по периметру свободной от застройки центральной площади. Найдены фрагменты лепных гладкостенных сосудов характерных стройных пропорций, единичные обломки сковород, предметы из кости, железа, цветного металла, стекла. Культурный слой этого времени вне пределов построек соответствует предматериковому слою погребенного дерна, в который были втоптаны редкие фрагменты сосудов.

В VIII—IX вв. на площадке городища появляется поселение, оставленное прибалтийско-финским населением, близко родственным носителям культуры Рыуге в юго-восточной Эстонии. В это время площадка городища застраивается несколькими рядами наземных построек с глинобитными или земляными полами и отопительными сооружениями (печи, очаги), занимавшими в интерьере серединное положение. Ряды построек ориентированы вдоль длинной оси площадки городища, между рядами прослежены протоуличные проезды. Выявлено до шести строительных горизонтов этого поселения, что свидетельствует о долговременном характере поселка. Разнообразные находки (лепная кухонная и столовая посуда, украшения, отходы и полуфабрикаты бронзолитейного, железоделательного, камнерезного и косторезного производств, орудия труда, предметы быта) позволяют считать поселение крупным ремесленным центром округа. Позднейший из горизонтов, погибший в пожаре, по данным дендрохронологии относится к началу 860-х годов.

Концом IX—X вв. датируется следующий по времени горизонт застройки, представленный деревянными срубными постройками с дощатыми полами на лагах и печью в углу. Сохранность слоя этого времени в большинстве раскопов на площадке городища плохая. Только в центральной части площадки, в раскопах 1983 и 1991—1992 гг. выявлены остатки деревянной застройки, сохранившей дерево, пригодное для дендрохронологических определений (спилы со столбов, прорезавших слой, дали даты 938 и 944 гг.¹). Среди находок имеются: предкруговая и примитивнокруговая керамика, изделия из кости и рога, железа, цветного металла и стекла. Серийно представлены предметы скандинавского происхождения (равноплечные фибулы, бляшка, ланцетовидные наконечники стрел), предметы, поступавшие в земли Северной Руси через Скандинавию, и подражания таким предметам (стеклянные бусы, гребни и заготовки

¹ Определения М. И. Кулаковой (Псков).

для гребней), гибридные финно-скандинавские вещи. Найдено детское деревянное оружие (меч, скрамасакс?), имитирующее боевое оружие X в., складные весы и разновесы, игральная кость, глиняные диски от вертикального ткацкого стана, арабский диргем.

Слой X в. перекрыт слоем пожара начала XII в. В этом слое содержатся остатки деревянной жилой застройки: несколько срубных построек с печью в углу, фрагменты частокола. Слой сохранился крайне плохо. Однако к XI—XII вв. относятся многочисленные ямы, прорезавшие более древние напластования слоя и позволяющие уверенно фиксировать для этого времени плотную жилую застройку площадки городища. Отсутствие культурного слоя и остатков построек X—XI вв. указывает на проведение на площадке городища нивелировочных работ, непосредственно предшествовавших жилой застройке начала XII в.: во время этих работ слой XI в. и, частично, более раннего времени был уничтожен. Древнейшая каменная крепостная стена, исследованная на небольшом участке раскопками 1948 г., была возведена в начале XII в. По-видимому, нивелировочные работы были связаны с необходимостью переустроить территорию городища, превратившегося после строительства каменной крепости в городской детинец. К 30-м годам (?) XII в. относится также строительство в южной части детинца каменного «с кирпичем» храма Св. Троицы.

Слой начала XII в. перекрыт отложениями XIV—XV вв. Хронологически промежуточные слои отсутствуют, что объясняется проведением на рубеже XIII—XIV вв. или в начале XIV в. нивелировочных земляных работ. Эти работы предшествовали застройке детинца рядами однотипных построек, лишенных отопительных сооружений — складских помещений, летописных «кромских клетей».

В слоях XVI в. отчетливых следов застройки не выявлено. В XVII в. в центральной части площадки Крома размещались каменные гражданские постройки, а у восточной стены — каменное здание Порохового погреба. Топография застройки этого времени зафиксирована планами Пскова XVII—XVIII вв., а следы разрушения построек (развалы изразцовых печей, битое оконное стекло) выявлены раскопками 1991 г. Этими же раскопками установлено, что застройке XVII в. предшествовали обширные нивелировочные работы, в результате которых в центральной части Крома были уничтожены отложения слоя до X в.

В начале XVIII в. над обветшавшей восточной стеной Крома были насыпаны артиллерийские бастионы. При возведении бастионов, ядро насыпи которых составляла кладка из плитнякового камня, сложенная насухо, были частично уничтожены напластования культурного слоя в мысовой части площадки городища. Однако значительная часть насыпи бастионов была сооружена из грунта, привезенного на территорию Крома извне.

От застройки конца XVIII в. раскопками 1947—1948 гг. исследованы остатки кузницы (?), погибшей в пожаре (1788 г.?).

Слои XIX—XX вв. археологически изучались только в 1991—1992 гг. Отмечу, что застройка Крома XIX в. сохранялась вплоть до 1960-х годов; в настоящее время от нее сохранилось только здание «Дома причта», перестраивавшееся, по крайней мере, дважды.

Южная часть Крома (к югу от собора Св. Троицы) в древности находилась за пределами площадки городища. Перепад высот между городищем и плато начинался к югу от собора и переходил в ровную, сравнительно горизонтальную поверхность близ основания Персей — южной крепостной стены Крома. Площадь пространства в пределах полукольца Персей составляет около 1 га. Вскрытая площадь — более 600 кв. м, мощность слоя колеблется от 4,5 до 8 м и более (рис. 2).

Древнейшие отложения в южной части Крома начали формироваться с конца IX в. В слое открыты остатки до 6 горизонтов жилой застройки, представленной срубными (?) постройками с печью в углу; позднейший из горизонтов относится к началу XI в. В слое найдена предкруговая, примитивнокруговая и раннекруговая керамика, изделия из кости и рога, глины, железа, цветного металла (в том числе: глиняные диски от ткацкого стана, наборная односторонняя гребенка, бляшка от поясного или уздечного набора, предметы вооружения, арабский дирхем).

Верхний слой в южной части Крома относится ко времени от середины XIV до XX вв. Слои конца XI — начала XIV вв. отсутствуют, что позволяет предполагать проведение здесь в первой половине XIV в. земляных нивелировочных работ. Слой XIV—XX вв. представлен шлейфом строительных прослоек, отражающих строительную историю этой части Крома. В слое удалось выявить прослойку разрушения собора Св. Троицы XII в. (1363—1364 гг.), строительную линзу собора XIV в. (1364—1367 гг.), деревянную мостовую вечевой площади начала XV в. (1418 г.), строительную линзу собора Св. Троицы 1699 г., строительную линзу колокольни 1830 г., линзу разрушения Благовещенского собора 1836 г. (взорван в 1930-е годы).

В верхнем слое в площади раскопа следы застройки не выявлены. Из объектов, открытых в слое, только один является самостоятельным сооружением: небольшое, подковообразное в плане строение, сложенное из плитнякового камня на известковом растворе и обращенное разомкнутой стороной на запад. Сооружение не имело фундамента: кладка была положена непосредственно на деревянную мостовую 1418 г. Ближайшей аналогией сооружению является Лобное место в Москве, что позволило атрибутировать строение как остатки летописной Степени — вечевой трибуны Псковской республики. Степень

занимала наиболее высокое место в пределах вечевой площади, являлась геометрическим центром Персей (Мокеев 1982: 66, 67).

В южной части Крома в XV в. существовал еще ряд построек, которые остаются пока археологически не обследованными: сени собора Св. Троицы, на которых размещалась вечевая канцелярия, городской архив и казна; городская тюрьма (?), возможно — первоначальный монетный двор республики. Строительная история фортификаций в южной части Крома исследована только в районе восточного захаба. Практически не исследованными остаются и сооружения, возведенные в южной части Крома в XVI—XIX вв., то есть в тот период, когда вечевая площадь Пскова превратилась в соборную площадь города.

Довмонтов город

Примыкает к Крому с юга (рис. 2). С севера границей Довмонтова города являются Перси, от которых он отделен ровом — Греблей. С запада, юга и востока территория Довмонтова города окружена реставрированными крепостными стенами. Въезд в Довмонтов город первоначально проходил через захабы в юго-западном и юго-восточном углах, а в XIV—XV вв. — через Святые ворота. Из Довмонтова города в Кром въезды располагались в северо-восточном и северо-западном углах — через деревянные мосты над Греблей и далее через Темный и Смердий захабы.

Раскопки на территории Довмонтова города проводятся экспедицией Эрмитажа с 1956 г. по настоящее время². Общая вскрытая площадь приближается к 6,5 тыс. кв. м. К настоящему времени территория Довмонтова города почти полностью исследована раскопками: здесь открыты руинированные остатки или фундаменты четырех гражданских построек, одиннадцати каменных храмов, участки крепостных стен и остатки въездных ворот, участки древних уличных проездов и остатки посадской застройки (рис. 3). Синхронизация исследованных раскопками объектов между собой и соотнесение результатов раскопок со сведениями письменных источников позволяют выделять не менее четырех периодов в исторической топографии этой части средневековой псковской крепости (Белецкий В. 1980: 6—7).

Первоначально (конец IX — первая половина XIII в.) территория Довмонтова города являлась частью средневекового городского посада. В слоях этого времени открыты остатки срубных жилых построек с печью в углу (до четырех горизонтов, сохранившихся крайне фрагментарно). В горизонте начала

² В 1945 г. небольшие исследования на территории Довмонтова города были проведены С. А. Таракановой, в 1991 г. — экспедицией ИА РАН (Ершова 1992: 120—123).

Рис. 3. Довмонтов город по результатам раскопок 1956—1990 гг. (по В. Д. Белецкому с элементами реконструкции):

a — трассы дорог; *б* — местоположения мостов; *в* — остатки каменных построек, исследованные раскопками I—IV — гражданские постройки; VI—VIII — крепостные сооружения; I—II — храмы.

XI в. исследованы остатки металлургического производственного комплекса. На территории Довмонтова города в 1132 г. была возведена ц. Дмитрия Солунского (на Торгу). В пространстве между Греблей и храмом фиксируется часть первоначальной торговой площади, сохранившейся в виде пространства, лишенного застройки XI—XIII вв. Значительная часть первоначального псковского торгового пространства была впоследствии уничтожена при возведении Персей (1337 г.) и сооружении Гребли.

В последней трети XIII в. территория Довмонтова города впервые окружается крепостными стенами (Белецкий В. 1970). Тогда же здесь возводятся три храма (ц. Тимофея Газского, Федора Стратилата, Георгия?) и две гражданские постройки (княжьи палаты?, гридница?). С этого времени территория Довмонтова города вместе с южной частью Крома становится Окольным городом Пскова, а в его юго-западной части размещается княжий двор.

Начиная со второй половины XIV в. и вплоть до начала XV в. в пределах Довмонтова города (ограниченного с 1337 г. Персями) ведется интенсивное храмовое строительство: возводятся ц. Покрова Богородицы (1352 г., перестроена в 1398 г.), Кирилла Иерусалимского (1374 г.), Николы (1383 г.), Сошествия Св. Духа (1383 г.), Рождества Христова (1385 г.), перестраиваются ц. Тимофея, Федора, Георгия. При раскопках храмов открыты остатки фрескового убранства (Белецкий В. 1986). Вокруг большинства храмов открыты могильники. Во второй половине XV в. перестраивается гражданская постройка в юго-западном углу Довмонтова города: с этого времени в ней размещается канцелярия владычных наместников Пскова. В центре Довмонтова города в конце XV в. возводится гражданская постройка — «соборная изба» (1481 г.). Вероятно, со второй половины XIV в. Довмонтов город превращается в церковный центр веча Пскова.

После лишения Пскова последних иллюзий автономии в 1510 г. функции Довмонтова города некоторое время сохраняются, хотя храмы постепенно ветшают. В 1701 г. три храма на восточной границе Довмонтова города были засыпаны землей и на их месте был возведен артиллерийский бастион. Остальные храмы были в XVIII в. превращены в склады воинского снаряжения (амуниция, боеприпасы). К концу XVIII в. сохранялось всего четыре храма, а в 1828 г. была разобрана последняя ветхая церковь. Крепостные стены Довмонтова города в XVI—XVII вв. также ветшали. В конце XVII в. на месте разобранной южной крепостной стены было возведено здание Приказной палаты, сохраняющееся до настоящего времени (крыльцо реставрировано в 1966—1967 гг. по фундаментам, открытым раскопками). В начале XVIII в. (?) в последний раз была прочищена заплывшая грунтом и строительным мусором Гребля.

Средний город

Примыкает к Довмонтову городу с юга, разделяется на две части. Первоначальное ядро Среднего города — так называемое «Застенье» площадью около 20 га — ограничено крепостными стенами 1309 г. К середине XIV в. поперечная линия этого кольца укреплений утратила оборонное значение, и в конце 1360-х годов была возведена деревянная стена, включившая в черту укреплений еще около 20 га территории междуречья Псковы и Великой. В 1374/75 г. деревянная стена Среднего города была заменена каменной (Лабутина 1985: 80). Мощность культурного слоя в границах стены 1309 г. от 2,6 до 5,5 м, в пространстве между стенами 1309 и 1374/75 г. — от 1 до 6,5 м (рис. 1).

До возведения крепостных стен территория Среднего города входила в пределы неукрепленного городского посада Пскова. Слои X — начала XI вв. открыты в северо-западной (раскоп 1956 г.) и восточной (раскоп X на ул. Ленина) частях Среднего города (Гроздилов 1962: 55, рис. 42; Плоткин, Степанов 1990: 90, 91). Слои второй половины XI в. и более позднего времени зафиксированы во всех раскопах в Среднем городе.

Слой древнейшего посада X — начала XI вв. содержал до трех горизонтов деревянной застройки, представленной срубными постройками с печью в углу. Планировочная структура посада этого времени отчетливо не реконструируется. Среди находок широко представлена примитивнокруговая и раннекруговая керамика, бытовые предметы, орудия труда, украшения. В одной из построек начала XI в. найден детский деревянный меч, имитирующий боевое оружие X — начала XI в.

Между двумя языками древнейшего посада в конце IX — первой половине XI вв. размещался курганный некрополь, остатки которого открыты под культурным слоем более позднего времени (Лабутина, Кильдюшевский, Урьева 1981; Колосова, Харлашов 1983; Милютина 1989). Насыпи курганов в большинстве случаев сnivelированы. Обнаружено более 60 погребений по обряду кремации на стороне, помещенные в материковые ямки, рассыпанные на древнем горизонте или собранные в погребальные урны. Открыты также погребения по обряду ингумации, помещенные в деревянные камеры. В погребальном инвентаре кроме этнически нейтральных предметов присутствуют вещи скандинавского происхождения (гривна с молотками Тора, скорлупообразные и равноплечные фибулы). В слое, сформировавшемся в межкурганном пространстве, собраны фрагменты керамики X — начала XI вв., найдены предметы, происходящие, вероятно, из разрушенных погребений. В пределах территории некрополя исследованы остатки языческого святилища (Лабутина 1989: 100—108).

Горизонт первой половины XI в. гибнет в пожаре. Со сле-

дующего горизонта (вторая половина XI в.) фиксируется перепланировка посада: по жилому кварталу предшествующего времени проходит улица (Гроздилов 1962: рис. 37 и 41). В это же время прекращает функционирование некрополь, уничтожается капище. На протяжении второй половины XI в. территория некрополя постепенно подвергается городской застройке.

В слоях XI—XVII вв. исследовано до 13 ярусов жилой застройки, открыты сотни жилых и хозяйственных построек, колодцы, дренажи, частоколы, дворовые замощения и проч. В площадь раскопов вошли полностью или частично более 100 дворов, а в одном случае, как будто бы, удастся реконструировать планировку крупной усадьбы, состоявшей из белого, черного и хозяйственного дворов.

Находки в слоях второй половины XI—XVII вв. многочисленны и разнообразны: сотни тысяч фрагментов круговой керамики, тысячи предметов из железа, цветного металла, стекла, камня, кости и рога, дерева, кожи, отходы и полуфабрикаты железодельного, косторезного, ювелирного, кожаного и камнерезного производства, инструментарий ремесленников, предметы вооружения и конского снаряжения, разнообразная строительная керамика. Серийно представлены находки вислых свинцовых печатей и заготовок для печатей. Найдены импортные предметы из цветного металла, дерева, янтаря, полудрагоценных камней, рейнская и переднеазиатская керамика, стеклянная посуда, тарная амфорная керамика. Из Среднего города происходят 7 из восьми найденных в Пскове берестяных грамот (одна была обнаружена на территории Довмонтова города).

Полонище

Занимает пространство в междуречье Псковы и Великой к югу и юго-востоку от Среднего города. Площадь около 90 га (рис. 1). Ограничено стенами Окольного города, возведенными в дереве в 1465 г. Замена деревянных укреплений каменными происходила постепенно на протяжении конца XV — начала XVI вв. (Лабутина 1985: 79).

Хронология отложений культурного слоя для разных участков территории Полонища различна. Наиболее ранние материалы были получены раскопками 1989—1991 гг. на Романовой горке: в X—XIII вв. здесь существовало околгородское поселение и примыкающий к нему курганно-жальничный могильник (среди погребений преобладают грунтовые захоронения по обряду ингумации, но обнаружено также по крайней мере одно погребение по обряду кремации на стороне). Освоение Романовой горки под постоянную городскую застройку произошло не ранее XV в. В XVII в. этот участок был застроен каменными жилыми домами, три из которых принадлежали семейству купцов Меншиковых. Исследования этих построек позволили уточнить хронологию застройки участка, выявили многие детали

строительной истории памятников. Среди находок на Романовой горке отмечу два монетных клада начала XVIII в. и монетно-вещевой клад начала XX в.

Исследования в других раскопах на территории Полонища позволили установить, что отдельные предметы XIV—XV вв. и даже более раннего времени найдены практически повсеместно. Однако более или менее отчетливо напластования конца XIV—XV в. фиксируются только в прибрежной части Полонища вдоль р. Великая. Возможно, в XV в. были впервые освоены под посадскую застройку участки, тяготевшие к позднему (после 1510 г.) Торгу Пскова. В остальных раскопах на Полонище следов застройки ранее XVI в., как будто бы, не обнаружено, а в ряде раскопов древнейшие напластования относятся только к позднему XVII в. В XV в., правда, был освоен под жилую застройку участок в районе Покровской башни Окольного города — наиболее удаленный к югу от Крома квартал Полонища. Однако в XV — начале XVI вв. этот участок был занят окологородской слободой, заселенной металлургами.

Таким образом, крепостные стены Окольного города, возведенные в 1465 г., окружили город с большим запасом для роста населения: около двух третей Полонища в XV в. оставались незастроенными или застроенными настолько свободно, что отчетливые отложения культурного слоя не сформировались. По данным письменных источников, в центральной части Полонища в XV в. находились сады и огороды (Лабутина 1985: 46, 47, рис. 9).

Плохая сохранность органических остатков в большинстве раскопов не позволяет уверенно реконструировать систему застройки Полонища. Следы уличной планировки зафиксированы в Михайловском и Покровском раскопах, расположенных, соответственно, в крайне восточной и крайне южной частях Полонища. В первом случае открыт перекресток двух улиц, мостовые которых были впервые сооружены в XVII в., во втором случае исследован перекресток улицы и переулка, датированный XVII—XVIII вв. В обоих случаях прослежена застройка жилыми строениями, выходящими своими фасадами непосредственно к уличному проезду. Остатки уличных мостовых зафиксированы также на Романовой горке в центральной части Полонища, а в Никольском раскопе 1991 г. обнаружен фрагмент трассы древней Новгородской дороги XII—XIII вв. и следы придорожного поселения этого времени.

Во всех раскопах на Полонище хорошо представлены отложения культурного слоя эпохи позднего средневековья и начала Нового времени. Материалы этого периода до сих пор археологически изучались крайне нерегулярно и недостаточно. Существенно, что и керамика, и основные категории вещевых находок из слоя XVIII в. практически не отличаются от аналогичных материалов из слоя XVI—XVII вв. Основным отличием слоя

XVIII в. от более раннего является значительное количество фрагментов стеклянных бутылок и штофов, а также массовое появление в слое находок фрагментов фарфоровой и фаянсовой посуды. Совпадение основных категорий находок из слоя эпохи позднего средневековья и из слоя Нового времени свидетельствует о продолжении в Пскове XVIII в. традиций материальной культуры более раннего времени.

За пределами крепостных стен Окольного города располагались неукрепленные посады и околгородские слободы. Систематическое обследование этих районов современного города и сборы подъемного материала только начаты, результаты пока остаются неопубликованы.

Запсковье

Жилые кварталы Пскова, располагавшиеся на правом берегу р. Пскова, противоположном центру города. Территория Запсковья ограничена крепостными стенами Окольного города, возведенными из дерева в 1465 г. и перестроенными в камне в начале 1480-х годов. Площадь в пределах крепостных стен — около 60 га (рис. 1).

Хронология культурного слоя в разных частях Запсковья различна. Первоначальное освоение этой территории относится к третьей четверти I тыс. н. э.: в это время в прибрежной части существовало неукрепленное поселение, принадлежавшее носителям культуры длинных курганов. Слой поселения в непо потревоженном виде не сохранился: фрагменты лепной керамики и единичные предметы этого времени обнаружены в слое более позднего времени и в материковых ямах. Поселение синхронно и однокультурно поселению этого же времени на площадке Псковского городища.

Основной период формирования культурного слоя на Запсковье определяется в пределах от XI до XVII—XVIII вв. Древнейшее ядро застройки (XI—XIV вв.) фиксируется в центральной части Запсковья, тяготеет к берегу Псковы. Освоение периферийной части Запсковья относится, самое раннее, к XV в., а в ряде раскопов и к более позднему времени (XVI—XVII вв.). Граница между древнейшим ядром застройки и периферийными кварталами проходит ориентировочно в трассе современной улицы Школьная. Учитывая, что расстояния между раскопами на Запсковье в ряде случаев не превышают 30—40 м, можно полагать, что вплоть до XV в. рост территории посада к северу и к востоку от первоначального ядра был искусственно перекрыт. Преградой, вероятно, служила крепостная стена, предшествовавшая по времени стене Окольного города 1465 г. Топография уличной сети Запсковья, зафиксированная планом 1740 г., позволяет считать, что первоначальная линия крепостных стен на Запсковье продолжала трассу крепостной стены конца 1360-х годов Среднего города.

Плохая сохранность деревянных остатков застройки Запсковья не позволяет надежно вычленять в культурном слое отдельные строительные горизонты. Реконструкция системы застройки оказывается возможной благодаря детальному анализу материалов, содержащихся в материковых ямах. Первоначальная застройка Запсковья (XI — начало XIII вв.) была хаотичной. Не позднее второй половины XIII в. происходит перепланировка территории: по кварталам более древней застройки прокладываются уличные магистрали, а усадебная застройка упорядочивается вдоль трасс улиц. Частичные перепланировки, связанные, главным образом, с расширением улиц и спрямлением их трасс, происходили и в более позднее время (XIV—XVI вв.). К концу XVII в. усадебная застройка на Запсковье заменяется уличной: постройки начинают выходить фасадами непосредственно к проезжей части.

Раскопками на Запсковье получены новые данные о крепостных сооружениях конца XV — начала XVI вв.: первоначальная каменная стена Окольного города, возведенная в конце XV в. (1481 г.) дополнялась предстенными укреплениями — деревянным частоколом и рвом, заполненным водой. В первой половине XVI в. укрепления были реконструированы: с внешней стороны к кладке стены был сооружен приклад, частокол предстенной линии укреплений был заменен на более мощный, сооруженный на внутреннем склоне рва; ров был углублен.

К северо-востоку и востоку от крепостных стен конца XV в. располагались неукрепленные посады XVI—XVII вв. Их обследование начато в последние годы, результаты пока остаются не опубликованы.

Завеличье

Кварталы Пскова, располагавшиеся на левом, противоположном от Псковской крепости, берегу р. Великая. Оборонительные сооружения здесь отсутствуют и, вероятно, никогда не существовали. Площадь, освоенная под жилую застройку, точно не определена. Культурный слой пятнами прослежен в прибрежной части на значительном протяжении: от устья р. Мирожка (левый приток Великой) до ц. Иоанна Предтечи, то есть — фактически, на всем побережье напротив крепости. Систематические исследования проводились только на территории Мирожского монастыря, в районе ц. Климента, и в районе средневековой Изборской улицы напротив Среднего города (Лабутина 1983: 40—42; Харлашов 1989: 3—5). В последнем случае исследованию были подвергнуты остатки околгородского поселения XI в. Этому поселению принадлежал, по-видимому, курганно-жальничный могильник, открытый при случайных обстоятельствах в 1886 г. и обследовавшийся в 1940 г. Х. Мосберг. Судя по результатам раскопок 1986—1987 гг. и сборам подъемного материала, освоение территории Завеличья под го-

родские посады следует относить ко времени не ранее XV в. В XVI в. на Завеличье находился Немецкий Гостиный двор (Лабутина 1985: 142).

Средневековый Псков (опыт периодизации)

Накопленный за годы раскопок в Пскове археологический материал позволяет считать главным итогом многолетних исследований города возможность создания культурно-археологической периодизации средневековой истории Пскова, находящей соответствие в данных письменных источников.

Три древнейших периода (А—В) целиком относятся к эпохе догородской истории Пскова. Древнейшее поселение на площадке Псковского городища (период А) принадлежало прибалтийско-финскому населению первой половины I тыс. н. э. В середине — третьей четверти I тыс. н. э. на месте Пскова существовало несколько поселений культуры длинных курганов (период Б): одно из них размещалось на площадке городища, остатки второго фрагментарно зафиксированы на Запсковье. В последней четверти I тыс. н. э. (период В) площадку Псковского городища занимал крупный поселок, принадлежавший прибалтийско-финскому населению. С учетом того, что раскопками 1978 г. зафиксированы следы пожара, в котором погибло поселение культуры длинных курганов на площадке городища, можно утверждать безусловную смену населения, происходившую в момент смены поселения периода Б поселением периода В.

Четвертый период (конец IX — первая треть XI вв.) связан с появлением и функционированием при слиянии Псковы и Великой раннегородского образования (период Г). В это время к югу от городища формируется обширное неукрепленное предградье, появляется курганный некрополь (рис. 4: 1). Застройка посада хаотичная (?), отдельные усадьбы, возможно, размещались не только в пространстве междуречья Псковы и Великой, но и на Запсковье. В составе населения фиксируется присутствие профессиональных ремесленников, торговцев и воинов. Вещевой инвентарь и детали погребального обряда указывают на этническую пестроту жителей города с прибалтийско-финским, славянским, а также заметным скандинавским (варяжским) компонентами. В топографической близости от города открыты околгородские поселения: одно из них, состоящее из поселка и могильника, исследовано на Завеличье (среди открытых погребений имеется грунтовое латгальское захоронение); остатки второго зафиксированы на Полонище, отсюда же происходит клад, состоящий из скандинавских и прибалтийско-финских серебряных украшений (Александров, Кильдюшевский 1988: 71—74).

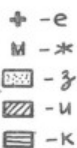
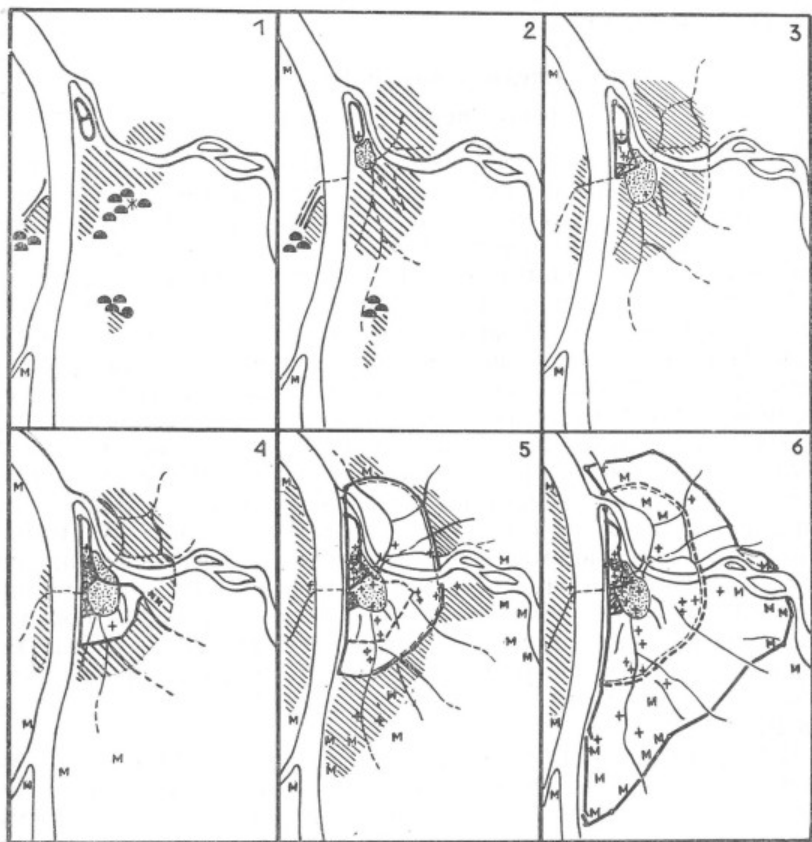

Рис. 4. Процесс формирования городской территории Пскова по данным археологии и сведениям письменных источников:

1 — конец IX — начало XI вв.; 2 — XI—XIII вв.; 3 — конец XIII — начало XIV вв.; 4 — первая половина XIV в.; 5 — вторая половина XIV — первая половина XV вв.; 6 — вторая половина XV — начало XVI вв.

а — посады; б — могильники; в — языческое святилище; г — клад IX—X вв.; д — улицы, дороги; е — храмы; ж — монастыри; з — торговая площадь; и — княжий двор; к — вечевая площадь (с 1337 г.).

Соотношение поселенческой агломерации близ впадения Псковы в Великую с памятниками окрестностей Пскова, прежде всего — с Труворовым городищем в д. Старый Изборск (Белецкий С. 1993), дало мне основание для новой версии происхождения города при слиянии Псковы и Великой (Белецкий С. 1990: 8—14). При этом начало периода Г было соотносено с летописными событиями 862 г. Гибель в пожаре начала 860-х годов поселения Псков-В, как будто бы, подтверждает эту версию.

Пятый период в истории Пскова (период Д) начинается непосредственно после гибели раннегородского образования при слиянии Псковы и Великой (предположительно — после крещения, соотношенного с летописными событиями 1036 г., см.: Белецкий С. 1990: 12) и охватывает время с середины XI до рубежа XIII—XIV вв. Данные о планировке и застройке города вместе с наблюдениями, полученными при анализе сфрагистических находок, дают основание разделять этот период на три этапа.

Этап Д-1 охватывает вторую половину XI — начало XII вв. Он характеризуется постепенным формированием стабильной уличной сети (сохранившейся в общих чертах до эпохи Нового времени) и усадебной застройки кварталов в междуречье Псковы и Великой. Со строительством каменного детинца на рубеже XI—XII вв. (в начале XII в. ?) и с появлением околородской «зоны обитания» завершается топографическое оформление облика древнерусского города Пскова (рис. 4: 2).

Этап Д-2 охватывает XII — середину XIII вв. — полтора столетия топографической и демографической стабильности города. Большую часть этого времени Псков являлся административно-политическим центром формирующейся в низовьях Великой округи — ядра будущей Псковской земли. Псковский княжеский стол в эти десятилетия контролировался, главным образом, представителями старшей ветви потомков Владимира Мономаха — Мстиславичами — Мономашичами. Есть основания говорить о кратковременном периоде (1132 — начало 1140-х годов) включения Пскова и его округи в состав Новгородской земли. Завершением этапа стало насильственное включение Нижнего Повеличья в пределы юрисдикции великих владимирских князей.

В особый период (Д-3) я выделяю время правления в Пскове князя Довмонта-Тимофея (1266—1299 гг.). Действительно, в эти годы возводятся новые каменные стены, увеличившие площадь городских укреплений более чем в два раза («Довмонтава стена»), организуется княжий двор, расширяется территория городского посада за счет включения в его черту зоны обитания на Запсковье, подвергнутой перепланировке (рис. 4: 3). Существенно и то, что большую часть этапа Д-3 Псков контролируется князем Довмонтом или же его посадниками. Однако при таком определении неизбежно остаются вне этапов два

коротких, но весьма выразительных отрезка времени — с 1242 по 1266 и с 1299 по 1307 гг. Общим для этих отрезков времени является то, что Псков безусловно находился в сфере юрисдикции низовских князей, признавая верховным сюзереном держателя великокняжеского ярлыка (это, кстати, относится и к последним годам правления в Пскове Довмонта — с 1287 по 1299 гг.). Думается, поэтому, что не будет натяжкой рассматривать в качестве единого этапа (Д-3) весь отрезок времени от взятия Пскова новгородско-суздальскими войсками в 1242 г. и вплоть до разрыва Пскова с Новгородом, ознаменовавшего начало следующего периода в истории Пскова. Тогда годы правления в Пскове Довмонта-Тимофея оказываются только эпизодом (хотя и очень ярким) в пределах периода вхождения Пскова в состав Новгородской земли с подчинением верховной великокняжеской власти.

Шестой период (XIV — третья четверть XV в.) — эпоха существования Псковской республики (период Е). Сведения письменных источников и результаты анализа сфрагистического материала дают возможность разделить этот период на три этапа.

Этап Е-1 начался в 1307 г. провозглашением псковским правительством в одностороннем порядке суверенитета Пскова. Начало этапа материализовалось возведением новой линии крепостных сооружений (1309 г. — «стена посадника Бориса»), переустройством детинца, ставшего местом сосредоточения городских хлебных складов (кромские клетки, ранее 1314 г.), возможно — устройством нового княжьего двора (20-е годы XIV в.). Завершением этапа можно считать 1342 г. — год юридического признания новгородским правительством политической независимости Пскова («Болотовский договор», впервые упомянутый под 1348 г.). Этому событию предшествовало устройство вечевой площади Пскова (1337 г.), материализовавшее формирование института коллективного посадничества (рис. 3: 4). Тогда же в Пскове появился первый кодекс права — «Александра грамота» (1337 г.), данная псковскому боярству князем Александром Михайловичем Тверским после повторного получения ярлыка на великое княжение и перед окончательным отъездом из Пскова; «Александра грамота» стала условием передачи псковского княжеского стола малолетнему сыну Александра Тверского — Всеволоду.

Этап Е-2 (середина XIV — начала XV вв.) материализовался полным переустройством топографической структуры города (рис. 4: 5), ставшим следствием формирования новой структуры управления республикой — на основе кончанского представительства. В градостроительстве этот этап фиксируется созданием репрезентативного столичного центра республики (Г. Я. Мокеев 1983), включавшего: возведение новых крепостных стен города «вокруг всего посада» (в дереве — конец

1360-х годов; в камне — 1374/75 г.); строительство нового собора Св. Троицы на Крому (1365—1367 гг.); застройку культовыми постройками территории Довмонтова города и превращение этого участка псковской крепости в церковный центр республики (последняя треть XIV — начало XV в.) возможно — переустройство княжьего двора (1384/85 г.) и вечевой площади (1392/93 г.). В конце этапа Е-2 происходит кодификация первой редакции Псковской Судной грамоты (около 1410 г.), созданной на основе «Александровой грамоты» 1337 г. и дополненной «Константиновой грамотой» (попытка навязать Пскову пересмотр «Александровой грамоты» в 1382 г., как известно, оказалась несостоятельной).

Этап Е-3 (1415—1468 гг.) охватывает годы наивысшего расцвета Псковской республики, ставшие одновременно и десятилетиями ее заката. Начало этапа связывается с реформами структуры республиканского управления (1415—1424 гг.), отразившимися в новых сфрагистических регалиях. Реформы материализовались полным переустройством вечевого комплекса (1418—1424 гг.), началом самостоятельной монетной чеканки в Пскове (1424 г.), вероятно — установлением республиканской эмблематики Пскова (1415 г.?) Завершение этапа приходится на 1468 г. — время юридического признания Псковом вассалитета к Москве. Этому событию предшествовала реформа управления (начало 1460-х годов), кодификация новой редакции Псковской Судной грамоты (1467 г.), переустройство вечевого комплекса (1463—1465 гг.), строительство нового кольца крепостных сооружений Пскова — Окольного города (1465 г.), включившего в пределы городских укреплений не только все кварталы жилой посадской застройки (кроме посадков на Завеличье), но и обширные незастроенные пространства (рис. 4: 6). Переход Пскова под протекторат Москвы в конце 1460-х годов явился, во многом, следствием прихода к власти нуворишей — бывших «посажан», получивших правовой статус «мужей-псковичей» после строительства крепостных стен Окольного города (Алешковский 1978: 117—125).

Седьмой период в истории Пскова (период Ж) охватывает время существования в пределах бывшей Псковской республики так называемого «Господарства Псковского» — административно-территориального образования, сохранявшего видимость суверенитета, но находившегося под протекторатом московской великокняжеской администрации. Начало периода — реформа 1467—1468 гг. — материализовалась изменением сфрагистических регалий у основных институтов власти республиканского Пскова, появлением в эмблематике Пскова фигуры «лютого зверя» («барс»), переходом к чеканке биэмблематичной монеты пониженного веса, соответствующей московской монетной стопе. Фактом истории именно «Господарства Псковского» (а отнюдь не Господина Пскова!) стала знаменитая «брань о смердах»

1483—1486 гг. Завершением периода стали январские события 1510 г. (так называемое «Падение Пскова»), материализовавшиеся, в частности, уничтожением «кромских клетей» и гибелью в пожаре служб канцелярии владычных наместников. В целом, период Ж является переходным периодом от структур республиканского устройства с их политической и экономической независимостью (период Е) к окончательному вхождению бывшей республики в состав Московского государства с его пирамидальной структурой управления, основанной на принципах бюрократического централизма (период З).

Восьмой (и последний) период средневековой истории Пскова (период З) охватывает два столетия пребывания Пскова в составе Московии. Можно говорить о двух этапах этого периода. Рубежом между ними стало Смутное время.

На этапе З-1 (1510—1581 гг.), несмотря на перемещение торговой площади из центра города на Полонище в Окольный город, Псков в общих чертах сохранил топографическую структуру предшествующего времени, отдельные составляющие которой, с учетом новых функций, подвергались переосмыслению. Материализацией этой стабильности явились неоднократные фортификационные работы, направленные на усиление Псковской крепости конца XV в., сохранение территории Крома в качестве места городских (и великокняжеских) хлебных складов, а вечевой площади — в качестве «государева двора». Завершением этапа З-1 стали события Ливонской войны: хотя город и выдержал осаду, предпринятую войсками Стефана Батория, территория Псковской земли пришла в запустение. Последовавшие два десятилетия заложили основы необратимого процесса изменений социальной топографии города, начавшихся с учреждения псковской епископской кафедры (1589 г.) и переосмысления функций Крома, ставшего средоточием служб архиепископского дома.

Этап З-2 (конец XVI—XVII вв.) характеризуется постепенным изменением социальной топографии города: исторический центр Пскова сохраняет значение центра административной жизни и идеологического центра, в то время как деловая жизнь города постепенно перемещается на бывшие окраины (Полонище, Запсковье). В археологическом материале этот этап характеризуется появлением массовых находок предметов западноевропейского происхождения; в градостроительстве этап З-2 материализовался интенсивным каменным гражданским строительством. Последнее материализовало собой накопление в руках отдельных семей (Поганкины, Меншиковы, Русиновы, Подзюевы и др.) значительного капитала. Об этом же свидетельствует и сокровище в XVII в. многочисленных монетных кладов, ряд которых был обнаружен в последнее время при археологических раскопках.

Одновременно происходит ветшание и разрушение градостроительного центра Псковской республики. Последним ударом по нему стала подготовка Пскова к Северной войне: ряд храмов, находившихся в запустении, а также обветшавшие стены Крома были засыпаны землей для устройства на полученных земляных холмах артиллерийских бастаионов («Красная батарея», «Рождественская куртина»), в церквях Довмонтова города были размещены склады воинского снаряжения и амуниции. С переходом на рубеже XVII—XVIII вв. к городской застройке европейского типа (фасадами вдоль уличных проездов) Псков вступил в эпоху Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров А. А., Кильдюшевский В. И.* 1988. Псковский клад 1881 г.// Земля Псковская, древняя и социалистическая. Вып. 3, Псков: 71—74.
- Алешковский М. Х.* 1972. Социальные основы формирования территории Пскова X—XVI вв. (в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города)//СА, № 2: 117—125.
- Белецкий В. Д.* 1970. Археологические данные к датировке крепостных стен Довмонтова города//АСГЭ, № 12: 68—80.
- Белецкий В. Д.* 1980. Итоги археологического изучения Довмонтова города средневекового Пскова//Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 1, Псков: 6, 7.
- Белецкий В.* 1986. Довмонтов город. Архитектура и монументальная живопись XIV в. Л., 148 с.
- Белецкий С. В.* 1990. Происхождение Пскова//Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец: 8—14.
- Белецкий С. В.* 1993. Изборск «варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения)//Скифы, сарматы, славяне, Рус. СПб.
- Гроздилов Г. П.* 1962. Раскопки древнего Пскова//АСГЭ, № 4: 7—76.
- Ершова Т. Е.* 1990. Раскоп у Приказной палаты//Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 12. Псков: 120—123.
- Колосова И. О., Харлашов Б. Н.* 1983. Дружинное погребение псковского могильника//СА, № 2: 241—244.
- Лабутина И. К.* 1983. Культурный слой Пскова//Археологическое изучение Пскова. М.: 7—45.
- Лабутина И. К.* 1985. Историческая топография Пскова в XIV—XV вв. М.; 245 с.
- Лабутина И. К.* 1989. Языческое святилище Пскова//История и культура древнерусского города. М.: 100—108.
- Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф.* 1981. Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.)//КСИА, № 166: 69—77.
- Милюгина Н. Н.* 1989. К изучению погребального обряда псковского некрополя//Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 10. Псков: 15, 16.
- Мокеев Г. Я.* 1982. О веховой степени Пскова и сенях Троицкого собора//Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 2. Псков: 66, 67.
- Мокеев Г. Я.* 1983. Столичный центр веховой Пскова. Автореферат диссертации. . . канд. арх. М.: 25 с.
- Плоткин К. М., Степанов С. В.* 1990. Раскоп X на ул. Ленина//Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 11, Псков: 90—91.
- Седов В. В., Белецкий С. В.* 1986. Псковская экспедиция в 1980—1984 гг.//КСИА, № 188: 76—83.
- Харлашов Б. Н.* 1989. Предварительные итоги раскопок на Завеличье//Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 10, Псков: 3—5.

КАМЕННЫЕ КРЕПОСТИ СЕВЕРНОЙ РУСИ. ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ОЦЕНКИ

Первые эксперименты по возведению каменных укреплений на Севере Руси имели место в конце IX — первых десятилетиях X в., но только с конца XIII в. здесь, а точнее в Новгородской земле, приобрели всеобщий характер. Это строительство было обусловлено чрезвычайными потребностями защиты страны, укреплением ее границ и сохранением выхода к Балтийскому морю. Тогда была заново оценена роль пограничных опорных пунктов как защитников населения и территории, как форпостов, охранявших дороги, ведущие вглубь страны. Возведение крепостей, требовавшее всенародных усилий и специальных знаний, осуществлялось государством со все возрастающим размахом. Инженеры и зодчие убедились, что каменные преграды надежнее и долговечнее деревянных и лучше противостоят участвовавшим в то время прямым штурмам городов с применением луков, арбалетов и камнеметов. Отсюда стремление возводить каменные укрепления именно на опасном северо-западном рубеже, где постоянно разворачивались бои с немецкими, шведскими и датскими соседями, применявшими разнообразную осадную технику. Боевая обстановка потребовала авральных действий и применения нетрадиционных инженерных приемов (Более подробно см.: Кирпичников 1984а; Kіrpičnikov 1983: 66—78; 1990: 104—111). На уязвимых направлениях основываются или вновь укрепляются полувоенные, полугражданские поселения (Копорье — 1297 г., Корельский город — около 1300 г., Орехов — 1323 г.). В новопостроенные укрепления привлекаются не только русское, но и финское население, а в сельских районах допускается строительство племенных городков и убежищ (Тиверский городок на Карельском перешейке). Камнем укрепляются Новгород и Псков (соответственно в 1302 г. и после 1266 г.). Что касается устройства пограничных крепостей, то их предпочтительно основывают на островах и холмах и первоначально обычно оснащали одной башней. Учтем при этом, что дорогостоящие фортификационные работы развертывались в Северной Руси в условиях татаро-монгольского нашествия, гибели многих русских городов и установления тяжелейшего многовекового политического и экономического чужеземного ига (1246/1259—1480 гг.). При всей сложности и даже драматичности ситуации именно в этот период происходило ускоренное развитие оборонного зодчества, и фортификация впервые выдвинулась на уровень задач, которые раньше решались в полевых сражениях.

Древнерусское крепостное строительство конца XIII — первой половины XV вв. отличалось определенным своеобразием. Здесь отсутствовали строгая регламентация и единообразная планировка. При сооружении таких, например, укреплений, как Копорье или Изборск следовали традициям домонгольской поры. Направление стен этих сооружений отвечало контуру холма или мыса. Иным, более независимым от рельефа местности, оказалось расположение укреплений, заново построенных в течение XIV в. Но и в этих укреплениях геометрически правильные построения участков плана обычно «смягчались» привязкой к местному ландшафту. В отличие от них ближайшие к Руси орденские кастеллы юго-восточной Прибалтики служили пристанищем сообщества братьев-рыцарей и строились как своего рода военные лагеря с помещениями, распланированными определенным образом. В русских крепостях подобная система феодально-общезительской планировки неизвестна. За исключением каменных храмов внутри крепостного двора каменные постройки, в том числе и прилегающие к стенам, там отсутствовали. Конечно, существовала деревянная застройка, но она состояла из отдельных дворов.

Подавляющее большинство древнерусских каменных укреплений были не частными, а государственными. Это обеспечивало упреждающий выбор стратегических решений, широкое привлечение сил и средств, четкую целенаправленность работ. Оборона Новгородского, а затем и Псковского государства строилась с таким расчетом, чтобы затруднить продвижение потенциального противника к столице земли, с какой бы стороны он не ожидался, и тем самым выиграть время для мобилизации войска. Попытки отдельных князей и бояр укреплять свои резиденции успеха не имели и в интересах борьбы с местным сепаратизмом властями пресекались.

Северорусское крепостное зодчество при всем его местном своеобразии в то же время не было изолировано от общеевропейского, в особенности, что касалось использования отдельных узлов обороны и конструктивных деталей. Геометрическая проторегулярная планировка наружных частей отдельных новгородских укреплений (Орешек, Орлец, Ямгород — ?) роднит их с орденско-балтийскими замками. В Новгородской земле в первой половине и в середине XIV в. сооружались однобашенные крепости (Орешек — 1323 г., Корельский городок — 1364 г., Орлец — 1342 г.). Постройки этого типа, очевидно, заимствованы из юго-западной Руси и Эстонии. Под влиянием связей с Западом в Северной Руси, вероятно, были введены сооружения с фланкирующими башнями, прямолинейные участки стен, внутрстенные лестницы, подошвенные бойницы. Аналогично Таллинну и Висби в Новгороде и Копорье в 1361 г. и позже надстраивались стены. Общим закономерностям подчинялось и устройство возводимых стен. Они создавались таким обра-

зом, чтобы на уровне боевого хода могли разойтись два воина, идущие навстречу друг другу.

В последней четверти XV в.— начале XVI в. крепости северной Руси вошли в состав Московского царства и претерпевают небывалую по масштабу перестройку, связанную с внедрением в боевую практику пороха и пушек. До 1470 г. оборона каменных «градов» была, как правило, сильнее атаки. Положение стало меняться в тот период, когда артиллерия достигла такой силы, что стала пробивать стены крепостей. По темпу своего развития осадная техника впервые за долгие десятилетия стала обгонять усовершенствования фортификации. Использование нового оружия ускорило процесс изменения защитных сооружений, придало ему резкий, временами скачкообразный характер. Прежняя фортификация претерпела революционную ломку своей системы. Распространились стандартные каменные конструкции, регулярно расположенные полукруглые и квадратные пушечные башни, огнестрельные бойницы, внутрстенные каменные лестницы. Огневая защита, особенно фланкированная, равномерно распределялась по всему периметру укреплений. Увеличивались толщина стен и башен.

Торжество огнестрельного оружия и рождение фактически новой фортификации в немалой степени способствовало военным успехам Российско-Московского государства, покончившего с феодальной разделенностью русских земель.

Новые представления о развитии старорусского оборонного строительства базируются на конкретных открытиях. Расскажем о некоторых из них, начав со Старой Ладogi (ныне поселок Ленинградской области, а в древности город Ладога).

В Старой Ладoge на мысу, образованном р. Ладожской и Волховом, высятся руины крепости конца XV в. Она частично реставрирована и по своим архитектурным формам является, несомненно, произведением, относящемся к фортификациям огнестрельной эпохи.¹

---

¹ Miltshchik, Koljada 1990: 85—91. Авторы датируют существующую Ладожскую крепость не концом XV в., а 1585—1586 гг. Они опираются на опись Ладogi 1647 г., в которой вспоминается о авральных военно-инженерных работах в городе, соотносимых с 1584—1586 гг. Часть строительных усилий была направлена на создание бастионного «земляного города», другая — была связана с каменной крепостью. Подробный перечень работ, к сожалению, остался неизвестным. Согласно описи 1647 г., в каменной крепости делали башни и стены. По мнению авторов, это означало, что это сооружение в 1585—1586 гг. было фактически заново отстроено. Выдвинутый тезис может быть оспорен. Сомнительно, чтобы всего за два строительных сезона, даже при участии, как сообщается в описи 1647 г., многих людей, в Ладoge полностью воздвигли пушечную фортификацию. В это время крепость могли ремонтировать, заменять обветшавшие части стен и башен, чинить кровлю и т. п. Термин «делали» в документе 1647 г. означал не только новую по-

Трудами Староладожской археологической экспедиции удалось установить, что укреплению конца XV в. предшествовали более ранние оборонительные сооружения (рис. 1). К археологическому поиску нас привлекло сообщение летописи о том, что в 1114 г. (1116 г.) здесь было заложено каменное укрепление. Действительно, эти «летописные» стены, сложенные из известняковых плит на известковом растворе, не исчезли, а обнаружены вмурованными в кладку более позднего времени. С восточной стороны крепости конца XV в. это сооружение возвышалось от кромки берега р. Волхова и сохранилось почти на полную высоту — 8,5 м, включая бруствер и площадку боевого хода (последняя шириной около 2 м). В одном месте этой стены на высоте 7 м над уровнем Волхова оказался арочный

стройку, но и починку старой. Одна из ремонтных операций тех лет действительно достоверно расшифровывается. Тогда пробрили одну из нижних бойниц угловой Климентовской башни и сделали в ней проем для прохода в «земляной город». Рядом устроили новую бойницу. Из этого наблюдения совершенно ясно, что каменная крепость существовала до сооружения «земляного города», т. е. до 1584 г. и, следовательно, во всяком случае, в своей южной части не могла быть построена в 1585—1586 гг. Далее, было бы странно представить, что Ладожская крепость с 1445 г. оставалась в непрестроенном виде. Известно, что в 1445 г. ее только «подновили». Получается таким образом, что речь идет о еще более ранней постройке 1114 г., почти в неизменном виде существовавшей до 1585 г. Если принять такое допущение М. Мильчика и М. Коляды, то Ладога окажется единственной на севере Руси крепостью, остававшейся почему-то почти четыре века в нетронутом виде. Такое допущение невероятно. Напомню здесь, что спил связи Раскатной башни показал дендрохронологическую дату — конец XV в. Правда, эта связь не имела внешних колец, но если бы они сохранились, то вряд ли обязательно омолодили полученное определение еще на 100 лет.

Документ 1647 г. стремился убедить центральные власти в том, что починка Ладоги была невозможна местными силами. В этой связи ладожане, что приводится в описи 1647 г., давали противоречивые, нередко явно преувеличенные показания. По одной версии, до и после «немецкого разорения» «каменный город» делали люди из московских городов, а деревянный — «всем Новгородским уездом и ладожскими разными стрельцами», по другой «каменное городовое дело» «изстари» делали посошные люди из Великого Новгорода, новгородских городов и уездов, а также московских городов, а «на другое лето доделывали тот каменный город Ладогу государевой казной наемными людьми». К приведенным разноречиям естественно необходим острожный подход. Оценка информативной надежности источника авторами, к сожалению, обойдена. Между тем, каменщиков в тот период в Ладоге было, вероятно, немного, так как в 1584 г. началась общерусская постройка Белого города в Москве. Посошные же люди в военно-инженерных делах выполняли лишь вспомогательные обязанности. Похоже, что основной объем работ, произведенных в Ладоге в 1584—1586 гг., касался насыпки земляных валов, рубки стен, чинки каменной кладки.

Что касается архитектурных форм Ладожской крепости, то они соответствуют своему времени — концу XV — началу XVI вв. Можно предположить, что крепость строилась при участии итальянских и греческих мастеров. В частности, подтверждают эти крепостные проекты трактата Франческо ди Джордже Мартини, современные времени «огнестрельной» реконструкции северорусских фортификаций. Чертежи Мартини поразительно напоминают о конструктивных элементах Ладожской твердыни.

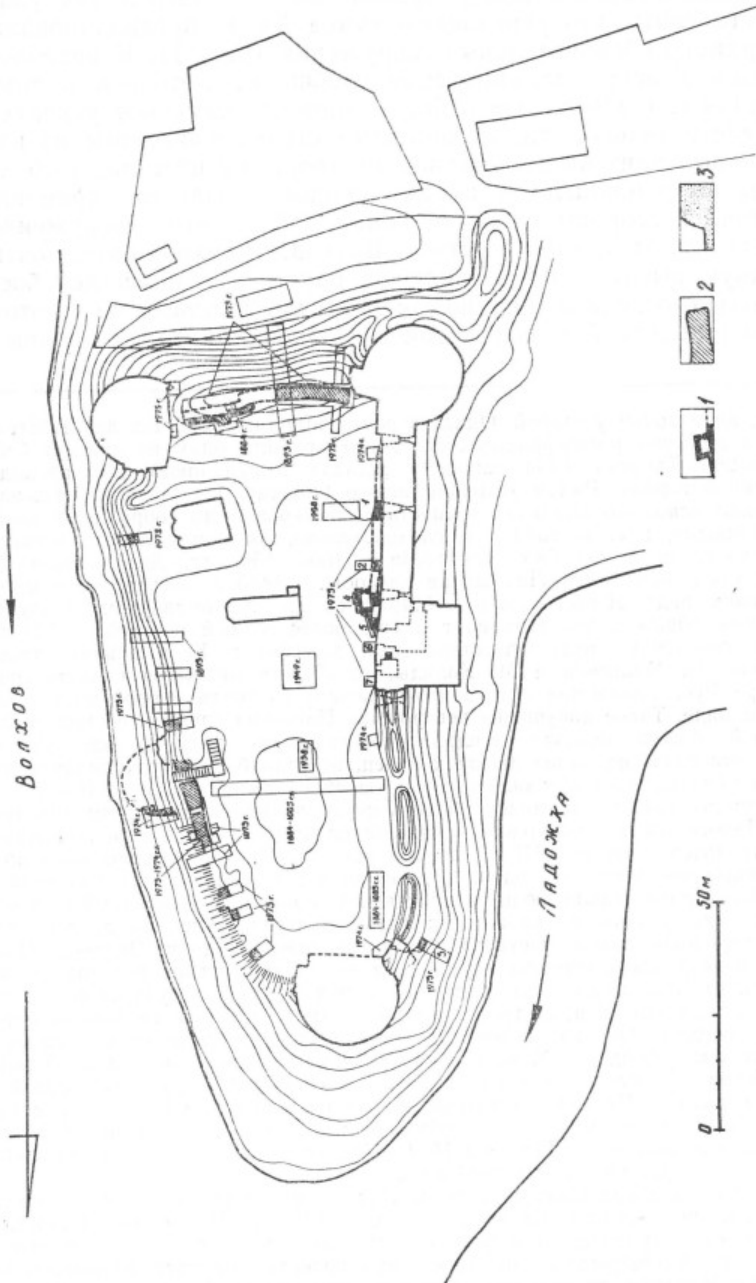

Рис. 1. План Ладожской крепости с обозначением раскопок 1884—1982 гг.:

1 — Кладка конца IX — нач. X вв.; 2 — кладка 1114 г.; 3 — кладка Тайничной башни 1490 гг.

проем шириной 1,7 м — так называемый торговый люк, служивший для подъема и спуска речных грузов, и может быть, и воды (колодцев внутри крепости не было). Подобное устройство, иногда присущее постройкам прибалтийской Европы, среди отечественных памятников фиксируется впервые. С южной стороны стена 1114 г. увенчивала земляной вал, представляя в сущности его бруствер (рис. 2). Ладожская находка предоставляет возможность в какой-то мере судить о высоте стен и их устройстве для множества несохранившихся русских деревянных крепостей. Впервые проявился принцип, при котором важна была не вообще высота стен, обязательно одинаковая на всех их участках, а высота расположения бруствера, соразмеренная в том или ином месте по отношению к окружающей местности. Такие укрепления соотносились с рельефом местности, а их высота по отношению к горизонту соответственно могла быть разновеликой. Укрепление 1114 г. в отношении размеров стены и ее устройства предвосхитило создание на Руси каменных оборонительных преград в конце XIII—XIV вв.

Раскопки ладожской твердыни начала XII в. подходили к концу, когда в обвале поискового шурфа неожиданно проступила стена из плит, сложенных на этот раз не на известковом растворе, а на глине. Удалось проследить, что эта преграда простиралась по той же трассе, что и стена 1114 г., и была дополнена пристроенной изнутри башней, размер внутреннего пространства которой равен $2,1 \times 3$ м (рис. 3). Судя по упавшим блокам и линзе развала, первоначальная высота стены при ее ширине 3 м и составляла не менее 3 м. Выявленные части данного сооружения датируются концом IX — первыми десятилетиями X в. и претендуют на то, чтобы считаться самым древним каменным укреплением первых веков русской истории. Это укрепление можно связать с деятельностью великого князя Олега Вещего (882—912 гг.), который в целях укрепления страны и обороны против разбойничьих набегов норманнов «нача городы ставити». Находка в Старой Ладоге конкретизирует и расшифровывает план защиты страны, который выдвинуло молодое государство, как только в конце IX в. были объединены его северная и южная части.²

Наиболее близкие по устройству сооружения сухой кладки строились на территории Каролингской империи. Речь идет о небольших поселениях, подчиненных рельефу местности, оконечных периметральными каменными стенами с несколькими входами и в дополнение к этому еще валами и рвами. Что касается башен, то редкие в меровингскую эпоху, они все чаще строятся на западе Европы лишь в каролингское время (около 750—900 гг.). Эти башни нерегулярно возводились внутри стен

² О массовом строительстве укреплений в 870—890 гг. в странах Западной Европы под влиянием походов викингов см.: Anderson 1971: 39—40.

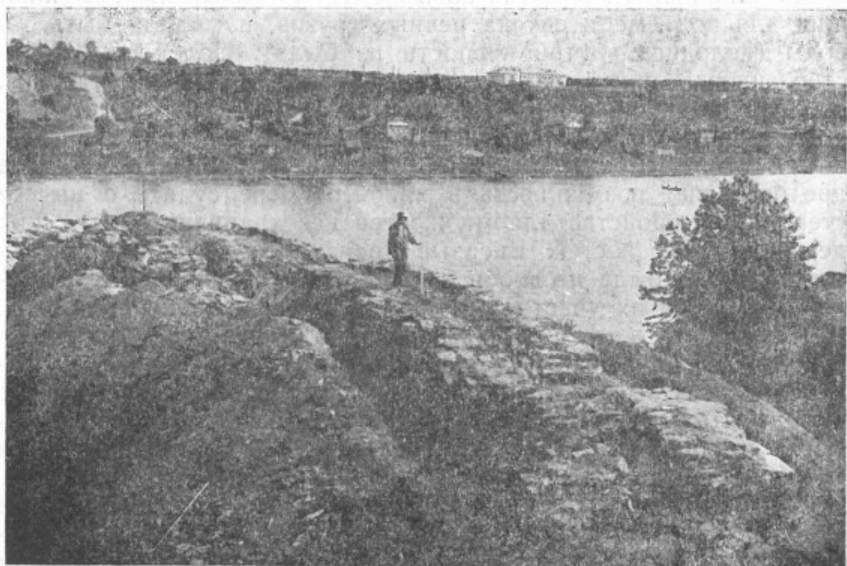

Рис. 2. Старая Ладога. Стена 1114 г. на южном валу. Вид после раскопок 1973 г.

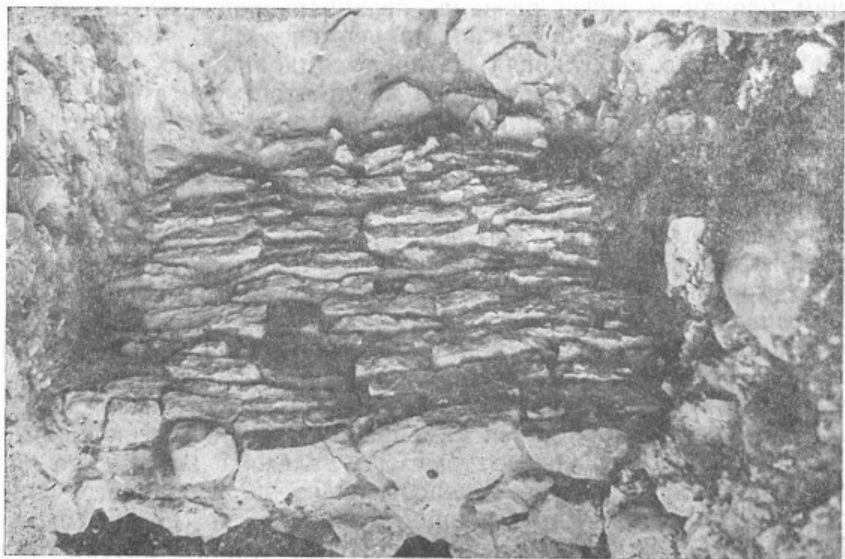

Рис. 3. Старая Ладога. Западная внутренняя стена башни. Конец IX — нач. X вв.

и служили отнюдь не для фланкирующей, а для фронтальной высотной стрельбы и для дозорных целей (Uslar 1964: 202 sq. Abb. 37, 50, 65, 75). Возводили ли первоначальную ладожскую каменную твердыню рейнские мастера или какие-либо иные, сказать затруднительно.³ Думаю, что положение города в низовьях р. Волхова на важнейшем евро-азиатском торговом

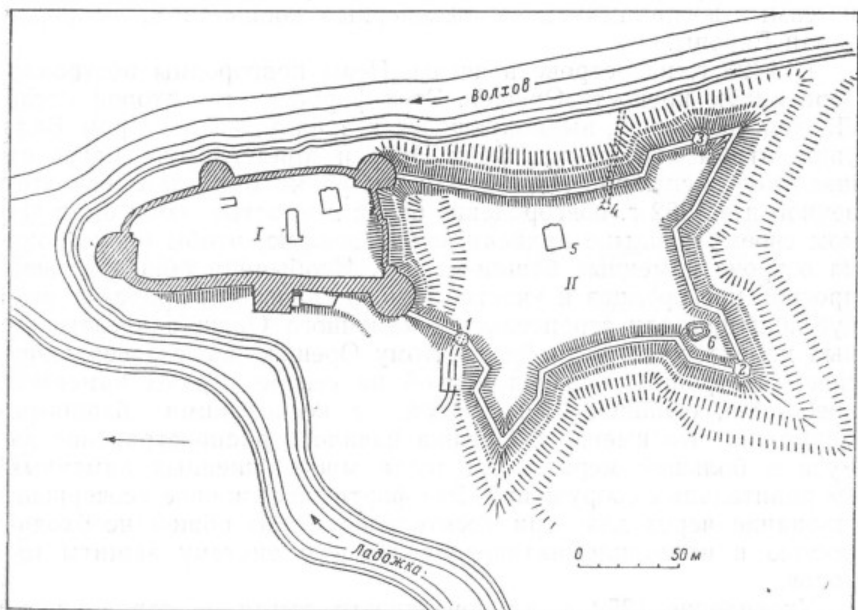

Рис. 4. Старая Ладога. План каменной (I) и земляной (II) крепостей. Реконструкция автора:

1—3 — башни земляной крепости, 4 — тайник к реке, 5 — церковь св. Климента, 6 — пруд.

пути облегчало возведение подобного сооружения, как только оно стало необходимым.

Итак, на месте каменной крепости конца XV в. оказались три сменяющих друг друга каменных постройки: конца IX — начала X вв., начала XII и рубежа XV и XVI вв. Этот уникальный «музей фортификаций» дополняет устроенное в 1584—1586 гг. с напольной южной стороны каменной крепости насыпное земляное сооружение с тремя бастионами (рис. 4). В русских источниках подобные сооружения назывались «земляными

³ Ср.: Mühle 1991: 53. По мнению автора, наиболее близкие прототипы Ладожской крепости следует искать на Балканах. В этом, однако, нет уверенности. И византийские, и болгарские крепости по своей технике кладки отличаются от ладожской.

городами». В Ладоге валы «земляного города» сохранились на высоту до 5 м, первоначально они увенчались деревянной стеной с башнями. В России первые бастионные фортификации появились не в начале XVIII в., как принято считать, а еще в конце XV в., а веком позже и вовсе не являлись диковинкой (Кирпичников 1979: 471—499). В отношении использования земляных преград Россия XVI в. может рассматриваться одной из самых восприимчивых к инженерным новшествам, активных стран Европы.

В 1323 г. на острове в истоке Невы новгородцы построили деревянную крепость Орешек. Этот форпост стал второй после Ладоги твердыней, выдвинувшейся к западу, к просторам Балтики, чтобы обезопасить реку Неву и прилегающие места от шведской экспансии. Деревянная постройка оказалась недолговечной и в 1352 г. новгородские бояре и простые люди били челом своему владыке архиепископу Василию, чтобы он устроил на острове каменные башни-костры. Необычная общенародная просьба новгородцев и участие самого главы новгородской республики придали строительству каменного Орешка чрезвычайный характер. Не случайно поэтому Орешек после завершения своей постройки оказался первой на севере страны каменной крепостью, оснащенной не одной, а несколькими башнями. Возможно, что именно с Орешка началось распространение на Руси в большей мере новых тогда многобашенных каменных оборонительных сооружений. Это фортификационное усовершенствование через два—три десятилетия стало общей необходимостью и позволило активизировать всю систему защиты городов.

Укрепление 1352 г. на поверхности земли не сохранилось, но неожиданно было обнаружено во время раскопок в центре острова. Стена имела толщину 2,7—3,3 м и сохранилась на высоту 2,5 м. Сложена она была из валунов с выравнивающими прокладками плиты на известковом растворе. Удалось найти и части двух башен — средистенной воротной (рис. 5) и угловой (первоначально их было, очевидно, больше). Башни, видимо, были расположены таким образом, чтобы обеспечить полный фланкирующий прострел вдоль стен. В плане укрепление было четырехугольным и занимало площадь 90×100 м. По своему регулярному плану Орешек 1352 г. напоминает замки некоторых прибалтийских стран. Устройством башен, расположением и конфигурацией стен крепость в истоке Невы сопоставима с замком Або (1280—1290 гг.), королевской резиденцией Кальмар (конец XIII в. или несколько позже), первоначальными башнями и стенами Нижнего города Таллинна (1330—1340 гг.), наконец, литовскими крепостями Медининкай и Креве (1320—1350 гг.) (Кирпичников 1984а: 114—115). Подысканные соответствия помогают представить несохранившиеся верхние части Орешка. Его стены, вероятно, достигали

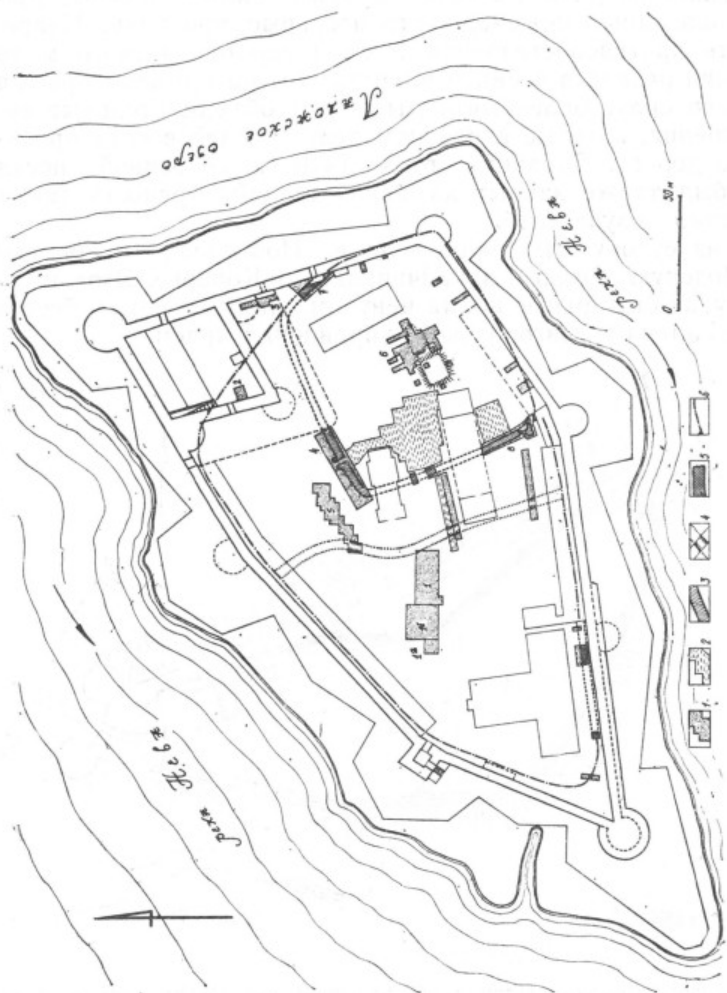

Рис. 5. Крепостные сооружения средневекового Орешка. План с обозначением раскопок 1968—1970 гг. пов 1968—1975 гг. (1—8):

1 — раскопки 1968—1970 гг.; 2 — раскопки 1971—1975 гг.; 3 — стена 1352 г.; 4 — ров-канал; 5 — стена 1410 г.; 6 — предполагаемая трасса стен 1352 и 1410 гг.

5—6 м высоты, а башни, учитывая островное положение укрепления, лишь немногим возвышались над стеной. К числу вероятных северобалтийских архитектурных элементов крепости в истоке Невы относятся способ полубутовой кладки, наличие в прямоугольном прясле средистенной воротной башни, устройство въезда с герсой. В целом, укрепление 1352 г. является произведением-гибридом, в котором объединились местные русские⁴ и иноземные инженерно-строительные признаки. Непререкаемость противопоставления Руси и евробалтийского мира в отношении развития военной архитектуры на примере Орешка теряет свою силу. Более того, мы видим объединительные военные решения, которые в военном деле соседей всегда проби-вали себе дорогу. Добавим, что в 1410 г. островной посад Орешка был также закрыт каменной стеной. Крепость таким образом стала двучастной.

Одна из сухопутных дорог вела из Новгорода в богатую хлебом Водскую землю и заканчивалась в Копорье. Этот населенный пункт был долгое время центром охраны южного берега Финского залива и новгородского управления краем.

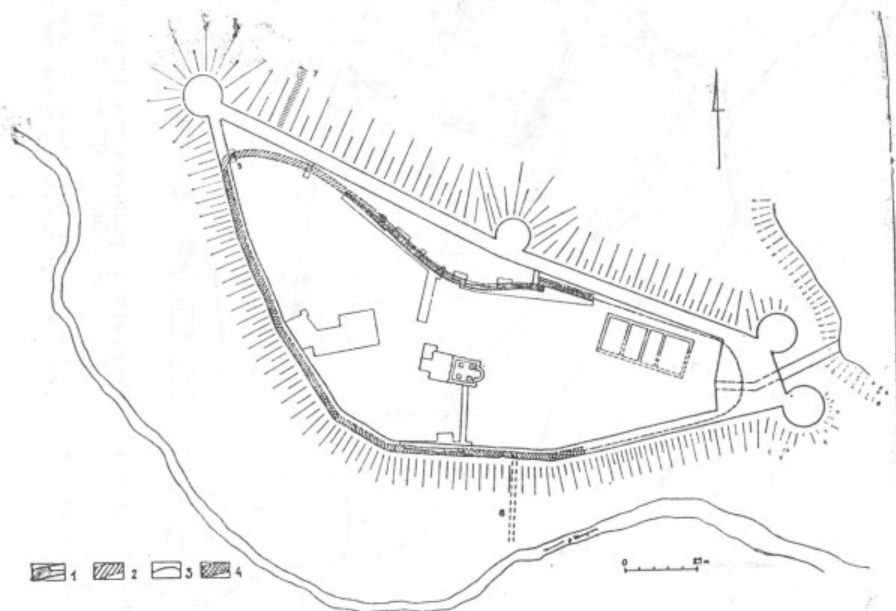

Рис. 6. Крепость Копорье. План с обозначением укрепления 1297 г., в составе стен 1520—1525 гг.:

1 — часть стены 1297 г., 2 — трассированные части той же стены, 3 — предполагаемое расположение той же стены, 4 — отрезки стены 1297 г., сохранившиеся на полную высоту, 5 — шурф, в котором сочленяются стены 1297 г. и 1520—1525 гг., 6 — тайник 1297 г., 7 — тайник первой четверти XVI в.

⁴ Трапециевидные и прямоугольные в плане крепости спорадически строились на Руси с X в. вплоть до начала XVI в.

Впервые Копорье упомянуто в 1240 г., а в 1280 г. здесь на месте деревянной сын князя Александра Невского Дмитрий возводит каменную крепость. Примечательно, что то была первая каменная фортификация Северной Руси, построенная в период монгольского ига. Упомянутая постройка, однако, вскоре была разрушена, но в 1297 г. новгородцы, как пишет летописец, «поставиша град Копорию камен» (ПСРЛ 1851: 202). На этот раз речь шла о строительстве не частновладельческой резиденции, а государственной крепости Новгородской земли. К сожалению, на этом летописная строительная биография Копорья обрывается. И только теперь, на основании дендрохронологического анализа спилов строительных связей, удалось точно определить, что именно в 1520—1525 гг. эта новгородская крепость была значительно перестроена и приспособлена к артиллерийскому бою. Однако, строители не стали переделывать недоступные для прямого штурма южную и юго-восточную части крепости общей длиной почти 200 м, возведенные еще в 1297 г. (рис. 6). Поэтому эта сторона крепости сохранилась местами практически целиком, что позволяет судить о ее первоначальном устройстве. Детально изучить этот участок крепости помогли археологические и архитектурные исследования, проведенные под руководством археолога О. В. Овсянникова с участием автора этих строк.

Стена более 2 м толщиной достигала, включая бруствер для стрелков, 7,5 м высоты. В плане она членится на несколько слегка изогнутых отрезков, а ее оконечности стыкуются с преградой 1520—1525 гг. (рис. 6). В последней трети XIV в. стена 1297 г. была надстроена и повысилась в среднем почти до 10 м (рис. 7). Здесь проявилось стремление увеличить высоту стрелковой обороны крепости.

У подножия описанной стены обнаружен потайной сводчатый, спускающийся по склону холма, ход к воде. Он был вырублен в скале (рис. 6, б). При переделке крепости в XVI в. ход был заброшен и заменен новым, устроенным с северной стороны. Обнаруженный тайник несомненно построен одновременно со стеной 1297 г. и является древнейшим известным на сегодняшний день источником водоснабжения крепости, стоящей на возвышенности.

Экспедиции под руководством О. В. Овсянникова посчастливилось открыть части стены 1297 г. там, где ее не ожидали, а именно, в северной части крепости. Оказалось, что строители XVI в. не совместили свое сооружение с прежним, а заложили его несколько вынесенным вперед к склону холма. Так остатки старой стены оказались внутри крепостного двора и после раскопок позволили почти полностью представить план укрепления 1297 г.

В одном месте этой стены раскопками обнаружен ее коленчатый изгиб, вмещавший винтовую лестницу. Судя по француз-

ским аналогиям, такая лестница подводила к угловой бойнице, фланкирующей поворот стены (см.: Кирпичников 1984а: 176—177). Перед нами едва ли не первое в древнерусской каменной фортификации устройство — предшественник фланкирующих башен. Прием фланкирования стал использоваться в устройстве северо-европейских крепостей в последней четверти XIII в. Судя по описанной копорской детали, в Новгородской Руси воспользовались этим военным новшеством в тот же период.

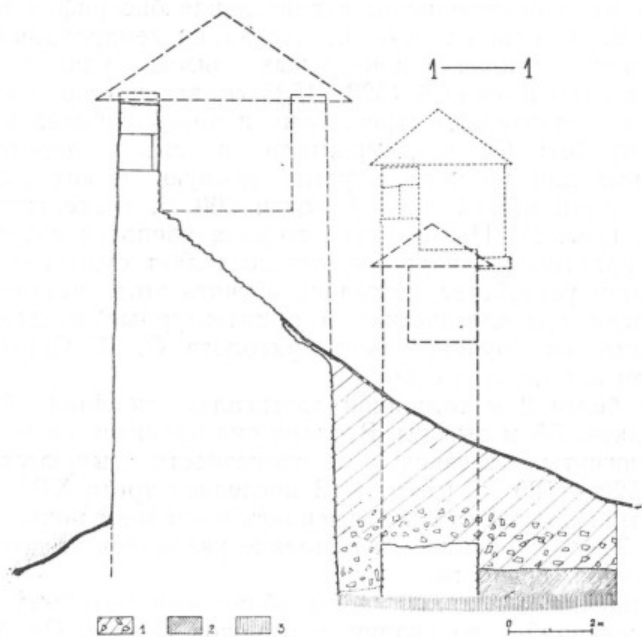

Рис. 7. Стены Копорья 1297 г., последней трети XIV и 1520—1525 гг. (частью показаны пунктиром). Разрез с элементами реконструкции:

1 — развал стены 1297 г.; 2 — слой XIII—XV вв., 3 — материк.

В 1384 г. на старой дороге, ведущей из Новгорода к Нарве, на правом берегу р. Луги, был заложен «град камен» Ямгород (ныне г. Кингисепп Ленинградской области). Под влиянием нового тогда огнестрельного оружия Ямгородская крепость, одна из первых на Руси в 1448 г. была перестроена и расширена. Приведенная дата примечательна, ибо открывает самостоятельный период воздействия нового боевого средства на фортификацию. Вскоре это явление станет общерусским.

Крепостные сооружения Ямгорода ныне казалось не сохранились, но в 1971 г. были обнаружены нашими раскопками

(Кирпичников 1984а: 180 сл.). Уцелели их нижние части. Они оконтуривали детинец и «внешний город» и включали 9 башен (рис. 8). Анализ всех собранных материалов (рис. 9) показал, что раскопанное укрепление не первоначально, а построено около 1500 года, но в своем составе местами сохранило, как это было в Ладоге и в Копорье, фрагменты сооружения предшествующей поры: стены с внутренними нишами, нефланкирующую башню детинца. Конфигурация плана крепости полностью

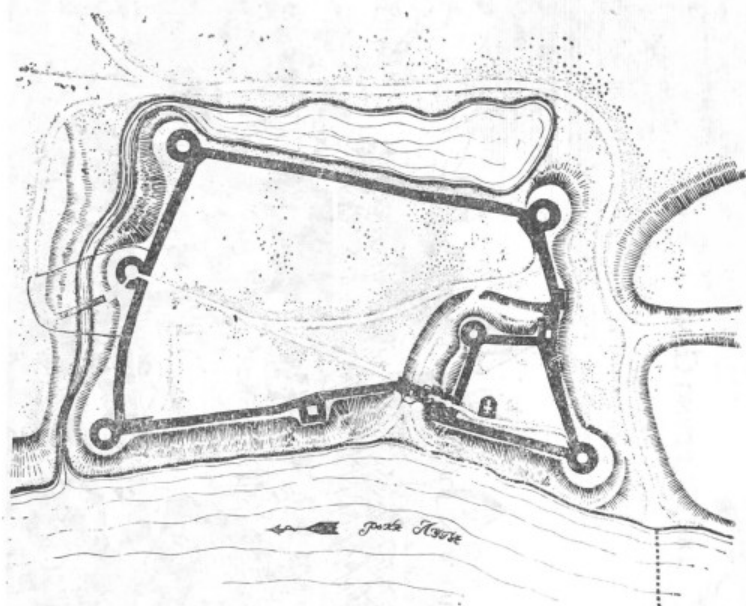

Рис. 8. Крепость Ямгород около 1500 г. План — реконструкция.

или частично, также была predeterminedлена ее новгородской предшественницей. Строительная биография Ямгорода таким образом свидетельствует о по меньшей мере двукратном радикальном инженерном обновлении крепости в течение XV в., при котором, однако, не произошло полного разрыва традиции в возведении фортификаций доогнестрельной и огнестрельной эпох.

По-своему поступили со сложившимися военно-инженерными строительными приемами в Новгороде. В 1484—1499 гг. на месте укреплений более раннего времени был возведен существующий ныне каменный Кремль. Первые каменные укрепления появились здесь в XII в., а двумя веками позже весь этот район города был окружен мощной круговой стеной, включавшей и башни. Несохранившиеся над землей кладки XIV в. искали под

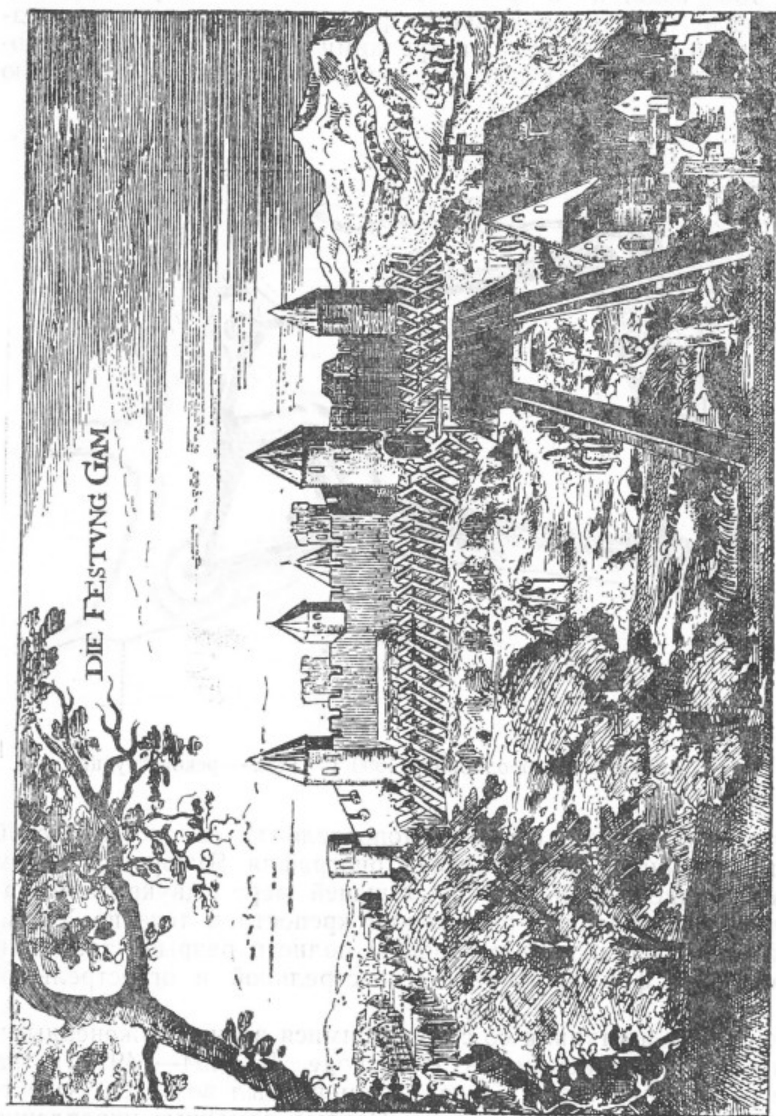

Рис. 9. Крепость Яма в 1634 г. Гравюра из книги А. Олеария

существующими ныне. Их дальнейший поиск принял, однако, иное направление.

В 1981 г. нижние части интересующих сооружений были обнаружены нашими раскопками в прибрежной к Волхову зоне Кремля, но не на холме, а сдвинутыми ближе к берегу. Данная преграда, изогнутая в плане под тупым углом (рис. 10), была воздвигнута в 1331—1334 гг. в стороне от линии укреплений XI—XII вв. и конца XV в. (Кирпичников 1984б: 147 сл.). В этом проявилось смелое, в то же время опасное для

Рис. 10. Новгород. Стена 1331—1334 гг. в месте своего изгиба.

сохранности постройки намерение новгородцев расширить границы Кремля, приблизив их к воде и пристаням. В 1437 г., стена с частью берега оползла и упала, однако, факт ее сооружения не может не привлечь внимания. Значение новооткрытого сооружения заключается в том, что его строительство вне связи с рельефом местности, с применением тупоугольного, а не плавного поворота стен — необычно и предвосхищало фортификационные решения XVI в. Что касается других мест Кремля, то там преграда XIV в. либо еще не обнаружена, либо в период переделки Кремля в конце XV в., была полностью разобрана.

Перечень архитектурно-археологических наблюдений можно продолжать, однако, и приведенных данных достаточно, чтобы утверждать, что создание северорусских средневековых крепостей невозможно представить без учета местных, общерусских

и евробалтийских военно-инженерных приемов и достижений. Изучение этого сложного явления следует продолжать, используя национальный и международный научный опыт.

ЛИТЕРАТУРА

- Кирпичников А. Н.* 1979. Крепости бастионного типа в средневековой России//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л.: 471—499.
- Кирпичников А. Н.* 1984а. Каменные крепости Новгородской земли. Л.
- Кирпичников А. Н.* 1984б. Новые архитектурно-археологические исследования в Новгородском кремле//Новгородский край. Л.: 147—151.
- ПСРЛ 1851. Полное собрание русских летописей. Т. V. СПб.
- Anderson W.* 1971. Burgen Europas von der Zeit Karls des Grossen bis Renaissance. München.
- Kirpičnikov A.* 1983. Steinfestungen Nordrussland aus der Sicht der neueren Bautechnischen archäologischen Forschungen//„Burgen und Schloesser“. Heft II: 66—78.
- Kirpičnikov A.* 1990. Neue bauarchäologische Forschungen zu den Stadtfestungen Nordwestrusslands. Stadtbaukunst im Mittelalter. Berlin: 104—111.
- Miltšhik M., Koljada M.* 1990. Die Ladoga—Festung. Forschungsergebnisse der letzten Jahre//„Bürgen und Schloesser“. Heft II: 85—91.
- Mühle E.* 1991. Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus. Stuttgart.
- Uslar R.* 1964. Studien zu frühgeschichtlichen Befestigungen zwischen Nordsee und Alpen//Beiheft. Jb. 11. Bonn.

Е. А. РЯБИНИН

ФИННО-УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

В процессе расширения границ Северо-Западной Руси в ее состав были включены прибалтийско-финские племена воль, корела и ижора, а области их расселения образовали особые «земли» в пределах новгородских владений (рис. 1). Некоторым аспектам историко-археологического изучения этих средневековых народов и посвящена настоящая публикация.

В течение последнего столетия не ослабевает пристальный научный интерес к этнической истории воль. В определенной степени он объясняется важным положением этого средневекового образования на северо-западной окраине новгородской территории. Его этноним отразился в названии Вотской (Водской) земли Великого Новгорода, а позднее был перенесен на одну из новгородских пятин. Скучные письменные известия о воль, впервые упомянутой в летописи под 1069 г. (НПЛ 1950: 17), позволяют заключить, что в XI в. это население сохраняло свою политическую автономию, предпринимая даже враждеб-

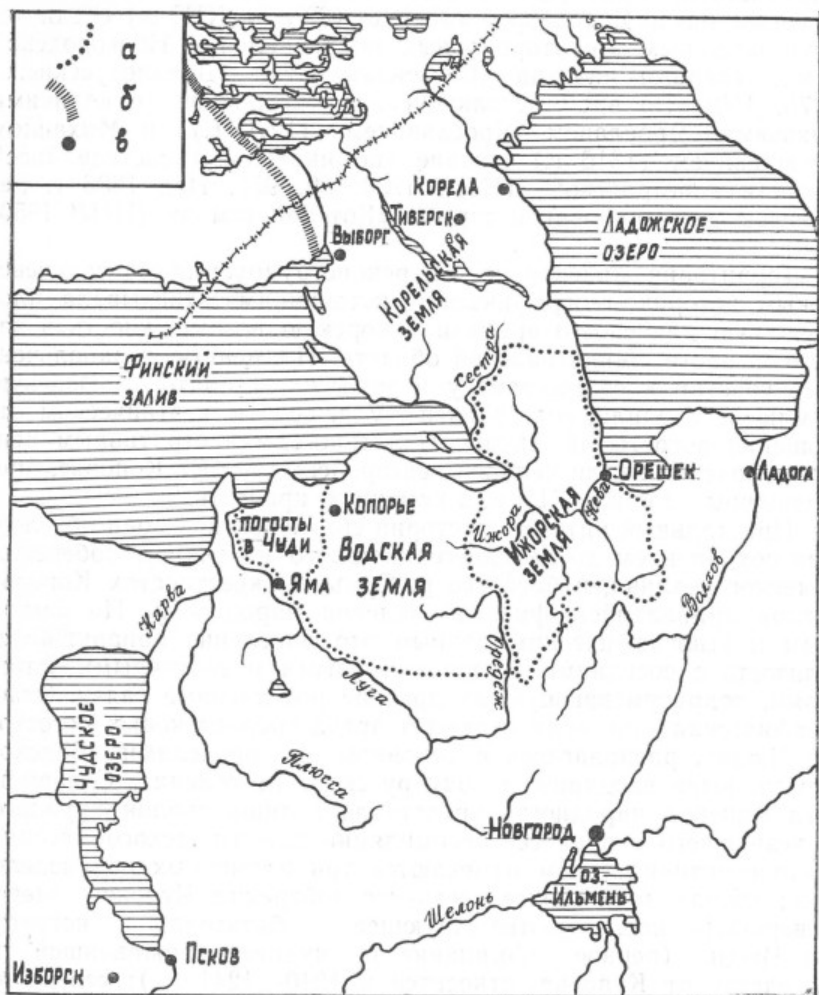

Рис. 1. Финно-угорские «земли» в составе Новгородского государства.

Условные сокращения:

- а — границы «земель»;
- б — западная граница племенной области корелы (по С. И. Кочуркиной);
- в — городские центры XI—XIV вв.

ные действия по отношению к Новгороду. К середине XII в. предположительно можно отнести его переход в вассальную зависимость от Руси (см. об этом: Гадзяцкий 1950: 100—109). В уставе князя Ярослава о «мостех» (60-е гг. XIII в.) среди девяти основных территориальных подразделений Новгородской земли впервые названа «Вочьскаа» сотня (Древнерусские... 1976: 150). Во время столкновения новгородцев с великими князьями Ярославом Ярославичем (1270 г.) и Михаилом Ярославичем (1316 г.) вожане упоминаются в составе «всей волости новгородской» (НПЛ 1950: 89, 95). Под 1338 г. летописью зафиксирован и термин «Вотская земля» (НПЛ 1950: 349).

Территория Водской земли, реконструируемая по средневековым историко-географическим источникам, охватывала плодородную для своего времени Ижорскую возвышенность в западной части Ленинградской области. Низменные и заболоченные участки к северо-западу и западу от плато в Водскую землю не входили, составляя в XV в. особые в этническом отношении погосты «в Чюди». Политико-административным центром Водской земли являлся новгородский погост Копорье, превращенный в конце XIII в. в каменную крепость.

Пристальный интерес к истории средневековой води обусловлен сохранением до недавнего прошлого на южном побережье Финского залива, в бассейне р. Сумы и окрестностях Копорья малой прибалтийско-финской водской народности. По языковым и этнографическим данным это население обнаруживает близость с соседними северо-восточными и восточными эстонцами, подразумевающую их древние родственные связи. Этнографическая зона води включает ареал средневековых погостов «в Чюди», располагаясь в основном за пределами Водской земли, ныне входящей в зону русского расселения. Современная финская народность представляет лишь сколок крупного, исчезнувшего в процессе ассимиляции древневодского массива. Ретроспективно в нем намечаются три племенных подразделения: южное, занимавшее восточное побережье Чудского озера; северо-западное, соответствующее обитателям погостов «в Чюди» (первое упоминание о «чудце», проживавшей по соседству от Копорья, относится к 1240—1241 гг.); северо-восточное, центром расселения которого являлась Ижорская возвышенность (Моора Х. А., Моора А. Х. 1965: 63—67).

В пределах летописной Водской земли достоверные памятники дорусского времени неизвестны. Некоторые находки в восточном Принаровье (Кунигаюля, Ольгин Крест) наряду с трупосожжением, выявленным в северном Причудье (Йыуга) и принадлежащем к тому же культурному кругу, позволяют предполагать наличие в X—XI вв. у местного населения — южной води — бескурганного обряда трупосожжения, при котором остатки кремации на стороне вместе с погребальным инвента-

рем либо рассыпали на поверхности выжженной земли, либо помещали в мелких грунтовых ямках; каменные конструкции при этом не применялись (Лиги 1986: 163). Понятно, что памятники такого рода могут быть обнаружены лишь в исключительных случаях.

Фонд археологических источников, привлекавший исследователями для изучения средневековой воды, до последнего времени ограничивался материалами курганно-жальничных могильников, в массовом количестве распространившихся с начала II тыс. н. э. на территории Северо-Восточного Причудья и в пределах Водской земли. Грандиозными по размаху являлись раскопки таких памятников, осуществленные в 70—80-х гг. прошлого века Л. К. Ивановским (вскрыто свыше 5500 погребений на Ижорском плато). Эти исследования велись на низком методическом уровне, почти без фиксации погребального обряда; сведения об основном пласте изученных захоронений ограничены лишь происходящим из них инвентарем, введенным в научный оборот А. А. Спицыным (Спицын 1896). Более полные данные о характере средневековых кладбищ содержатся в отчетах и публикациях В. Н. Глазова, Н. К. Рериха и других исследователей, в конце XIX—начале XX в. изучавших курганы и жальничные могилы на северо-западе Новгородской земли. Всего в указанный период было раскопано свыше 7000 погребальных комплексов.

Распространение в районах древневодского обитания качественно нового типа захоронений под курганными насыпями прямо или опосредовано отражало начало земледельческого освоения славянами северных территорий. Осваивая Ижорскую возвышенность и побережье Чудского озера, новопоселенцы неизбежно должны были вступить в тесные контакты с обитавшими здесь финноязычными группировками. Еще дореволюционные исследователи поставили вопрос о связи определенной части вскрытых курганно-жальничных погребений с водью, воспринявшей у славян курганный обряд захоронений. Оценки роли этого этнического компонента до сих пор весьма различны — от признания водской основы средневековых обитателей края до почти полного их исключения из состава населения, оставившего могильники XI—XIV вв.

Чем же вызвано сохраняющееся разнообразие в диагностике памятников? Прежде всего тем обстоятельством, что сам курганный обряд — при признании его заимствования местными коллективами — представлял собой качественную новацию, наложившую сильный отпечаток на предшествующие ритуальные традиции. Следует учитывать и слабые информативные возможности старых раскопок, дающие лишь суммарное представление об особенностях погребального обряда. Наконец, сложность заключается в изначальной ориентации сельских обитателей Водской земли и сопредельных районов на мощный

торгово-ремесленный центр Северо-Западной Руси — Новгород Великий. Из метрополии в новгородские владения массовым потоком поступала продукция городских мастеров (украшения, бытовые вещи, производственный инвентарь, оружие). На основе привозных образцов и заимствования технологических схем и приемов складывалась общерегиональная культура, по ведущим своим признакам связанная с Новгородом. Прежние племенные различия нивелировались, а постепенно и вовсе стирались.

О характере этого процесса можно судить по материалам вскрытого нами широкой площадью курганного могильника у дер. Бегуницы на Ижорском плато (Рябинин 1981: 28—34; 1983: 482—493). В середине — второй половине XI в. здесь появились первые курганные насыпи, под которыми были погребены умершие с необычной для славян восточной ориентировкой и элементами прибалтийско-финской культуры в инвентаре захоронений. Примерно на рубеже XI—XII вв. рядом с водским коллективом оседают славянские поселенцы, погребения которых образуют в составе могильника компактную обособленную группу. В ней представлены только захоронения с западной ориентацией и вещами древнерусских типов. В XII—XIII вв. наблюдается культурная интеграция обитателей двухобщинного поселка, выражающаяся в повсеместном распространении новгородских изделий и резком уменьшении финских элементов. Но местное население при этом не растворилось полностью в древнерусской среде. Оно продолжало сохранять племенные традиции в характере погребальной обрядности (восточная ориентировка умерших и другие специфические детали ритуала). На фоне постепенной нивелировки культурных различий здесь более стойкими и консервативными выступают элементы культурного порядка, лишь в слабой степени документированные материалами дореволюционных массовых раскопок.

По-видимому, приведенный пример достаточно типичен для зон чересполосного славяно-финского расселения. Межэтнический синтез, сопровождавшийся завязыванием брачных связей между новопоселенцами и местными группами, выразился в сложении своеобразной «вотландской» культуры конца XII—XIV вв. — новгородской по основным своим признакам, но обладающей вместе с тем рядом локальных особенностей. Некоторые категории материала и элементы погребальной обрядности, коррелирующиеся с палеоантропологическими данными, свидетельствуют о возможном сохранении в этот период еще не утративших племенной самобытности групп води (ср.: Седов 1953: 190—229; 1984: 155—161; 1987: 34—42).

Конечный результат встречи славян и финнов на путях массовой земледельческой колонизации в целом сомнений не вызывает: в XV—XVII вв. основная часть рассматриваемой территории была уже занята русским населением, поглотившим

к этому времени местный водский компонент. Славянизация воды протекала в условиях развернувшейся при Александре Невском христианизации края, создания здесь сети погостских центров с православными церквями и бескурганными кладбищами (Рябинин 1989а: 20—31). Следы былого присутствия прибалтийских финнов в Водской земле и Северо-Восточном Причудье запечатлены в некоторых гидронимах и названиях населенных пунктов эпохи составления переписных книг конца XV—XVI в. (Моора Х. А., Моора А. Х. 1965: 70; Попов 1981: 86—88). Отголоском былых традиций, восходящих к дорусскому населению, являются сообщения новгородских архиепископов Макария и Феодосия (вторая четверть XVI в.) о «прелести кумирьской», сохранявшейся при содействии «чудских арбуев» — жрецов — в окраинных погостах Водской земли (Кеппен 1851: 114). Становится очевидным, что ни один из рассматриваемых районов не мог стать очагом формирования современной водской народности. Где же располагался этот искомый ареал?

Работы предшествующих лет проводились в основном за пределами зоны этнографического расселения воды, характеризующейся почти полным отсутствием курганных могильников. В 1983—1988 гг. автором было предпринято планомерное археологическое обследование территории средневекового Толдожского погоста «в Чюди» в районе Котлов — старого водского прихода Каттила. Здесь у целого ряда деревень, заселенных в прошлом водью, были обнаружены древние бескурганные кладбища, известные у русских жителей региона под общим названием «чудские могилы». Вскрытие погребальных памятников у деревень Валговицы, Великино и Вердия принесло качественно новую информацию о происхождении культуры и ранних этапах этнической истории местной «чуди» — предков воды.

Древнейший тип погребальных сооружений представлен поверхностными каменными вымостками с оградками площадью 40—45 м² (Ryabinin 1990: 93—97). Одна из таких конструкций с находками I—II вв. н. э. использовалась для захоронения несожженных трупов. Более поздняя вымостка, датируемая III—IV вв., содержала остатки многочисленных кремаций, рассеянных среди камней или помещенных в миниатюрные каменные ящики. По своему характеру эти сооружения сближаются с каменными могильниками, получившими широкое распространение в финно-угорских областях Прибалтики и на юго-западе Финляндии. Значительна концентрация таких памятников на северо-востоке Эстонии, преимущественно вдоль побережья Финского залива. Самые восточные из них отдалены от водского региона не более чем на 40—45 км.

По единодушному мнению исследователей, каменные могильники с оградками можно с полным правом считать «нацио-

нальными» памятниками западных прибалтийских финнов, отделяющих их от восточной группы прибалтийско-финских племен (ср.: Лаул 1975: 380—381). Независимо от причин появления в ареале воды погребальных сооружений, сходных с могильниками эстонских племен, их открытие свидетельствует о включении этого региона с начала I тыс. н. э. в западнофинскую культурную область или, по меньшей мере, его освоении отдельными группами западнофинского населения.

Древности второй половины I—начала II тыс. н. э. здесь пока не выявлены. Возможно это объясняется практикованием у местного населения трудно уловимого обряда, отмеченного в ареале южной воды—помещения остатков человеческих сожжений непосредственно на поверхности земли. Лишь с переходом «чуждских» обитателей края к погребениям несожженных трупов в могильных ямах возникают крупные средневековые кладбища, доступные для широкого изучения.

Исследование свыше 200 труположений, наиболее ранние из которых датируются XII—XIII вв., а позднейшие относятся к концу XVIII в., позволило восстановить целостную типохронологическую колонку развития местной культуры, начиная с включения предков воды в орбиту древнерусской государственности и до этнографической эпохи.

Большинство грунтовых могил на поверхности выражено оградками из валунов или отдельных камней. Наряду с господствующей западной ориентировкой умерших встречается положение погребенных головой к востоку. Особенностью «чуждского» ритуала является помещение на могилы или рядом с ними преднамеренно согнутых или сломанных серпов, косгорбуш, ножей, разбитых сопел от сырдутных горнов.

Своеобразие местных культурных традиций наиболее ярко проявилось в женском погребальном уборе новгородского периода (XII—XV вв.). Для него типично использование парных нагрудных булавок и цепочек с разнообразными привесками, орнаментация верхней части одежды бронзовыми и оловянными колечками, нашивными оловянными бляшками. Специфическую деталь женского костюма составляли передники и спускавшиеся от пояса боковые полотенца (набедренники), которые окаймлялись по краю бронзовыми спиральками и оловянными колечками. Декор из спиралек применялся также для украшения головных уборов и мягкой кожаной обуви. Ряд украшений имеет аналогии в древностях Эстонии; в местной среде наряду с их необычайно длительным сохранением (по крайней мере до XVI в. включительно) отмечено появление дериватов, заметно отличающихся от ранних прототипов. В «чуждской» культуре представлена серия специфических элементов металлического убора, неизвестных на других территориях и явно связанных с древневодскими племенными традициями. Славяно-русское влияние, документированное присутст-

вию на памятниках хозяйственного инвентаря древнерусских типов, почти не отразилось в местном этнографическом комплексе. Таким образом, археология дает достаточно полное представление о длительном существовании на территории средневековых погостов «в Чюди» самобытного западнофинского племенного образования, сближающегося в культурном отношении с древними эстонцами, но прошедшего длительный и самостоятельный путь развития.

Особый интерес вызывает поздняя группа погребений (XVI—XVII вв.), позволяющая проследить трансформацию племенной культуры в культуру водской народности, этнографически засвидетельствованную с конца XVIII в. Этот переходный период характеризуется постепенной утратой прежнего функционального назначения нагрудных булавок при сохранении их традиционных форм, а затем и полном их исчезновении; появлением в декоре раковин каури и желтого бисера — типичных элементов водского убора XVIII—XIX вв. Наконец, к указанному времени относится широкое распространение многобусинных височных колец стандартной формы, известных в этнографическом материале воды. Появляющиеся качественно новые детали убранства вытесняли архаические типы украшений, однако преемственность самого комплекса одежды сохранялась.

Существование самобытного «чудского» образования и формирование на его основе общности надплеменного порядка определялось особым положением региона в системе Древнерусского государства. В отношении с Новгородом доминирующее место занимали не этнические, а социально-политические и экономические связи. Обилие на территории края богатых железом болотных руд способствовало раннему развитию здесь железоделательного и железообрабатывающего производств, продукция которых находила широкий спрос в русских землях. Сложившийся в эпоху средневековья экономический уклад, сочетавший в себе промышленную и сельскохозяйственную деятельность, в несколько видоизмененном виде сохранялся в водской среде еще в прошлом столетии.

Древнее племя корела — один из этнических компонентов, на базе которых сложилась современная карельская народность — впервые упомянуто в летописи под 1149 г. (НПЛ 1950: 27, 213). Из сообщений о том, что в 1227 г. карелы были крещены князем Ярославом Владимировичем, а около 1251 г. были данниками Новгорода, можно заключить, что это племя находилось тогда в номинальной зависимости от своего южного соседа. Вероятно еще раньше, в XII в., между новгородцами и корелой существовал и военный союз. Участие последней в боевых действиях русского войска отмечено летописью, начиная с 1149 г. Экстерриториальность Карелии по отношению к Руси сохранялась до последней трети XIII в., когда осложнившаяся военная обстановка на русско-шведском порубежье

ускорила включение племенной области в состав владений Великого Новгорода. К 1270-м гг. относятся первые упоминания о Карельской земле как особой территории Новгородского государства (см. об этом: Кирпичников, Рябинин 1982: 59—60; 1990: 109—110 и др. работы). После заключения Ореховецкого мирного договора 1323 г. между Новгородом и Швецией, определившего переход под власть Швеции трех западных карельских погостов, происходит политическое оформление границ Новгородской Карелии, исторические судьбы которой в последующем неразрывно связаны с Русью — Россией.

Племенная область корелы охватывала Карельский перешеек и Северо-Западное Приладожье. По наблюдениям С. И. Кочкуркиной, основанных на археологических данных, «в XII—XIV вв. летописная корела занимала огромную территорию, включающую Северо-Западное Приладожье с центром в Корельском городке, Юго-Восточную Финляндию (районы Саво и Лаппеэнранта) и Северную Приботнию» (Кочкуркина 1982: 75). Такое заключение в целом согласуется с лингвистическими выкладками Д. В. Бубриха, полагавшего, что к середине XII в. завершилось формирование нескольких групп корелы — привыборгской, присайменской, приботнийской и корелы в центральной части Карельского перешейка; к собственно древнекарельскому населению этот исследователь относил также ижору (Бубрих 1947: 32—33). Существование отдельных территориальных групп местного населения подтверждается письменными источниками XIV в., упоминающими «немецкую городецкую» (т. е. к этому времени находившуюся под властью Швеции) корелу в районе Выборга, «семидесятскую» и «кобылицкую» корелу (Кочкуркина 1982: 74—75). Однако сама принадлежность некоторых из них и, прежде всего, обитателей области Саво к древнекарельской общности далеко не бесспорна.

Вопрос о происхождении и ранней этнической истории корелы относится к числу традиционных тем отечественной и финляндской науки, его активная разработка продолжается и в настоящее время. Последние десятилетия ознаменованы появлением в нашей стране серии работ, целиком посвященных древнекарельской проблематике. Это, прежде всего, фундаментальные исследования С. И. Кочкуркиной, в которых обобщен и интерпретирован весь известный археологический материал (Кочкуркина 1978; 1981; 1982), а также работы А. И. Сакса и других авторов. Ниже мы лишь кратко остановимся на характеристике современного состояния этого направления научных изысканий.

К узловым проблемам, не утратившим своей дискуссионности и не получившим окончательного решения, относятся пути сложения древнекарельской общности и формирования «классической» карельской культуры XII—XIV вв., территория рассе-

ления корелы и степень этнической интеграции местных коллективов на разных этапах их исторического развития.

В современной литературе представлено несколько точек зрения на характер этнических процессов, определивших появление средневекового летописного образования (историографию вопроса см.: Хурре 1979: 138—142; Кочкуркина 1982: 7—13; Сакса 1985: 112—117). Широкое распространение получило мнение, согласно которому корела относительно поздно — в XI—XII вв. — сформировалась на Карельском перешейке в результате слияния местного (западнофинского) и пришлого из Юго-Восточного Приладожья населения (правда, оценка слагаемых компонентов трактуется далеко не равнозначно). В последнее время вновь выдвинута гипотеза об автохтонном происхождении карел, их сложении на основе местных племен, заселявших в каменном веке юг Карелии и юго-восток Финляндии. Однако недостаточная изученность памятников различных эпох не позволяет проверить это предположение на археологическом материале. Более перспективны ведущиеся поиски истоков средневековой карельской культуры в древностях I — начала II тыс. н. э.

Материалы I тыс. н. э. в Северо-Западном Приладожье известны пока слабо. Наиболее ранние из них, датируемые второй—третьей четвертью I тыс. н. э., представлены отдельными вещами общеприбалтийских типов, возможно принадлежащих бродячим охотникам. Единичные погребальные памятники этого периода, обнаруживая близость к прибалтийской культурной общности, также не имеют определенной этнической атрибуции.

Древности IX—XI вв. более многочисленны и разнообразны. На рассматриваемой территории в этот период практиковался обряд трупосожжения с помещением остатков кремации под поверхностными каменными вымостками; аналогичный обряд бытовал и в Восточной Финляндии. В особую группу выделяются два археологических объекта, расположенные в стороне от скопления памятников на Карельском перешейке: погребение под каменной кучей у гор. Выборга (Эссари, около 900 г.) и каменные курганы в Северном Приладожье (Хелюля, XI в.). Комплекс в окрестностях Выборга, по предположению А. М. Тальгрена, принадлежал выходцу из прибалтийских земель, возможно из Эстонии; каменные курганы на севере Ладожского озера С. И. Кочкуркина интерпретирует как проявление синтеза разноэтнических традиций в контактной зоне древнекарельского населения с предками вепсов, карел-ливвиков и карел-людиков.

Материальная культура Северо-Западного Приладожья последней четверти I тыс. н. э. характеризуется в целом общеприбалтийским набором древностей. В X—XI вв. прослежива-

ется тенденция к формированию устойчивого вещевого комплекса, рассматриваемая исследователями как выражение начавшейся культурной дефиниции карельского общества. Она проявляется в избирательном усвоении наиболее популярных в финском регионе предметов вооружения и украшений. Оружие имеет североευропейское происхождение, набор украшений представлен широко распространенными западнофинскими типами изделий. Эти данные свидетельствуют о существовании тесных контактов местного населения с обитателями более западных районов Финляндии и центрами международной торговли Балтийского региона. Вместе с тем, в XI в. происходит определенная переориентация связей на юг и восток, обусловленная включением рассматриваемого региона в систему международного Волжско-Балтийского пути. С этого времени большое распространение получают изделия древнерусских типов, повышается «удельный вес» материальных элементов, происходящих из финноугорских областей Северной Руси (Кочкуркина 1982: 21—31; Сакса 1990: 24—25; Сакса, Тюленев 1990: 71—72). Активизация межрегиональных связей, основанная, прежде всего, на пушной торговле, способствовала более ускоренным темпам социальной стратификации местного общества и выделению в его среде военно-дружинного сословия. К XI—XII вв. относится появление «промежуточной группы предметов», эволюционно связанной с культурой корелы летописного периода (Кочкуркина 1982: 28). Следует, однако, отметить, что переходное звено в этой линии развития прослеживается слабо и лишь в малой степени объясняет феномен вполне сложившейся яркой и своеобразной «классической» культуры корелы XII—XIV вв.

Основным археологическим источником для изучения последней служат материалы грунтовых могильников, исследованных в 1880—1930-х гг. на Карельском перешейке (раскопки Т. Швиндта и Э. Кивикоски) и в районе г. Миккели в области Саво (Финляндия). Важная информация о культуре, хозяйстве и быте средневекового населения Северо-Западного Приладожья получена в последние десятилетия в результате раскопок городского центра Новгородской Карелии — древней Корелы (А. Н. Кирпичников), городища Паасо и Тиверского городка (С. И. Кочкуркина), сельских поселений и культовых памятников Карельского перешейка (А. И. Сакса).

Период расцвета «классической» культуры корелы отразился в погребальных памятниках лишь в небольшом хронологическом диапазоне — предположительно со второй половины — конца XII в. до начала XIV в., т. е. на протяжении не более одного — полутора столетий (Сакса 1984: 12—14). Уже во второй половине XIII—XIV вв. появляются первые христианские безинвентарные погребения, а в XIV—XV вв. господствуют захоронения с преобладающей западной ориентировкой

в гробах или колодах без сопутствующих находок или с минимальным количеством вещей (Кочкуркина 1982: 50—51).

В могилах, относящихся к эпохе расцвета древнекарельской культуры, обнаружены в основном трупоположения с характерной для них северной или северо-восточной ориентировкой. Погребения совершались в срубных рамах или в конструкциях, имеющих форму ящика с дном и крышкой из досок и более толстыми поперечными рамами. На месте могил часто встречаются керамика, угли, обожженные камни; в нескольких случаях отмечено наличие каменных вымосток над погребениями. Широко практиковалось помещение рядом с умершими предметов вооружения и орудий труда.

В женском уборе представлен выработанный и устойчивый набор металлических украшений, многие из которых могут быть по праву отнесены к этноопределяющим элементам местной культуры (головные застёжки-«сюкерё», подковообразные двускатные, овальные и кругловыпуклые фибулы с характерным «романским» орнаментом, цепедержатели, копоушки, парадные составные ножны и т. д.). В корельских по происхождению ювелирных изделиях ощущается заметное воздействие культурных традиций Новгорода, о. Готланд, скандинавских и прибалтийских стран, с которыми корела поддерживала прямые торговые контакты. Особая значимость древнерусского влияния определялась включением Северо-Западного Приладожья в систему социально-экономических связей Новгородской земли. Археологические материалы свидетельствуют о широком распространении севернорусской ремесленной продукции в местной среде, многие образцы которой воспринимались и творчески перерабатывались корельскими мастерами. Под прогрессивным славянским влиянием кузнечное ремесло Северо-Западного Приладожья в XII—XIV вв. достигло уровня, по набору технологических приемов вполне сопоставимого с уровнем развития городского производства Новгородской земли. Показательно, что и наиболее массовая категория находок — гончарная посуда — аналогична древнерусской керамике или близко ее напоминает (см. об этом: Кочкуркина 1986).

Хозяйство средневековой корелы в XII—XIV вв. имело комплексный характер и основывалось на пашенном земледелии и животноводстве. В земледелии заметная доля сохранялась за подсечно-залежной системой. Значительная роль в местной экономике принадлежала лесным промыслам и рыболовству. Судя по результатам исследования сельских поселений, последние имели небольшие размеры, по-видимому, представляя собой отдельные дворы — хутора (Сакса, Тюленев 1990: 73).

В отличие от Водской земли Новгородская Карелия не была захвачена потоком древнерусской крестьянской колонизации. Даже в эпоху сложения Русского централизованного государства исконная древнекарельская территория была заселена,

главным образом, карелами, потомками летописной корелы (Кочуркина 1986: 125). Русское население концентрировалось здесь лишь в отдельных пунктах, являвшихся военно-административными и торгово-ремесленными центрами края. Раскопки Корельского городка на р. Вуоксе, основанного новгородцами в 1310 г., показали существование в нем русской и корельской общин (Кирпичников 1979: 52—73). Смешанное новгородско-карельское население проживало, по-видимому, и в Тиверском городке — опорном пункте на русско-шведском порубежье, построенном в XIV в. для прикрытия пути к административному центру региона Кореле.

Экономический подъем Карельской земли и внешнеполитические события способствовали этнической интеграции племенных групп и формированию на их основе средневековой карельской народности. Именно этот процесс и нашел свое археологическое отражение в расцвете древнекарельской «классической» культуры XII—XIV вв.

К югу от корелы обитала ижора, впервые упомянутая в летописи под 1228 г. (НПЛ 1950: 65). Это племя являлось постоянным и верным союзником Великого Новгорода в обороне порубежных территорий. Согласно историческому рассказу о Невской битве 1240 г. ижора держала стражу в устье Невы, первой оповестив князя Александра о появлении шведов. В этом повествовании она выступает в качестве федерата Новгорода, сохранявшего племенную автономию, имевшего собственную военную организацию и управляющегося «старейшиной земли Ижерстей». Во второй половине XIII в. завершилось включение Ижорской земли в состав основной территории Новгородского государства (более подробно см.: Рябинин 1990: 31—41).

Территория первоначального расселения ижоры, реконструируемая по историческим данным XIII—XV вв., включала бассейны рек Невы и Ижоры. С запада она граничила с Водской землей, с востока примерно по течению р. Назии — с Лопской землей, с севера по р. Сестре и Лемболовским высотам в южной части Карельского перешейка — с Корельской землей. Военно-административным центром Ижорской земли являлся город-крепость Орехов (Орешек), построенный в 1323 г. новгородцами на острове в истоке Невы.

Проблема происхождения и этнической истории средневековой ижоры имеет непосредственное отношение к формированию современной ижорской народности, заселявшей в XVIII—XIX вв. южное побережье Финского залива от Наровы до Невы; кроме того, компактная ижорская группа сохранялась в тот период в верхнем течении Оредежа. Язык ижоры близкородственен карельскому и обнаруживает значительное сходство с восточными диалектами финского языка.

По мнению Х. А. и А. Х. Моора, летописная ижора сформировалась на базе местного населения, освоившего бассейн Невы еще в неолитическую эпоху и принадлежавшего к предкам прибалтийских финнов; при этом не исключается и возможное участие в этногенезе этой группировки переселенцев из Карелии, оказавших известное воздействие на древнейший субстрат (Моора Х. А., Моора А. Х. 1965: 69, 70). Большинство же исследователей — лингвистов, историков, археологов и этнографов — склонны связывать происхождение ижоры с относительно поздним продвижением на юг части древних карельских племен и их последующим обособлением. Согласно лингвистическим разработкам А. Х. Лаанеста, выделение ижоры из недр еще не распавшейся древнекарельской языковой общности произошло в первые века II тыс. н. э. Обособлению ижорской группировки от близкородственного населения западной части Карельского перешейка (не исключено даже, что на начальном этапе существования древнеижорского образования предки современных жителей Юго-Восточной Финляндии — эврмейсет — составляли с ижорой одно племя) способствовали и политические события XIV в. (Лаанест А. Х. 1966; 1978: 41—46).

Археологические находки в пределах Ижорской земли малочисленны и в основном обнаружены при случайных обстоятельствах. Сведения о них были суммированы А. М. Тальгреном в работах 1920—1930-х гг. (Tallgren 1928: 162—164; 1938: 79—108). В последующий период эти данные фактически не учитывались при изучении этнокультурных вопросов. Однако их информативные возможности, учитывая пополнение источниковедческой базы новыми находками, далеко не исчерпаны.

О проживании на рассматриваемой территории населения в XII—XIV вв. свидетельствует наличие здесь единичных грунтовых захоронений. Так, у дер. Мишкино (междуречье Мги и Нази) в 1904 г. был обнаружен комплекс вещей второй половины XIII — начала XIV в., принадлежавший одному женскому захоронению. Он представлен целостным набором древнекарельских украшений без какой-либо примеси инородных элементов. Еще один грунтовый могильник зафиксирован в 1908 г. в Инкере-Войскорово (нижнее течение р. Ижоры). Здесь были обнаружены мужское и женское труположения, датируемые концом XII—XIII в. В состав женского инвентаря входил ряд типично корельских украшений, но последние дополнялись изделиями древнерусских типов (ромбошитковое височное кольцо, витая шейная гривна). В XII—XIII вв. происходит проникновение вещей древнекарельского происхождения и далее на восток, вплоть до Волхова (грунтовый могильник у дер. Пупышево). Показательно появление древнекарельских изделий в курганно-жальничных могильниках XIII—XIV вв. на Ижорской возвышенности в пределах Водской земли. Основная часть таких находок представлена в комплексах с типичными для

региональной «вотландской» культуры древностями; устанавливается творческая переработка чужеродных образцов и приспособление их к местным вкусам. Концентрация корельских вещей на востоке плато, в контактной зоне с Ижорской землей, прямо указывает на источник их заимствования от соседней ижоры (Рябинин 1989б: 25—33).

Интересные данные получены в последнее время при исследовании городского центра Ижорской земли — крепости Орешек, в нижних отложениях которой (XIV—XV вв.) найдена значительная серия предметов, относящихся к этноопределяющим элементам корельской культуры (сведения автора раскопок В. И. Кильдюшевского); принадлежность этих изделий именно ижоре, с XIII в. несшей «стражу» на Неве, не вызывает сомнений.

Таким образом, археологические материалы с полной очевидностью указывают на культурное родство ижоры с корелой и в целом согласуются с заключением лингвистов о сравнительно позднем обособлении этих группировок друг от друга. Дальнейшее развитие ижоры определялось целым рядом внешних и внутренних факторов. Судя по находкам из Инкере-Войсковоро, в XIII в. в Ижорской земле происходил значительно более активный, чем в Северо-Западном Приладожье, процесс культурной ассимиляции финноязычного населения, проявившийся в усвоении славянских элементов убора, не воспринятых их северными сородичами. Ижорская группировка, оказавшаяся в сфере мощного экономического воздействия Древнерусского государства, неминуемо должна была утратить ряд этнографических особенностей, восходящих к древнекарельским традициям. Этому способствовали и следующие важные факторы: последствия Ореховецкого договора 1323 г., политически закрепившего ижору за Новгородом, а близкородственное ей население западнокарельских погостов — за Швецией; славянское земледельческое освоение ядра ижорской территории; наконец, начавшийся отток части ижоры из района первоначального обитания в западном, восточном и южном направлениях.

Проникновение славянских земледельцев в западную часть Ижорской земли археологически документировано наличием в верховьях р. Ижоры Гатчинского могильника, включавшего грунтовые захоронения XIV—XV вв. и не подвергавшиеся исследованию курганные насыпи, предположительно датируемые XII—XIII вв. (Равдоникас 1932: 24—31). Массовое же освоение этой территории новгородскими крестьянами протекало уже в период перехода к грунтовым сельским кладбищам, что могло иметь место лишь в XIV в. Последствия этого процесса нашли отражение в материалах писцовых книг 1500 г. К концу XV в. на некоторых участках (можно указать, в частности, на уже существовавшее в это время название южного притока Невы — Словенка, ныне Славянка) сложилась сеть ижорских и рус-

ских селений, хозяйство которых носило земледельческо-промысловый характер при значительной роли в нем рыболовства. Во многом неясным остается вопрос о времени и путях сложения западных групп ижоры, заселявших южное побережье Финского залива вплоть до Лужско-Нарвского междуречья. Известные памятники этого обширного участка представлены грунтовыми кладбищами, серийно выявленными в бассейне р. Коваши, на Кургололовском и Сойкинском п-овах и в нижнем течении р. Луги. Начало их изучения связано с именем А. М. Раевской, предпринявшей в 1966 г. раскопки Усть-Рудицкого могильника. В 1970-х гг. автором произведено изучение разрушенного могильника у д. Извоз в низовьях Луги, с начала 1980-х гг. активное исследование грунтовых кладбищ проводится О. И. Коньковой (Конькова 1985: 74—77; 1990: 31—35; 1992: 92—105). Особенностью этих работ является их приуроченность к зонам распространения ныне существующих ижорских диалектов — хэваского (бассейн р. Коваши), сойкинско-го и нижнелужского.

Погребения, совершенные по обряду трупоположения, занимают склоны холмов или возвышенные берега рек. Поверхностные каменные конструкции над ними за единичными исключениями отсутствуют. Инвентарь захоронений беден и представлен в основном вещами русских типов. Лишь некоторые ритуальные особенности и элементы металлического убора умерших указывают на их неславянскую принадлежность. Основная часть исследованных комплексов относится к XIV—XVII вв., хотя имеются данные о наличии здесь отдельных захоронений XII—XIII вв. По характеру культуры этот пласт памятников существенно отличается от древностей XII—XIV вв. Невско-Ижорского бассейна. В определенной степени это обусловлено поздним временем самих могильников, в рамках которого развернулась активная христианизация ижоры и происходила утрата древних этнографических особенностей. Следует учитывать однако, еще один возможный фактор, наложивший отпечаток на культурную дифференциацию ижорских групп — участие в этногенезе западных ижорцев каких-то пока археологически не выявленных автохтонных родоплеменных образований. Косвенным подтверждением последнего предположения служат лингвистические данные о наличии в западных диалектах ряда весьма древних языковых черт, не представленных в восточноижорских диалектах.

Не позднее XIV в. развернулся процесс взаимодействия западных групп ижоры с воедь в ареале погостов «в Чюди». На это указывают языковые и этнографические данные о кревинах — потомках угнанных в середине XV в. ливонскими рыцарями в Курляндию обитателей нижнелужских водских деревень; в этнографическом уборе последних сохранился ряд элементов, связываемых с ижорским костюмом (Manninen 1925:

128—133). В документах конца XV в. фиксируется проживание ижорцев на участке между верхним течением р. Ордеж и оз. Вялье, где позднее формируется верхнеордежский диалект ижорского языка. В целом историко-археологические данные не оставляют сомнения в том, что территория современного ижорского расселения сложилась в своих ареальных границах не позднее XIV—XV вв.

* * *

В данной статье затронуты лишь некоторые аспекты сложной и многогранной проблемы, связанной с историко-археологическим изучением финно-угорских племен Новгородской земли. Не вызывает сомнения, что лишь комплексный подход к существующим видам источников наряду с их дальнейшим накоплением позволит в последующем восстановить целостную картину протекавших в этом обширном регионе процессов, оказавших непосредственное воздействие на формирование его современного населения.

Бубрих Д. В. 1947. Происхождение карельского народа. Петрозаводск.
Гадзяцкий С. С. 1940. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства//Ист. зап. VI. М.: 100—148.

Древнерусские... 1976. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М
Кеппен П. И. 1851. Водь и Вотская пятна//ЖМНП, XX, отд. II. СПб.: 114—140.

Кирпичников А. Н. 1979. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.)//Финно-угры и славяне. Л.: 52—73.

Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. 1982. Финно-угорские племена в составе Новгородской земли (некоторые итоги новых исследований)//СА. № 3: 47—60.

Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. 1990. Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства//Финны в Европе. VI—XV вв. Вып. 2. Л.: 101—120.

Конькова О. И. 1985. Ижорские могильники//Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: 74—77.

Конькова О. И. 1990. Исследования ижорских средневековых могильников. Итоги и перспективы//Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л.: 31—35.

Конькова О. И. 1992. Вопросы ранней истории финноязычного населения нижнего течения р. Луги//Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. Л.: 92—105.

Кочуркина С. И. 1978. Территория летописной корелы в XII—XIV вв. (по археологическим данным)//Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск: 41—70.

Кочуркина С. И. 1981. Археологические памятники корелы V—XV вв. Л.

Кочуркина С. И. 1982. Древняя корела. Л.

Кочуркина С. И. 1986. Корела и Русь. Л.

Лаанест А. Х. 1966. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллинн.

Лаанест А. Х. 1978. Историческая фонетика и морфология ижорского языка//Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тарту.

Лаул С. К. 1975. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тыс. н. э.//Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. Саранск: 378—384.

Лиги П. 1986. О води на территории Эстонии//Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, № 35: 155—161.

Моора Х. А., Моора А. Х. 1965. Из этнической истории води и ижоры//Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллинн: 63—85.

НПЛ 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.

Попов А. И. 1981. Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.

Равдоникас В. И. 1932. Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчина)//СГАИМК. № 11—12: 24—31.

Рябинин Е. А. 1981. Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам Ижорской экспедиции)//КСИА. № 166: 28—34.

Рябинин Е. А. 1983. Древнейший памятник води в Новгородской земле//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л.: 482—493.

Рябинин Е. А. 1989а. От язычества к двоеверию (По археологическим материалам Северной Руси)//Православие в Древней Руси. Л.: 20—31.

Рябинин Е. А. 1989б. Ножны и литые рукояти ножей северо-западных районов Руси//КСИА. № 195: 25—33.

Рябинин Е. А. 1990. Ижора//Финны в Европе. VI—XV вв. Вып. 2. Л.: 31—41.

Сакса А. И. 1984. Карельская земля в XII—XIV вв. (по археологическим данным)//Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Сакса А. И. 1985. Древности карел на современном этапе исследования//Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн: 108—117.

Сакса А. И. 1990. 100 лет археологического изучения корелы//Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. Л.: 22—30.

Сакса А. И., Тюленев В. А. 1990. Корела//Финны в Европе. VI—XV вв. Вып. 2. Л.: 70—82.

Седов В. В. 1953. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.)//СА. Т. VIII: 190—229.

Седов В. В. 1984. Водь//Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: 155—161.

Седов В. В. 1987. Водь//Финно-угры и балты в эпоху средневековья: Археология СССР. М.: 34—42.

Спицын А. А. 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского//МАР. № 20. СПб.

Хурре М. 1979. Концепции финских археологов о происхождении племени карелов и культуры Карелии в эпоху железного века//Финно-угры и славяне. Л.: 7—13.

Manninen I. 1925. Kreevini rahvariie ja selle etnograafiline sugulus//Eesti Rahva Muuseumi Aastaramat (Tartu). N 1: 128—133.

Ryabinin E. A. 1987. The Chud of the Vodskaya Pyatina in the Light of New Discoveries//Fennoscandia archaeologica IV. Helsinki: 87—104.

Ryabinin E. A. 1990. New Data on the Ancient Vod Culture//Fennougric et slavi 1988: Iskos 9. Helsinki: 93—97.

Tallgren A. M. 1928. Die russischen und asiatischen archeologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands//ESA, III: 160—172.

Tallgren A. M. 1938. The prehistory of Ingria//ESA, XII: 79—108.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

МАР — Материалы по археологии России. СПб.

СА — Советская археология. М.

СГАИМК — Сообщения Гос. академии истории материальной культуры.

ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.

ЮЖНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ В СИСТЕМЕ ТРАНСЕВРАЗИЙСКИХ СВЯЗЕЙ IX—XII вв.

Обширное пространство северо-запада Восточной Европы, вплоть до продвижения сюда в середине I тысячелетия н. э. славянских племен, было занято прибалтийско-финским населением. В вопросе о том когда, где и в каких условиях сложилась эта общность и какие археологические памятники являются ее отражением, существует целый ряд мнений (Аристе, 1956: 5—11; Третьяков, 1966: 59—61; Седов, 1987: 13), несмотря на большое количество точек зрения на происхождение прибалтийских финнов, можно с уверенностью говорить об их существовании в начале I тыс. н. э. (Попов, 1973: 221), что основывается на упоминании Корнелием Тацитом «феннов». Более поздняя история региона в целом, и конкретно — южного Приладожья, изучена достаточно фрагментарно и представляется исследователям как период относительно спокойного развития местных коллективов (Гурина, 1961: 114—115). Новые сведения о населении этого региона мы можем почерпнуть из труда готского историка Иордана, в котором он упоминает чудь и весь (Иордан, 1960: 150). Отмечая сложность и неоднозначность интерпретации этих сведений и локализации перечисленных народов на карте (Носов, 1976: 95—110), необходимо отметить, что к VI в. уже не только сформировались народности, которые современные исследователи связывают с территорией южного Приладожья, но и контакты этих племен стали настолько широки, что информация о них распространилась в Европе. В дальнейшем трансевропейские контакты южноприладожского населения не только не ослабли, но и возросли настолько, что превратились, на наш взгляд, в один из ведущих факторов развития региона. Характер, направление и интенсивность связей неоднократно менялись за многовековую историю Приладожья. Наибольшей интенсивности и многообразия они достигли в IX—XII вв., когда на южных берегах Ладожского озера сложилась своеобразная историко-культурная общность, в материальной культуре которой прослеживаются влияния Скандинавии, Западной Европы, Балтийского региона, арабских стран, народов Восточно-Европейских степей, Византии и других регионов. Попытке предварительной реконструкции этого многообразного и противоречивого процесса посвящена настоящая работа.

Последняя треть I тысячелетия н. э. ознаменована появлением в южном Приладожье археологических памятников нового типа. В первую очередь, это Ладожское поселение, отлични-

тельные черты которого проявляются в смешанном характере материальной культуры, обусловленном развитыми торговыми связями, и в отчетливо прослеживаемых элементах ремесленного производства (Рябинин, 1985: 73). Время начального освоения исследованного участка Земляного городища относится к 750-м годам. По мнению В. А. Назаренко, богатая бурными событиями история Ладоги не сильно повлияла на развитие местных племен (Назаренко, 1979: 107). Действительно, в нижних слоях Староладожского поселения найдено всего две вещи, которые можно связать с финским населением (Давидан, 1986: 103). Однако, с нашей точки зрения, вопрос о характере контактов между ладожским населением и местными финскими племенами можно будет решить только после выявления пласта древностей собственно финского населения второй половины VIII — первой половины IX в. и пристального изучения их материальной культуры. Только на основе этого можно будет определить, существовали ли у финского населения южного Приладожья те категории изделий, за исключением мехов и других предметов из органических материалов, не оставивших следов в материальной культуре, которые могли бы привлечь жителей Ладоги.

Со второй половины VIII в. Ладожское поселение включилось в формирующуюся систему трансевразийской торговли. Оживленный характер связей подтверждает находка одного из древнейших русских кладов с датой чеканки «младшей» монеты 786 г. Кроме того показательно крайне незначительное запаздывание монет в этот период. Например, монета 768 г. чеканки найдена в комплексе конца 760 — конца 770-х гг. (Рябинин, 1985: 73).

Начиная с 810-х гг. облик Ладожского поселения несколько меняется. Происходит общий рост территории застройки, о чем свидетельствует появление построек на левом берегу р. Ладожки (Петренко, 1985: 113—115). Эти изменения, предположительно, отражают увеличение роли Волховского участка трансевразийских путей и возрастание интенсивности движения товаров и людей через Ладогу. Кроме увеличения объема внешнеторговых операций, Ладожское поселение в 810—860-е гг., видимо, принимает на себя весьма важные функции в торговых операциях с окружающими финскими племенами. Об этом свидетельствуют находки большой массы бус, хранящихся в нескольких ладожских постройках. Всего в двух постройках, исследованных Е. А. Рябининым, найдено более 250 стеклянных изделий и более 160 изделий из янтаря и заготовок для них. Кроме того, в нежилой постройке, примыкающей к одной из упомянутых, были найдены остатки стеклоделательной мастерской, работавшей на привозном сырье (Рябинин, Черных, 1988: 87—89). Изготовление в таком количестве стеклянных и янтарных изделий предполагает наличие для них

рынка сбыта и маловероятно, что потребителями этой продукции были жители Скандинавии. Таким образом, ключевым вопросом при выявлении района тесного контакта финского населения и ладожан становится вопрос выявления массовых памятников этого периода.

Последняя треть I тыс. н. э. характеризуется, кроме появления нового типа поселений, изменением в погребальных традициях приладожского населения, а именно появлением захоронений под курганными насыпями. Ведущую роль в процессе знакомства населения южного Приладожья с этим типом обряда следует, видимо, отдать коллективам, соорудившим высокие монументальные сооружения, получившие в археологической литературе название «сопки». Вопрос о хронологии этих памятников в настоящее время окончательно не решен, но среди раскопанных в нижнем Поволжье 24 насыпей раннюю дату, по всей видимости, маркирует сопка № 140, исследованная Н. Е. Бранденбургом (Бранденбург, 1895: 137—138). Здесь обнаружены части неволинской поясной гарнитуры, находящие прямые аналогии в материалах Деменковской стадии верхнекамских могильников — конец VII—VIII в. (Голдина и др., 1980: 140, рис. 6). Высокие сопковидные насыпи существуют и в юго-восточном Приладожье, известны они в бассейне р. Сясь и на некоторых ее притоках. Но следует отметить, что серия вещей происходит только из погребальной насыпи № 3 могильника у д. Городище на р. Сясь, раскопанной в 1987—1988 гг. Центральное погребение первоначальной насыпи по аналогиям бронзовому литому браслету с расширяющимися концами и стратиграфическому положению также может быть отнесено к VIII в. (Богуславский, 1989: 30—32). Кроме памятников, связываемых с сопками, в юго-восточном Приладожье существует еще только один пункт, который с достаточной условностью можно отнести к последней трети I тыс. н. э. Это находка меча типа «В» по Я. Петерсену у д. Бор на реке Оять. Этот тип мечей относится к VIII—первой половине IX в., однако приладожский экземпляр является случайной находкой, которая происходит, видимо, из разрушенного погребения и определить ее точную дату невозможно.

Список памятников рассматриваемого периода дополняется материалами раскопок поселения у д. Городище на р. Сясь. В весьма немногочисленных находках с этого поселения, на что несомненно накладывает отпечаток расположение раскопа на самом краю жилой площадки городища, прослеживаются контакты с весьма удаленными территориями, среди которых особо следует отметить вещи, аналогичные находкам на городищах Псковском, Камно, Рыуге и на Ладожском поселении (Мачинская, 1989: 17—19). Также обращает на себя внимание и тот факт, что в материалах раскопок Городища, как и в нижних слоях Ладоги, нет вещей, которые можно было бы уверенно

связать с финским миром. В целом по материалам городища на р. Сясь можно сделать следующие заключения: судя по полному отсутствию раннегончарной керамики, городище прекратило свое существование до 930-х гг., если принять дату появления кружальной керамики в Ладогe (Рябинин, 1985: 37), что касается нижней даты городища, то судя по находкам бус, оно возникло не позднее второй половины IX в., а видимо и ранее; функции и судьба этого поселения в регионе юго-восточного Приладожья во многом были сходны с характером и судьбой Староладожского поселения (Богуславский, 1992: 141—143).

Появление в юго-восточном Приладожье погребальных памятников, характеризующихся размещением останков кремнированных, в стороне от места захоронения, покойников под относительно невысокими курганными насыпями в сопровождении значительного количества вещей, относится к 860-м гг. (Богуславский, 1992а: 114—135). По мнению В. А. Назаренко, с момента появления первых памятников Приладожской курганной культуры ее погребальную обрядность составляют два типа ритуалов (Назаренко, 1983: 151). Один из них представлен разделенными на мужскую и женскую, восточную и западную половины сооружениями с помещенными, в соответствии с этим делением на основание и в насыпь остатками кремации мужчин и женщин. Этот тип обряда восходит к погребальным памятникам докурганного периода — наземным, квадратным в плане дерево-земляным сооружениям с очагом в центре и разделением на мужскую и женскую половины — «домикам мертвых». Курганы, характеризующиеся обрядом второго типа, не разделяются на мужскую и женскую части и, как правило, в насыпи содержат остатки нескольких, расположенных рядом или отдельно друг от друга сожжений мужчин и женщин. По всей вероятности, на эти памятники большое влияние оказал сопочный обряд погребения и грунтовые захоронения (Назаренко: 1982: 144—147).

Памятники периода 860—890-х гг. (Богуславский, 1992а: 43—135; Богуславский, 1991: 99—114) занимают весьма небольшой район нижнего течения рр. Паши и Ояти (рис. 1: 1) и количество их невелико. Однако, вопрос об обрядовых характеристиках этих комплексов достаточно сложен, поскольку они сочетают целый ряд весьма разнообразных элементов. Памятники этого района рассматриваются В. А. Назаренко как переходные от второго типа обряда к первому, и как характеризующие их взаимовлияние. Отражение этого процесса он видит в том, что при сохранении размещения захоронений на поверхности специально возведенной первичной насыпи существуют особенности, отличающие обряды первого типа: устройство очага на гравии в центральной части сооружения и деление погребальной площадки на мужскую и женскую половины (На-

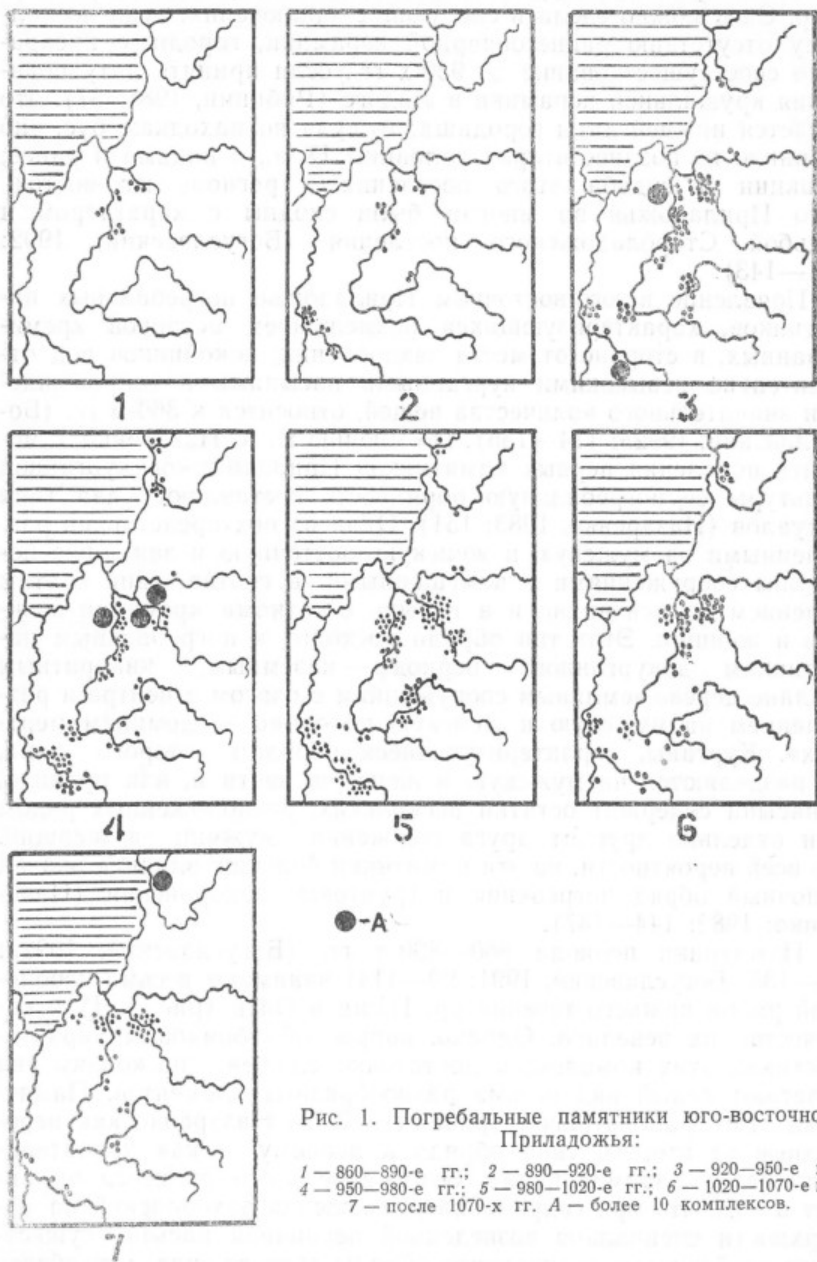

Рис. 1. Погребальные памятники юго-восточного Припатья:

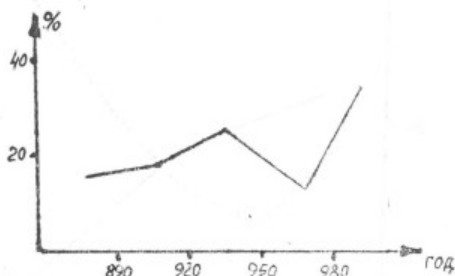
1 — 860—890-е гг.; 2 — 890—920-е гг.; 3 — 920—950-е гг.;
 4 — 950—980-е гг.; 5 — 980—1020-е гг.; 6 — 1020—1070-е гг.;
 7 — после 1070-х гг. А — более 10 комплексов.

заренко, 1983: 154—155). Однако, и эти особенности не всеобъемлющи.

Период 860—890-х гг. также характеризуется определенными изменениями на Староладожском поселении, выразившимися в расширении его площади и увеличении плотности застройки (Кузьмин, Мачинская, 1989: 143; Рябинин, Черных, 1988: 91—93). Этому предшествовали сильные потрясения, с которыми связано почти полное уничтожение построек горизонта E_2 в пламени пожара, который относится ко второй половине 860-х гг. (Рябинин, Черных, 1988: 89—91). По мнению Е. А. Рябинина, он связан с событиями, зафиксированными Начальной летописью как изгнание варягов-находников и последующее призвание Рюрика (Рябинин, Черных, 1988: 91). По нашему

Рис. 2. Изменение количества типов вещей, запаздывающих в юго-восточном Приладожье по отношению к Ладоге.

мнению, к этому же периоду относится и начало сооружения погребальных насыпей в урочище Плакун (Богуславский, 1992а: 146—148).

Вопрос о степени влияния процессов, происходивших в нижнем Поволховье, на население юго-восточного Приладожья упирается в проблему интенсивности связей между этими частями региона. Отражением этого является увеличение или уменьшение процента типов вещей, запаздывающих в погребениях юго-восточного Приладожья по сравнению с Ладогой. Можно предположить, что этот показатель отражает только некоторые закономерности погребального обряда, например, погребение женщин в свадебном уборе. Но в этом случае показатель оставался бы неизменным и отражал бы соотношение между количеством мужских и женских погребений в каждом периоде. Однако, этого не происходит. На наш взгляд, на динамику этого процесса влияют, с одной стороны, — скорость поступления вещей из Ладоги в юго-восточное Приладожье, с другой стороны — время использования вещей их владельцами. Несомненно, что последний фактор также сильно зависит от интенсивности поступления новых вещей, что, в свою очередь, влияет на «вымывание» из живой культуры архаичных типов. Таким образом, период 860—890-х гг. характеризуется весьма тесными связями Ладоги и Приладожья (рис. 2), по-

сколькx процент запаздывания типов вещей один из самых низких за весь период существования культуры. Хотя внешние связи Ладоги в это время весьма интенсивны, в материальной культуре Приладожья прослеживается влияние всего двух традиций (рис. 3) — финской и скандинавской. Кроме того, на ран-

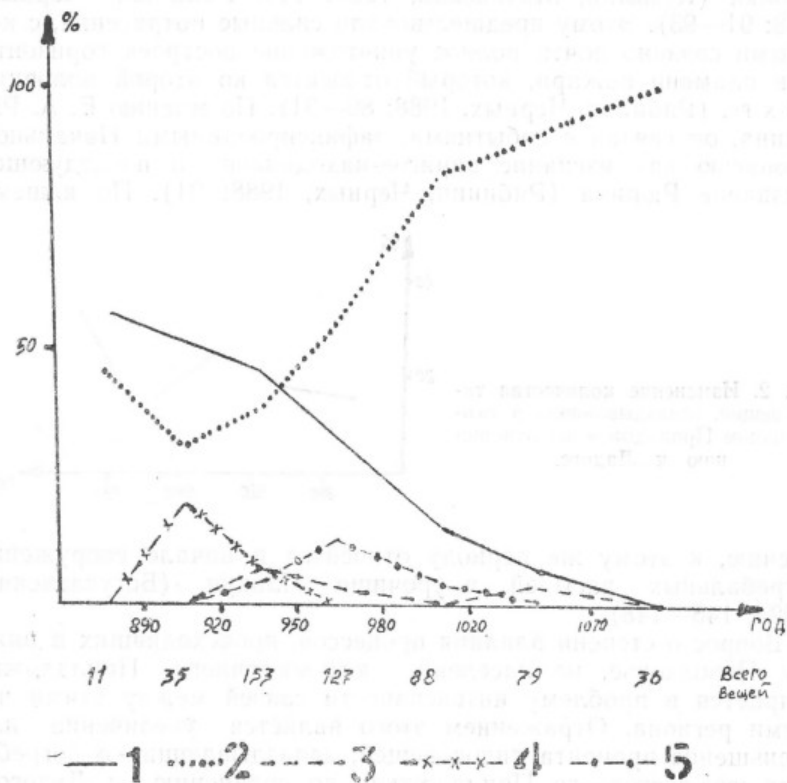

Рис. 3. Изменение соотношения количества различных этнокультурных компонентов в материальной культуре юго-восточного Приладожья:

1 — скандинавские вещи и поступившие при посредстве скандинавов; 2 — финские вещи; 3 — византийские вещи и вещи Венгерско-Дунайского круга; 4 — вещи круга салтовских древностей; 5 — вещи круга древностей Волжской Булгарии.

нем этапе развития Приладожских курганов присутствуют элементы скандинавского происхождения в погребальном обряде. Влияние норманов на приладожскую обрядность в целом проявилось, прежде всего, в переходе к размещению захоронений прямо на основании погребального сооружения, а для некоторых районов в знакомстве населения собственно с курганным обрядом (Назаренко, 1983: 155—156).

Можно предположить, что появившиеся на Волхове в VIII в. скандинавы вскоре начинают проникать вглубь Приладожья, что возможно отражает находка меча типа «В» по Я. Петерсену и возникновение Сясьского городища. В 860-е гг. характер контактов скандинавов с местным населением коренным образом меняется. Эти изменения носили отнюдь не локальный характер, поскольку совпали с пожаром Староладожского поселения, появлением могильника в урочище Плакун и с появлением ранних курганов в Гнездовском и в ярославских могильниках (Богуславский, Яблоник, 1987: 26). В письменных источниках эти процессы нашли отражение в виде легенды о призвании варягов. Активизации движения по трансевропейским путям и увеличение спроса на пушнину (Макаров, 1989: 90—91) стимулировали появление в низовьях рек Паши и Ояти скандинавских поселенцев, как и в Городище выступавших в качестве посредников в меховой торговле Ладоги с местным населением. Их погребальный обряд стал одним из источников заимствования жителями Приладожья курганного епособа захоронения. По всей вероятности, торговые операции вскоре приобрели несколько иной характер за счет создания в этих районах своего рода «факторий», концентрирующих к определенному времени большие партии товара, поскольку большинство торговых поездок скандинавов, в силу ряда причин, были сезонными (Херрман, 1986: 89—101). Основную работу по сбору мехов у разбросанного населения выполняли, видимо, выходцы из местной среды, причем отнюдь не из родовой знати. Об их составе, роли и социальном статусе говорит, с одной стороны — практически полное отсутствие женских погребений этого периода, с другой — присутствие в погребальном наборе большого количества оружия, а также коней при полном отсутствии престижных изделий, таких как мечи (Богуславский, 1992а: рис. 18, 19). Видимо, в этой среде и сложился своеобразный обряд погребения, объединявший местные и скандинавские традиции, и материальная культура, включавшая скандинавские вещи или поступившие при посредстве скандинавов, финские изделия и предметы массового производства ладожских ремесленников.

Погребальные памятники юго-восточного Приладожья периода 890—920-х гг. демонстрируют несколько большее разнообразие как в чертах материальной культуры, так и в обрядовых характеристиках. Характеризуя Ладожское поселение этого периода, в первую очередь, следует отметить комплекс построек, связанных с хорошо сохранившимся обширным сооружением с печью в центре — самым крупным «большим домом» из сооружений этого типа, исследованных в Ладоге. При строительстве «большого дома» широко использовались детали разобранного морского судна — корабельные доски и шпангоуты. Некоторые данные, по мнению Е. А. Рябинина, позволяют ин-

терпретировать исследованный комплекс в качестве жилища обосновавшейся в Ладоге купеческой артели. Возможно, именно такие дома северных торговцев-руссос, рассчитанные на 10—20 человек, наблюдал на берегах Волги в 921—922 гг. багдадский путешественник Ибн-Фадлан. Дендрохронологический анализ относит дату строительства этого объекта ко времени около 894 г. (Рябинин, Черных, 1988: 93). Хотя Ладога и предстает в это время как поселение с весьма оживленными торговыми связями, увеличение относительного количества типов вещей, запаздывающих в Приладожье по отношению к Ладоге, говорит о снижении интенсивности связей между этими территориями (рис. 2).

Таким образом, встает вопрос о роли, которую играли жители Приладожья в торговле Ладоги. Отражением этого несомненно являются привозные изделия. Ведущими среди них остаются вещи, связанные с кругом финских древностей, и вещи скандинавского происхождения или поступавшие на эти территории при посредстве скандинавов (рис. 3). Последняя категория вещей становится более разнообразной, и количество ее представителей увеличивается более чем в два раза. В этом периоде известны самые ранние находки мечей, если не считать случайную находку меча у д. Бор. Однако, относительный вес этих вещей среди привозных изделий сокращается, возможно, за счет появления новой категории иноэтничных находок, а именно вещей, которые можно связать с территорией Подонья, и в частности, с салтово-маяцкой культурой (рис. 3). К 890—920-м гг. относится и первая монета, найденная в Приладожье — саманидский диргем, дата чеканки которого определена только в рамках X в. Но динамику поступления монетных находок в какой-либо регион характеризует не только количество монет, найденных в погребениях определенного времени, но и даты чеканки всех найденных монет (рис. 4). Анализ этих дат показывает, что в Приладожье существует серия монет, даты чеканки которых относятся к периоду 890—920-х гг., но их попадание в погребальные комплексы характеризуется определенным периодом запаздывания.

Значительный пласт привозных вещей в погребениях юго-восточного Приладожья делает весьма важной проблему выяснения непосредственного источника их попадания в этот район, поскольку значительное количество этих находок может быть связано с функционированием трансевразийского пути. При изучении этих вопросов исследователи почти всегда обращаются к изучению кладов куфических монет. Отсутствие кладов IX—70-х гг. X в. в юго-восточном Приладожье дало возможность Е. Н. Носову сделать вывод об отсутствии торговой магистрали, проходившей по рекам этого региона (Носов, 1981: 97). Но, с другой стороны, положения о существовании подобного пути достаточно часто появляются в различных работах.

Эти положения опираются на отдельные сведения арабских авторов X—XIV вв. и на данные археологии (Голубева, 1987: 52—64; Смирнов, 1952: 225; Львова, 1977: 106—109).

При изучении монетных находок Новгорода В. М. Потин обратил внимание на факт изменения времени запаздывания монет относительно даты чеканки в зависимости от интенсивности их поступления (Потин, 1982: 132). Однако, приток монет

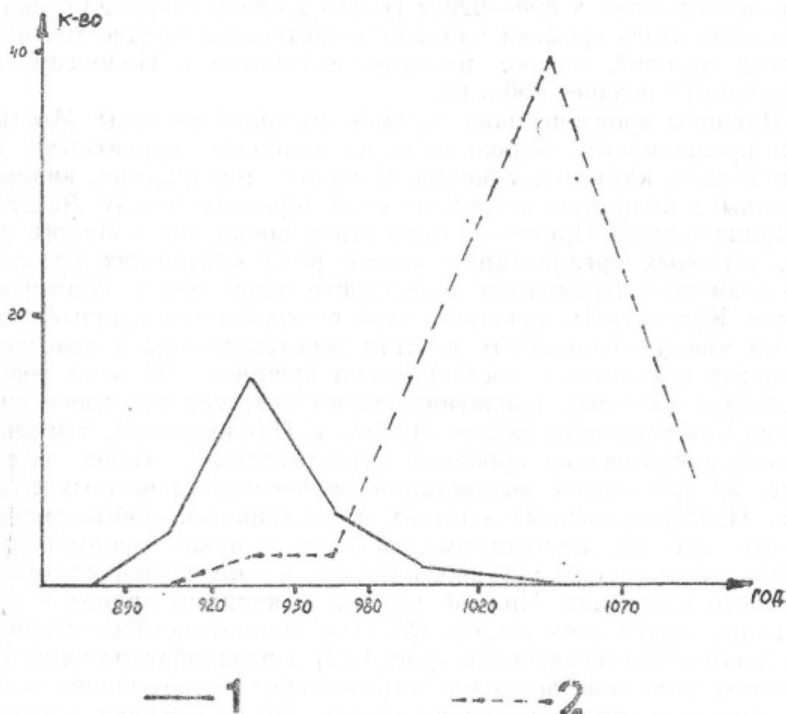

Рис. 4. Распределение дат чеканки монет, найденных в погребениях юго-восточного Приладожья:

1 — арабские монеты; 2 — западноевропейские монеты.

на какую-либо территорию может происходить не только за счет существования магистрального торгового пути, но и за счет торговли непосредственно с каким-нибудь торговым центром: в случае Приладожья — с Ладогой. Окончательное решение вопросов о непосредственных источниках импортных вещей и монет в Приладожье связано, с одной стороны, с выявлением периода или периодов наиболее интенсивного их притока на основании периода запаздывания монетного серебра, с другой — с выявлением районов с одинаковой динамикой поступления монет. Как уже отмечалось, в юго-восточном Приладожье

известны монеты, даты чеканки которых лежат между 890-ми и 920-ми гг., а именно относятся к 900—910-м гг., но для них характерен определенный период запаздывания. Поскольку погребальные памятники нижнего Поволжья раскопаны фрагментарно, мы вынуждены оперировать материалами кладов. По данным младших монет к этому периоду в Волховском бассейне можно отнести два клада. Монеты из культурного слоя Новгорода и Ладоги, о которых мы имеем достаточно сведений, не относятся к 890—920-м гг. Но в слоях старолadoжского поселения этого времени найдено значительное количество привозных изделий, однако, изделия, связанные с Подоньем, не встречаются позднее 890-х гг.

Причины произошедших перемен до конца не ясны. Мы можем предположить только одну из наиболее вероятных, на наш взгляд, картин изменений. С одной стороны, они, видимо, связаны с подрывом посреднической торговли между Ладогой и Приладожьем. Причиной этого стало появление в Ладоге новых торговых организаций — своего рода купеческих артелей, что возможно отражается в постройке около 894 г. «большого дома». Коллективы, жившие в этой постройке продолжительное время имели возможность и были заинтересованы в непосредственных контактах с поставщиками пушнины. Об этом новом характере торговых отношений свидетельствует некоторое снижение интенсивности связей Ладоги с Приладожьем, выразившееся в увеличении процента запаздывающих типов вещей (рис. 2) при общем возрастании количества привозных изделий. Непосредственный контакт с охотниками, добывающими шкуры, все же, по-видимому, остался в руках сформировавшейся ранее группы местных жителей в силу малой плотности местного населения. Прямой контакт с купцами привел к расширению круга этих людей. Об этом свидетельствует увеличение количества памятников (рис. 1:2) и разнообразие их погребальных ритуалов, возможно отражающее разноэтничность вовлеченного в эти процессы населения. Об изменениях социального статуса и состава этой группы говорит увеличение женских и парных — мужских и женских — погребений, а также появление в погребальном наборе престижных изделий — бронзовых ювелирных украшений, в первую очередь скандинавских, и парадного оружия (Богуславский, 1992а: рис. 18).

С другой стороны, произошедшие изменения связаны и с политическими событиями этого периода. Данные письменных источников позволяют отчетливо выделить тенденцию политики первых русских князей — установление контроля над торговыми путями. Это нашло отражение в известии о переходе Рюрика из Ладоги в Новгород, занимавший ключевое место в крайне важном регионе. За этим событием последовала серия походов русских князей и их дружинников на племена, расположенные в непосредственной близости от торговых путей. В этой же

связи нужно упомянуть и сообщение летописи о раздаче Рюриком «градов своим мужам». Процесс контролирования торговых путей получил свое окончательное оформление в результате похода Олега на Киев в 882 г., когда под контроль были взяты все ключевые пункты торговой магистрали (ПВЛ, 1916: 19—27). Подобный контроль, несомненно, должен был заставить торговцев искать новые пути, которые не контролировались. Событием, непосредственно подстегнувшим этот процесс, стало появление в 898 г. на Днепре венгерских племен (ПВЛ, 1916: 25) и несомненно последовавший за этим, может и кратковременный, период прекращения функционирования пути. Видимо, периодом политической нестабильности объясняется и относительное замедление притока на Северо-Запад Руси куфического серебра, которое отразилось в отсутствии кладов в Волховском и Ильменском бассейнах в 870—890-е гг. (Богуславский, 1992: 51—52). Активизировали поиск новой трассы, видимо, арабские купцы после заключения договоров князя Олега с Византией, поставивших русских купцов в преимущественное положение на константинопольском рынке (ПВЛ, 1916: 29—41). В это время имели место достаточно осторожные попытки прохода как по рекам юго-восточного Приладожья, так и по рекам Ильменского бассейна, причем контакты по Волхову были гораздо более оживленные, с выходом на традиционный Донской путь (Ляпушкин, 1963: 153). Таким образом, к самому концу рассматриваемого периода наметилась тенденция непосредственного включения юго-восточного Приладожья в систему трансевразийской торговли, о чем, возможно, свидетельствует появление курганных памятников в бассейне р. Сясь (рис. 1:2) и новых категорий привозных изделий.

Период 920—950-х гг. можно охарактеризовать как время расцвета Приладожских курганов, когда количество памятников наибольшее (рис. 1:3) и они крайне многообразны, а материальная культура представлена огромным количеством вещевых находок. На Ладожском поселении в этот период происходят весьма серьезные изменения, дата которых определяется на основе времени разборки пришедшего в негодность обширного сооружения с печью в центре, рассмотренного нами выше, и с возведением на его месте типологически сходного комплекса горизонта Д. Эти события датируются рубежом 920—930-х гг. (Рябинин, Черных, 1988: 93—97). Однако, можно говорить об обособленном положении этой постройки в общей системе планировки уровня. Она не только резко отличается по размерам и конструкции от тесно расположенных и образующих регулярную структуру малых срубных жилищ с печью в углу, но характеризуется и иной ориентировкой, соответствующей направлению «большого дома» нижележащего горизонта. Более того, по всей вероятности, в непосредственной близости от нее располагался ремесленный квартал. В «большом доме»,

однако, не зафиксировано следов ремесленной деятельности. Внутри жилища и на настиле, связанном с ним, встречен ряд вещей, указывающих на высокий статус проживающих здесь людей. Но бусы здесь являлись относительно редкой находкой. По мнению Е. А. Рябинина, в этой постройке обитала группа людей, принадлежавшая к тому же социальному кругу, что и торговцы-воины, осевшие здесь в конце IX в. и связанные с международной торговлей (Рябинин, Черных, 1988: 97—98). Однако, период 920—950-х гг. характеризуется отсутствием кладов куфического серебра на р. Волхове и в Ильменском бассейне (Богуславский, 1992: 51—52). Также не известно достоверных находок монет, попавших в культурный слой Ладоги и Новгорода в этот период. Кроме того, возможно сделать несколько замечаний относительно истории поселений Поволховья. В нижнем Поволховье на рубеже 920—930-х гг. происходят значительные изменения, выразившиеся в резком уплотнении застройки Староладожского поселения, придании ей регулярного характера и создании укреплений (Кирпичников, 1985: 25). На поселениях-спутниках, связанных исключительно с сопочными могильниками, почти нет раннегончарной керамики (Петренко, Шитова, 1985: 191). Для верхнего Поволховья следует отметить, что существование таких поселений, как Рюриково городище и Холопий городок несомненно продолжается и в X в., но имеющаяся хронология не позволяет сделать выводы об их характере в 920—950-е гг. Немаловажно также, что в настоящее время в Новгороде не известно слоев, которые с уверенностью можно было бы отнести ко времени ранее середины X в. (Археология СССР, 1985: 86). В то же время, в погребениях юго-восточного Приладожья количество и разнообразие привозных вещей достигает максимума (рис. 3). В качестве категорий вещей, для которых можно с той или иной степенью установить источники поступления, необходимо отметить группу скандинавских изделий, или поступивших при посредстве скандинавов, которая остается наиболее массовой; группу вещей, связанных с финским миром, для которой наметились тенденции расширения по сравнению с предшествующим периодом; сильно сократившуюся группу вещей, связанных с территорией Подонья; а также впервые появившиеся группы вещей, связанных с территорией Волжской Булгарии, Подунавья и Византии (Богуславский, 1992а: 160—163).

Количество монет в погребениях этого периода достаточно значительно и для них характерен минимальный процент запаздывающих арабских монет (рис. 5), что отражает высокую интенсивность их поступления. Кроме того, на период между 920-ми и 950-ми гг. приходится максимальное количество дат чеканки куфических монет. Видимо, большая часть арабского монетного серебра поступила в Приладожье именно в этот период, однако часть их использовалась значительный отрезок

времени (рис. 4). Известно также несколько западноевропейских, монет отчеканенных в эти годы, но они были найдены в погребениях более позднего времени. Следует предположить, что они поступили в Приладожье с основной массой западноевропейского серебра и время их запаздывания отражает, скорее, время их использования в Западной Европе. Поскольку процент типов вещей, запаздывающих в Приладожье по отношению к Ладоге, достигает в это время практически максимальной величины

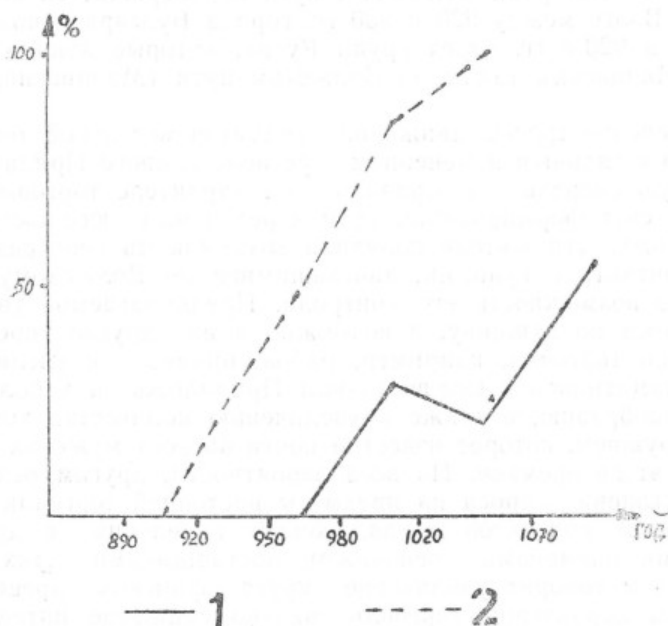

Рис. 5. Изменение процента запаздывающих монет в погребениях юго-восточного Приладожья:

1 — западноевропейские монеты; 2 — арабские монеты.

(рис. 2), следует предположить поступление привозных предметов в Приладожье большей частью не через Ладогу.

Таким образом, период 920—950-х гг. можно рассматривать как период активного участия жителей Приладожья в трансевразийской торговле, трасса которой проходила по территории Приладожья (Богуславский, 1992: 53—54). Это заключение основано на большом количестве и разнообразии привозных изделий, в том числе и болгарских, которые практически отсутствуют в это время в Ладоге, и на интенсивном притоке арабского серебра, в то время как в Поволжье и в бассейне Ильменя фиксируется его относительное замедление. Основное

движение товаров в это время, видимо, связано с вновь образовавшейся Волжской магистралью. Складывание пути по традиционному донскому варианту с выходом на северные реки Балтийского бассейна стало в начале X в. весьма трудным. Это объясняется проникновением в самом конце IX в. или в первом десятилетии X в. в степени Подонья и Приазовья печенежских племен, которые в 915 г. появились уже на границах Русского государства (Плетнева, 1966: 65). Усиление в связи с этим роли Волжского пути подтверждается постройкой на Волге между 920 и 930 гг. города Булгара и возникновением в 920-е гг. «трех групп Руси», которые локализуются Д. А. Мачинским также на Волжском пути (Мачинский, 1985: 8).

Изменение трассы движения предметов восточной торговли привело к сильным изменениям в регионе южного Приладожья. В первую очередь это отразилось на характере торговых связей. За счет формирования пути через земли юго-восточного Приладожья его жители получили возможность непосредственного контакта с купцами, двигавшимися по Волжскому пути, а также возможности его контроля. Предполагаемое увеличение спроса на пушнину, а возможно и на другие предметы восточной торговли, например, рабов, привело к увеличению числа памятников в юго-восточном Приладожье и к большому их разнообразию, а также к увеличению количества комплексов с оружием, которое известно почти во всех мужских погребениях этого времени. По всей вероятности, другим результатом повышения спроса на предметы восточной торговли стало расширение контактов приладожского населения с другими финскими племенами — основными поставщиками этих товаров, о чем говорит увеличение круга финских древностей. С новым характером торговли связано снижение интенсивности связей между Ладогой и Приладожьем, что, возможно, отражает некоторую самостоятельность последнего. С новым характером контактов между частями региона, видимо, связан подрыв роли Сясьского городища, как посредника в торговых операциях и его постепенное запустение. Не совсем ясными остаются обстоятельства появления в Приладожье вещей Венгерско-Дунайского круга. Вполне вероятно, что они связаны с реконструируемым Г. С. Лебедевым «круговым маршрутом» варяжских воинских контингентов, который наметился на рубеже IX—X вв. Этот маршрут, по его мнению, заключается в движении варягов-наемников через земли Руси в Византию, где они участвовали в боевых действиях против нее или на ее стороне против пограничных племен, оттуда на города мусульманского Закаспия с целью получения новой добычи и только после этого возвращение их на север по Волжскому пути (Лебедев, 1985: 252—255). В этом случае, в связь с «круговым маршрутом» можно поставить и появление в Приладожье чисто

скандинавского погребального комплекса, такого как погребение в лодье из кургана № 19 могильника Усть-Рыбежна.

В 950—980-е гг. погребальные комплексы появляются в целом ряде новых районов юго-восточного Приладожья, где они не были известны ранее (рис. 1:4), и их обряд становится более разнообразным за счет черт христианской погребальной традиции (Богуславский, 1992а: 164—165). В погребениях этого времени, так же как и в предыдущее время, найдено значительное количество привозных изделий, однако их общее количество и разнообразие сокращается (рис. 3). Изменяется также и соотношение между различными пластами древностей. Ведущим становится пласт вещей, связанный с финской культурной традицией. Количество скандинавских изделий сильно сокращается, и они становятся менее разнообразными. К 950—980-м гг. относится практически максимальное количество болгарских изделий и отдельные вещи Венгерско-Дунайского круга (Богуславский, 1992а: 165—166).

Около 954 г. в Ладоге происходит достаточно сильный пожар, повредивший некоторые постройки, в том числе и уже рассмотренный комплекс сооружений, связанный с «Большим домом». Однако, вскоре после пожара он был обновлен, а также перестроен бревенчатый настил к северу от этого сооружения, больше всего пострадавший при пожаре (Рябинин, Черных, 1988: 96—97). С определенной долей условности можно говорить и об изменении характера некрополя Ладоги. К 950-м гг., видимо, прекращается совершение погребений в скандинавском могильнике в урочище Плакун, и появляются первые древнерусские захоронения (Богуславский, 1992а: 167). Можно также говорить об интенсификации поступления куфического серебра в бассейн Волхова и Ильменя, о чем свидетельствует выпадение серии кладов с датами младших монет после 950-х гг. (Носов, 1976: 105—106), а также о начале поступления западноевропейского серебра, которое фиксируется в Новгороде между 972 и 989 гг. Более того, само заселение территории современного Новгорода относится, по всей вероятности, ко времени около 950-х гг. (Археология СССР, 1985: 86). Погребальные комплексы юго-восточного Приладожья рассматриваемого периода демонстрируют очень тесную связь с Ладогой. Об этом говорит самый низкий из известных процент типов вещей, запаздывающих по отношению к Ладоге (рис. 2). Эта характеристика тем более показательна, что она изменяется от одного из самых высоких значений к самому низкому. С уверенностью можно говорить о снижении притока монетного серебра на территорию юго-восточного Приладожья, что основывается, с одной стороны — на возрастании почти в два раза относительного количества монет, которые запаздывают в погребальном наборе (рис. 5); с другой стороны — на сокращении в несколько раз количества арабских монет, дату

чеканки которых можно связать с рассматриваемым временем (рис. 4). В 950—980-е гг. в Приладожье появляется новый тип монетных находок — византийские серебряные монеты, которые относительно малочисленны и, на наш взгляд, не связаны непосредственно с международной торговлей (Богуславский, 1990: 59—61).

Рассматриваемый период, предположительно, связан с изменением трассы Волжского пути и перемещением его северного участка в бассейн Волхова и Ильменя. Об этом свидетельствует понижение интенсивности поступления в юго-восточное Приладожье монетного серебра и привозных изделий, а также увеличение числа находок монет в Ильменском бассейне. Видимо, предметы, связанные с трансевропейской торговлей, поступали в юго-восточное Приладожье опосредованно, то есть через Ладогу, отражением чего стало повышение интенсивности связей Приладожья со Староладожским поселением. Изменения, произошедшие на Северо-Западе Руси, по всей вероятности, стали результатом новой волны «северной политики» княжеской администрации, наступившей после 945 г. Эта политика связана, в основном, с необходимостью упрочения княжеской власти внутри племенных территорий. Эта задача во многом получила свое разрешение в ходе действий княгини Ольги в 946—948 гг., когда на севере Руси были установлены погосты (ПВЛ, 1916: 69). Письменные источники не упоминают об активных действиях Ольги в южном Приладожье, однако, об определенных потрясениях свидетельствует пожар в Ладоге около 954 г. На севере находится и Святослав со своей дружиной, пребывание которого в Новгороде фиксирует Константин Багрянородный (Литаврин, 1982: 272) в своем трактате «Об управлении империей», написанном между 948 и 950 гг. (Литаврин, 1982: 267). Изменение трассы Волжского пути несомненно привело к снижению товарооборота, связанного с трансевразийской торговлей и к потере юго-восточным Приладожьем возможности контроля пути. Кроме того, в это время произошло и общее уменьшение роли Волжской магистрали в связи североморских центров с исламским миром, о чем говорит резкое сокращение поступления восточных товаров в Скандинавию не позднее 970-х гг. Северные страны стали получать необходимое для торговых операций серебро из Западной Европы (Лебедев, 1985: 117). Отражением этого, вероятно, является появление на Северо-Западе Руси первых западноевропейских монет. Эта ситуация привела, по всей вероятности, к высвобождению в юго-восточном Приладожье значительного количества вооруженных людей, что сделало возможным их участие в общерусских военных операциях. Косвенно об этом свидетельствует значительное сокращение, по сравнению с предыдущим периодом, количества погребений с оружием (Богуславский, 1992а: рис. 18). С достаточной уве-

ренностью можно говорить об участии выходцев из Приладожья в походах Владимира на Византию и Придунайские земли в 980-е гг. (ПВЛ, 1916: 103—140). Отражением этого участия стало появление в Приладожье византийских монет и вещей Венгерско-Дунайского круга. Другая группа событий, видимо, также относящаяся к периоду княжения Владимира, связана с проникновением в северорусские земли христианства, чему способствовало крещение Владимира и части его дружины во время похода на Корсунь. Это заключение основывается на предположении, что первыми предметами христианского культа стали, как ни странно, византийские монеты, центральным изображением которых был крест (Богуславский, 1990: 61). В рамках этого же процесса произошло, видимо, и разрушение большой культовой постройки на Варяжской улице в Старой Ладоге. По мнению В. П. Петренко, оно имело место между 986 и 991 гг. (Петренко, 1985: 113).

Для археологических памятников юго-восточного Приладожья 980—1020-х гг. характерно большое разнообразие погребальных памятников. Однако, следует отметить значительное сокращение числа мужских погребений и по сравнению с женскими погребениями, и по сравнению с количеством мужских погребений предыдущего периода (рис. 1:5) (Богуславский, 1992а: 170—171). Древности этого времени представлены в Ладоге крайне фрагментарно, что не позволяет говорить о характере поселения на Земляном городище. Если судить по материалам раскопок на левом берегу р. Ладожки, то плотность застройки поселения в это время достигает максимума и состоит из небольших срубных сооружений. Гибель этих построек, по мнению В. П. Петренко, произошла во время набега на Ладогу ярла Эйрика около 997 г. (Петренко, 1985: 115). Поэтому тот факт, что относительное количество типов вещей, запаздывающих в Приладожье по сравнению с Ладогой, достигает максимума, отражает скорее не интенсивность связей Ладоги с юго-восточным Приладожеством, а малочисленность находок этого времени на Земляном городище (рис. 2).

Привозные изделия в погребениях юго-восточного Приладожья этого времени становятся гораздо менее разнообразными, и их количество сильно уменьшается (рис. 3). Самым массовым пластом древностей, которые с большими оговорками можно считать привозными лишь только на том основании, что производство изделий этого круга достоверно не зафиксировано в южном Приладожье, являются вещи, связанные с финским миром. Крайне малочисленны находки вещей, связанных с активностью скандинавов, и болгарские изделия. Однако, следует отметить, что последние представлены престижными изделиями, которые могли использоваться длительное время (Богуславский, 1992а: 171—173). Монетные находки в погребальных комплексах 980—1020-х гг. в основном представлены

западноевропейским серебром. Но говорить об его интенсивном притоке на земли юго-восточного Приладожья вряд ли возможно. С одной стороны, количество монет, дата чеканки которых относится к этому времени, не очень велико, что делает весьма вероятным поступление их в более позднее время вместе с основным потоком западноевропейского серебра (рис. 4). С другой стороны, количество архаичных, запаздывающих монет в составе денежного обращения этого периода весьма велико (рис. 5), что говорит о медленном его обновлении. Эти наблюдения подтверждаются на основе куфического серебра. В погребениях этого времени известна только одна арабская монета, достаточно быстро попавшая в состав погребального комплекса (рис. 4). Для всего остального арабского серебра характерен значительный период запаздывания (рис. 5), который в одном случае превышает полвека.

Таким образом, можно предположить, что юго-восточное Приладожье оказывается в рассматриваемый период в стороне от международной торговли. Во многом, видимо, этому способствовала наметившаяся ее переориентация на Западную Европу, о чем свидетельствует поступление на Северо-Запад Руси западноевропейских монет. Эти процессы, а также увеличение экономической роли Новгорода в этом регионе, отражением чего стало широкое поступление в Приладожье серийных изделий новгородских ремесленников, привело к снижению количества ввозимых, но что представляется более важным, вывозимых товаров. Это высвободило новую группу приладожского населения, прежде связанного с международной торговлей. В то же время, а именно с 980-х гг., можно проследить отток воинских контингентов с Севера Руси. Значительная часть дружины Владимира формировалась в Новгороде и, видимо, отчасти ее составляли выходцы из Приладожья, тем более, что там в 950—980-е гг. существовала значительная прослойка мужчин, носивших оружие. В 988 г. начинается постройка крепостей в Южной Руси (ПВЛ, 1916: 155—156), требовавшая постоянного притока новых воинов. В этом же году, при заключении мира с царем Василием и женитьбе на его сестре Анне, Владимир отправил шеститысячный отряд руссов в Византию, где после 980 г. организуется варяжский военный корпус (Рыдзевская, 1978: 153, 218). Этот процесс, игравший, видимо, достаточно значительную роль для южного Приладожья, отразился почти в полном отсутствии в погребениях достоверных предметов вооружения. Отсутствие надежной защиты северных территорий позволило викингам совершить ряд набегов на территорию южного Приладожья. В 995—997 гг. норвежский ярл Эйрик, потерявший свой лен в борьбе с Олавом Норвежским, опираясь на поддержку Олава Шведского, совершил поход на Ладогу и северные земли (Рыдзевская, 1978: 50—51). Возможно, отражением этого явился пожар, зафиксированный

В. П. Петренко в раскопе на Вряжской улице, а также некоторое «смещение» погребальных памятников Приладожья в глубинные районы (рис. 1:5). Дело брата на землях Приладожья продолжил в 1015 г. Свейн. Таким образом, видимо, не последнюю роль в сокращении связей Приладожья с другими территориями сыграла и нестабильная обстановка в этом регионе.

С периодом 1020—1070 гг. связано сокращение разнообразия обрядов погребения, что во многом связано с увеличением в погребальных памятниках черт христианской погребальной традиции (Богуславский, 1992а: 173—174). Число изделий, характеризующих связи приладожского населения в этот период, достаточно невелико (рис. 3). В первую очередь это связано с массовым проникновением в Приладожье серийных изделий новгородских ремесленников, которые во многом вытеснили другие привозные предметы. С другой стороны, выделить среди массовых вещей предметы, отражающие внешние связи юго-восточного Приладожья без дополнительного анализа распространения их в Новгородской земле крайне трудно, а часто и невозможно. Из вещей, происхождение которых практически не вызывает сомнений, следует в первую очередь отметить огромный пласт финских древностей (рис. 3). Их количество в погребениях не сократилось, а удельный вес увеличился за счет сокращения количества других изделий. Вещи, связанные со Скандинавией, крайне немногочисленны, а византийские вещи представлены только находкой литого перстня с печаткой (Богуславский, 1992а: 175).

Несмотря на сокращение круга привозных изделий, количество монет в погребениях остается значительным. В этом периоде встречены последние арабские монеты, все находки которых попадают в погребальные комплексы со значительным запаздыванием (рис. 5). Новые монеты из восточных стран в Приладожье, видимо, не поступали, поскольку здесь не известны диргемы с датой чеканки после 1012 г. (рис. 4). Значительные изменения произошли в динамике поступления западноевропейского серебра, что выразилось в интенсификации его притока в Приладожье. Об этом свидетельствует, с одной стороны — уменьшение процента запаздывающих монет (рис. 5), который в это время минимален для всей истории региона, с другой стороны — максимальное количество западноевропейских монет, известных в юго-восточном Приладожье, отчеканено в различных центрах Западной Европы именно в период между 1020-ми и 1070-ми гг. (рис. 4), что свидетельствует, видимо, о времени их поступления. Однако, для понимания этого процесса крайне важна динамика поступления монетного серебра в Новгород. Согласно анализу этих находок, проведенному В. М. Потиним, интенсивность поступления монет из За-

падной Европы существенно увеличивается с 1025 г.; более того, для времени около 1025 г. средний период запаздывания монет составляет около 8,5 лет (Потин, 1982: 130—131). Эти факты заставляют нас сделать вывод об опосредованном поступлении западноевропейского монетного серебра в юго-восточное Приладожье, видимо, через Новгород, причем интенсивность связей Новгорода с юго-восточным Приладожьем была очень высока.

Видимо, возникшая в регионе южного Приладожья нестабильность весьма отрицательно сказывалась как на состоянии международной торговли, так и на самой безопасности Новгорода. Во многом попыткой ее устранения и удачным выходом из создавшегося положения стал династический брак между Ярославом Мудрым и дочерью Олава Шведского — Ингигерд в 1020 г. (Рыдзевская, 1978: 67). Ладога и Приладожье были преподнесены Ингигерд в качестве свадебного дара и переданы в управление ее родственнику — гаутландскому ярлу Рагнвальду — стороннику Олава Норвежского (Рыдзевская, 1945: 59). Таким образом, Ладожское ярлство превратилось в своеобразную буферную зону между Скандинавией и Русью. Как владения Ингигерд, эта зона была защищена от нападения шведов, а как лен Рагнвальда — от нападения норвежцев. О сходных целях при переустройстве Ладоги свидетельствует, по мнению А. Н. Кирпичникова, относящееся к близкому времени ускоренное создание укреплений (Кирпичников, 1985: 25). Зависимость этой территории от Русского государства и княжеской власти проявилась как в увеличении экономического влияния Новгорода на эту территорию, так и в активном участии выходцев из Приладожья в жизни Новгородской земли. Это выразилось в участии Рагнвальда, а затем его сына Эйлифа с дружиной в военных походах Ярослава Мудрого и новгородцев (Рыдзевская, 1945: 59—60). Таким образом, юго-восточное Приладожье в это время, оказавшись в стороне от магистрального пути трансевропейской торговли, видимо, переориентировалось на посредническую торговлю между финскими племенами, о чем свидетельствует увеличение количества финских предметов и западноевропейских монет, поступавших через Новгород, занимавший более удачное положение на торговых путях. Это положение Приладожья и своеобразная внешнеполитическая ситуация несомненно сильно способствовали сближению его и Новгорода. К сожалению, крайне трудно говорить о роли Ладоги в этом процессе, поскольку в настоящий момент не известно достаточно значительных остатков культурных слоев XI в. ни на Земляном городище, ни на Варяжской улице. Однако, косвенным свидетельством о начавшемся процессе экономической переориентации юго-восточного Приладожья является незначительное количество серийных изделий XI в. в недендродатированных слоях Земляного городища, в отличие

от погребений юго-восточного Приладожья, и отсутствие достоверных следов их изготовления в Ладоге.

Погребальные комплексы после 1070-х гг. представлены в юго-восточном Приладожье достаточно близкими по своим обрядовым характеристикам памятниками. Эти памятники сходны со многими другими погребальными древностями Новгородской земли XI—XIII вв., получившими в археологической литературе название «древнерусские курганы», хотя и отличаются некоторым своеобразием. Количество вещей, свидетельствующих о связях приладожского населения в это время, значительно сокращается — более чем в два раза по сравнению с предыдущим периодом. Этот процесс отражает, видимо, не только процесс определенной изоляции юго-восточного Приладожья, но и общее сокращение числа изделий в погребальном инвентаре и увеличение количества «полиэтнических» предметов, являющихся продукцией новгородского городского ремесла. Единственной группой вещей, для которой с достаточной определенностью можно говорить об источнике их поступления, являются вещи, связанные с финскими древностями (рис. 3). Однако, у нас нет возможности определить характер связей, в рамках которых произошло поступление этих вещей — носили они характер непосредственных торговых контактов выходцев с различных территорий или являлись только движением отдельных вещей через руки многих посредников.

Ослабление связей юго-восточного Приладожья выразилось и в динамике поступления монетного серебра. С одной стороны, количество монет, дата чеканки которых позже 1070 г., сокращается более чем в два раза по сравнению с предшествующим хронологическим отрезком (рис. 4), несмотря на то, что продолжительность рассматриваемого периода несоизмеримо больше, нежели предыдущего — здесь известны и погребения XII—XIII вв. (Богуславский, 1992: рис. 32). Кроме того, значительно возрастает количество монет, попадание которых в погребальные комплексы уверенно можно охарактеризовать определенным периодом запаздывания. Более того, поскольку хронология погребений настоящего периода определена весьма широкими рамками, период запаздывания, возможно, характерен и для остальных находок монет (рис. 5). Таким образом, приведенные наблюдения свидетельствуют о значительном снижении объема и интенсивности торговых связей юго-восточного Приладожья. В то же время, активное поступление монет в Новгород продолжается, о чем говорит их значительное количество и сравнительно небольшой временной разрыв между датой чеканки монеты и временем ее попадания в культурный слой поселения (Потин, 1982: 131—132).

Очевидно, что причины изменений, произошедших в юго-восточном Приладожье, невозможно решить в отрыве от изучения истории и материальной культуры Новгорода и Новгород-

ской земли в целом, что требует отдельного исследования. Однако, несомненно, что немалую роль в этих процессах сыграло изменение политических институтов власти Новгорода, связанное с оформлением посадничества. В. Л. Янин считает, что вслед за изменением институтов власти Новгорода произошло изъятие большого количества ремесленников из-под юрисдикции князя и переподчинение их вечевым порядкам, поскольку эксплуатация ремесла сделалась одним из важнейших источников боярских доходов (Янин, 1982: 90—91). Видимо, вскоре за этим последовали действия новой администрации по защите своих торговых интересов и регламентации торговли. По крайней мере, можно утверждать, что к XII в. торговые связи Руси, в первую очередь Новгорода и Скандинавии, уже носили регламентированный характер (Джаксон, 1991: 164—169). Изменение ситуации на новгородском рынке привело к упрочению ориентации Приладожья на посредническую торговлю с племенами Русского Севера, с которыми, вероятно, они имели давние налаженные контакты (Мачинский, Мачинская, 1988: 53—56). Отражение этого процесса нам видится в появлении в Заволочье нескольких могильников, в первую очередь Корбальского могильника, материалы которых находят прямые аналогии в памятниках юго-восточного Приладожья второй половины XI в. (Назаренко и др., 1990: 93—101). Однако, следует заметить, что в это время можно достаточно определенно говорить и об общем движении новгородцев на Русский Север (Насонов, 1951: 114—117). Достаточное своеобразие этим процессам в Приладожье придает наметившаяся с 1050-х гг. известная самостоятельность этого региона, которая могла быть получена после смерти Ингигерд в 1050 г. и Владимира в 1052 г. и упразднения самостоятельного «стола» в Новгороде. Немаловажную роль в политическом положении Приладожья играло и то, что в 1056—1066 гг. шведский престол занимал Стейнкель, сын ладожского ярла Рагнвальда (Мачинский, Мачинская, 1988: 56).

Косвенно большую значимость новой специализации Приладожья подтверждают действия новгородской администрации в начале XII в., отразившиеся в походе Мстислава Владимировича в 1105 г. на Ладогу и в постройке ладожской каменной крепости в 1114—1116 гг. О серьезных потрясениях именно в Приладожье говорит выпадение в этом районе на рубеже XI—XII вв. серии кладов. Это группа лодейнопольских кладов, а также клады в бассейне р. Паши (Потин, 1967, №№ 218—220, 228, 229). Эти находки, на наш взгляд, отражают не только нестабильность в регионе, но также и размеры богатств, сконцентрированных в это время в Приладожье за счет участия в торговых операциях. С другой стороны, концентрация такой массы ценностей свидетельствует об отсутствии прямого выхода на крупные рынки и неучастии приладожского на-

селения этого времени непосредственно в международной торговле.

Предложенная в настоящей работе картина, естественно, достаточно схематична. Реальный исторический процесс был гораздо многообразнее и сложнее. За рамками статьи остались вопросы этнической истории приладожского общества и вопросы его вхождения в состав Новгородской земли. Эти проблемы требуют специальных исследований. Но вместе с тем, уже имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют об огромном влиянии трансевразийской торговли на историю и материальную культуру Приладожья. Изменения трассы торговых путей, интенсивности и характера торговых операций, исторические события на далеких от исследуемой территории землях непосредственным образом отзывались изменениями в материальной культуре Приладожья. Это позволяет, на наш взгляд, говорить о международной торговле как о ведущем факторе в развитии региона. Понимание этих процессов не только дает возможность лучше понять историю коллективов, населявших Приладожье в IX—XII вв., но и дает ключ к исследованию более поздних процессов, например, к вопросам формирования таких народностей позднего средневековья как карелы и вепсы, в формировании которых древнее население южного Приладожья приняло непосредственное участие.

ЛИТЕРАТУРА

Аристе П. А., 1956. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития//Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн: 5—11.

Археология СССР, 1985. Город, замок, село. М.

Богуславский О. И., 1989. Древнейший погребальный памятник юго-восточного Приладожья//Новгород и Новгородская земля. Новгород: 30—32.

Богуславский О. И., 1990. О находках византийских монет в южном Приладожье//Новгород и Новгородская земля. Новгород: 59—61.

Богуславский О. И., 1991. К хронологии юго-восточного Приладожья IX—XII вв.//Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.: 99—114.

Богуславский О. И., 1992. Юго-восточное Приладожье и трансевразийские связи IX—XI вв./Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб.: 44—68.

Богуславский О. И., 1992а. Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации). Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06. СПб.

Богуславский О. И., Яблоник Д. Л., 1987. Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов//История и археология Новгородской земли. Новгород. 25.

Бранденбург Н. Е. 1895. Курганы южного Приладожья//МАР, № 18. СПб.

Голубева Л. А., 1987. Весь//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: 52—64.

Гурина Н. Н., 1961. Древняя история северо-запада Европейской части СССР//МИА, № 87. Л.: 55—59.

Давидан О. И., 1986. Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII—IX вв.//АСГЭ, № 27: 99—104.

Джаксон Т. Н., 1991. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X—XIII вв.//Древнейшие государства на территории СССР. М.: 5—169.

Иордан, 1960. О происхождении и деяниях готы. М.

Кирпичников А. Н., 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований)//Средневековая Ладога. Л.: 3—26.

Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д., 1989. Ладога и ее округа в VIII—X вв.//Тезисы докладов XI Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М.: 142—143.

Лебедев Г. С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.

Литаврин Г. Г., 1982. Константин Багрянородный. Об управлении империей//Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.

Львова З. А., 1977. К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X—нач. XI вв. в северные районы Восточной Европы//АСГЭ, № 18.: 106—109.

Ляпушкин И. И., 1986. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства//МИА, № 152.

Макаров Н. А., 1989. Новгородская и Ростово-Суздальская колонизация в бассейне озер Белое и Лача по археологическим данным//СА, № 4.: 80—102.

Мачинская А. Д., 1989. Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладogi//Новгород и Новгородская земля. Новгород.: 17—19.

Мачинский Д. А., 1985. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов//Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.: 3—23.

Мачинский Д. А., Мачинская А. Д., 1988. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв./Культура Русского Севера. Л.: 44—58.

Назаренко В. А., 1979. Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой//Славяне и Русь. Киев.: 106—114.

Назаренко В. А., 1982. Норманны и появление курганов в Приладожье//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: 142—147.

Назаренко В. А., 1983. Погребальная обрядность Приладожской чуди. Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06. Л.

Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А., 1990. Чудь заволочская//Финны в Европе XI—XV вв. Т. 2. М.: 93—101.

Насонов А. Н., 1951. Русская земля и образование древнерусского государства. М.

Носов Е. Н., 1981. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э.//КСИА, № 164.: 18—24.

Носов Е. Н., 1976. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X вв.//Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII.: 95—110.

ПВЛ, 1916. Т. I. Прг.

Петренко В. П., 1985. Раскоп на Варяжской улице//Средневековая Ладога. Л.: 81—116.

Петренко В. П., Шитова Т. Б., 1985. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья//Средневековая Ладога. Л.: 181—191.

Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. М.

Попов А. И., 1973. Названия народов СССР. Л.

Потин В. М., 1982. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: 127—134.

Потин В. М., 1967. Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси//Тр. ГЭ. Т. IX: 94—123.

Рыдзевская Е. А., 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе//КСИИМК. Вып. 11.: 51—63.

Рыдзевская Е. А., 1978. «Росси́ка» в исландских сагах//Древняя Русь и Скандинавия (IX—XIV вв.). М.: 4—128.

Рябинин Е. А., 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.)//Средневековая Ладога. Л.: 28—76.

Рябинин Е. А., Черных Н. Б., 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя старолadoжского Земляного городища в свете новых исследований//СА, № 1.: 72—100.

Седов В. В., 1987. Прибалтийские финны//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: 12—13.

Смирнов А. П., 1952. Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья//МИА, № 28.

Третьяков П. Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. — Л.

Херрман И., 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона//Славяне и скандинавы. М.: 8—128.

Янин В. Л., 1982. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований//НИС, № 1(II): 79—95.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М. — Л.

МАР — Материалы по археологии России. СПб.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.

НИС — Новгородский исторический сборник. Л.

ПВЛ — Повесть Временных Лет.

СА — Советская археология. М.

Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.

Н. В. ХВОЩИНСКАЯ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОСТЮМА

НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОБАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Многовековая история взаимоотношений племен и народов, обитавших на территории, примыкавшей с востока к Балтийскому морю, нашла свое яркое отражение во многих элементах материальной культуры в том числе в характере женского костюма, сформировавшегося к началу II тыс. н. э.

На рассмотрении его некоторых выразительных элементов мы и остановимся в данной статье.

Одной из ярких черт материальной культуры балтов и финнов являлась традиция украшать верхнюю одежду различными мелкими бронзовыми или медными элементами (колечками, спиральками, трубочками, пластинками и т. д.). Бронзовые украшения встречаются, как на тканях балтских народов (латгалов, селов, земгалов и литовцев), так и на тканях западно-

финского населения (ливов, эстов, суми, еми и финнов, живших на территории Новгородской земли). Главным источником для изучения фрагментов одежды, украшенной бронзой, являются находки в погребениях. Наиболее ранняя такая находка была сделана в области восточной Литвы и датируется IV—V вв. (Lietuviu, 1958: 16). В VII—VIII вв. ткани, украшенные бронзой, появляются у латгалов и селов (Zarina, 1970: 66, 67), а в XI—XII вв.— у финских народов (Lehtosalo-Hilander, 1984: 2, 60, 61; Zarina, 1988: 21; Laul 1990: 68; Рябинин, Хвоцинская, 1990: 44), хотя отдельные находки на территории юго-западной Финляндии могут быть датированы IX—X вв.

У литовцев наибольшую популярность получила орнаментация мелкими металлическими элементами головных уборов, прежде всего небольших круглых шапочек. Из остальных частей одежды бронзой или медью в единичных случаях украшались детали женского костюма (накидки, передники), хотя нельзя сказать, что такой тип орнаментации получил всеобщее распространение. Одно из известных нам покрывал в могильнике Сейлюмай (IV—V вв.) по краю было украшено рядом нанизанных на нити основы бронзовых трубочек. В свою очередь другое покрывало из могильника Шаукотас (IX—X вв.) по всей поверхности было орнаментировано, прикрепленными к нему ромбовидными пластинами с тисненым узором, а его края были украшены полосой, состоящей из трех рядов бронзовых спиралей, перемежающихся с широкими загнутыми пластинами (рис. 1—2). К угловым кистям были прикреплены трапециевидные подвески (Volkaite-Kulikauskiene, 1970: 130, рис. XIIV). Угловые подвески встречались и на других изделиях. В погребении могильника Мешкяй (XIII в.) умершая была похоронена в шерстяном переднике, нижняя часть которого была украшена бронзовыми ромбическими бляшками (Urbanavičius, 1978: 130—131).

Совершенно иная картина прослеживается на материалах одежды балтских племен Латвии. Здесь наряду с традиционными бронзовыми украшениями головных уборов широко орнаментируются и другие части одежды (наплечные покрывала, рубахи, нарукавники). При украшении покрывал латгальские и селские женщины использовали широкие колечки и спиральные трубочки (рис. 1—1). Колечки изготавливались из тонких пластинок, которые втыкались в ткань и загибались. Они располагались на ткани в шахматном порядке. Из колечек составлялись прямые перемежающиеся ряды, треугольные и крестообразные композиции. Длинные спиральные трубочки, обычно свитые из тонкой треугольного сечения проволоки и закрепленные каймой, сотканной на дощечках, завершали узор на концах наплечных покрывал (Zarina, 1970: 67—98; Зариня, 1980а: 503, 504). Таковы были основные технические приемы изготовления узоров на тканях, выработанные восточнобалтийскими

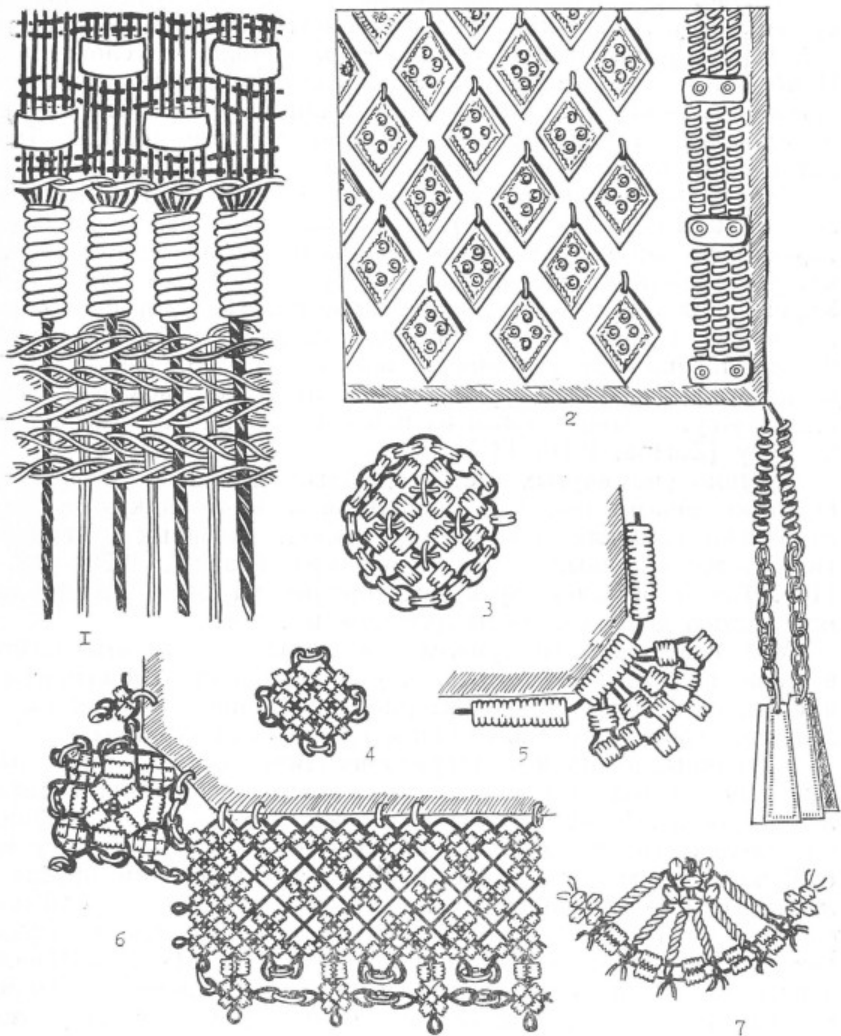

Рис. 1. Типы узоров из бронзы на тканях у различных групп населения Восточнобалтийского региона.

племенами в VII—VIII вв. и сохранявшиеся ими вплоть до XIII в., когда бронзовые украшения уступили место вышивке бисером и клетчатым рисункам из цветной пряжи.

Однако, если на протяжении всего времени существования бронзовых узоров техника их изготовления не менялась, то сам характер композиций постоянно развивался и усложнялся. Наиболее роскошные украшения на женских покрывалах относятся к XI—XII вв. Аналогичная техника орнаментации использовалась и при украшении других деталей одежды. Так, воткнутыми в ткань широкими колечками была украшена передняя часть мужского кафтана из могильника Радзес (Zarina, 1970: 153, 156, рис. 89). Подобным же образом орнаментировались нарукавники — узкие полосы из шерстяной ткани, которыми плотно оборачивалась рука от запястья до локтя. Украшенная сторона находилась наверху. По сути бронзовые колечки в данном случае являлись своеобразной кольчугой, предохранявшей руку воина во время боя. В более простом варианте аналогичную функцию выполнял ремешок или шерстяной жгут с нанизанными на нем спиральками и намотанный на руку (Zarina, 1970: 187).

Помимо упомянутых частей одежды, латгалы и селы украшали колечками пояса, а собранные в многорядную полосу спиральки служили в качестве женских головных венчиков (или более сложных головных уборов) (Zarina, 1970: 112—118). Таким образом, бронзовые орнаменты были неотъемлемой частью декора одежды латгалов и селов.

Многочисленные материалы позволяют сделать вывод, что в конце I — начале II тыс. н. э. у группы восточнобалтийских племен, обитавших на территории современной Латвии складывается свой этнографический стиль в узоре одежды.

Единичные находки на территории Литвы сопоставимы с латышскими находками в приемах крепления бронзовых деталей на ткань. В обоих случаях мелкие бронзовые украшения по отдельности втыкаются в материю и формируют на ткани единую цельную композицию. В Литве это пластинки, прикрепленные к ткани проволочными колечками, в Латвии — колечки, воткнутые в ткань. В этой связи нельзя не отметить, что в редких случаях, как например, на виллайне из Кивты (VII—VIII вв.), у латгалов в узор, составленный из колечек, вплетены ряды из трапецевидных подвесок (Zarina, 1970: 77), то есть использовался тот же прием, что и на литовских тканях. По всей видимости, в единстве технического приема отражаются общие корни традиции, появившейся в I тыс. н. э. у различных балтских племен.

Совершенно иной принцип был заложен в характер изготовления бронзовых узоров финских народов. Основу их украшений составляли фигуры, сплетенные из шнура. При плетении шнура на него в строгой последовательности нанизывались

мелкие проволочные спиральки, создававшие различные геометрические узоры. Оригинальные плетения из шерстяного шнура позволяли делать фигуры самых различных конфигураций в виде лент, квадратов, крестов, кругов и т. д. Подобные украшения использовались иногда и как самостоятельные элементы одежды (каттеры — у эстов, диадемы — у западных финнов), но чаще всего они накладывались на ткань сверху в качестве аппликаций. В этом случае при плетении шнура по краю орнаментальной фигуры оставлялись петельки, за которые узоры прикреплялись на ткань (или к краю ткани) с помощью маленьких проволочных колечек (рис. 1—6). Данная техника орнаментации была хорошо знакома всем финским народам. В то же время каждая этнографическая группа западно-финского населения имела свои особенности в характере бронзовых украшений тканей.

По мнению финских исследователей на территории Финляндии существовало по крайней мере три области несколько отличающихся в украшении одежды — район Эуры (западная Финляндия), район Миккели (восточная Финляндия) и район Карелии (Vahter, 1928: 61—70; Lehtosalo-Hilander, 1984: 61, 62). На карельских находках орнаментальная полоса формировалась путем взаимного чередования спиралек с непокрытым шнуром, обычно из конского волоса, сдвоенного с шерстяной пряжей. В восточной Финляндии узор нанизывался на нити из растительного волокна, и в отличие от карельских орнаментов спиральки полностью покрывали шнурок, так что даже в местах его пересечения находилась маленькая спиралька. Для данного района также были не характерны угловые композиции. В материалах западной Финляндии, с одной стороны, в технике исполнения орнамента сочетались черты обоих отмеченных районов, с другой стороны, в композиционном решении узоров прослеживались местные особенности — орнамент как бы состоял из ряда отдельных узоров, так называемая клеточная композиция, а по углам изделий располагались веерообразные фигуры (рис. 1—3, 5).

В ряде курганных групп XII—XIII вв. Северо-Запада Новгородской земли также встречаются шерстяные ткани, украшенные бронзовыми спиральками. Многие исследователи полагают, что здесь в начале II тыс. н. э. жило финское племя воль (Седов, 1953: 190—229, 1984: 155—161, 1987: 35—38; Рябинин, 1983: 482—493, 1987: 408—411, 1990: 15—27). Так куски тканей с бронзовыми узорами зафиксированы в могильниках Унотицы и Мануйлово на территории Ижорского плато (Спицын, 1896: 32, табл. XVI: 15, 16) и в могильниках Большие Поля и Павлов Погост в районе северо-восточного Причудья (Спицын, 1903: 64, 91). В XIII—XIV вв. финское население южного побережья Финского залива наряду с бронзовыми спиральками использовало для орнаментации своей одежды оло-

вянистые бляшки. В могильнике Волговицы бронзовыми спиральками были обшиты края изделия, которое можно рассматривать, как набедренник, а мелкие оловянные бляшки украшали концы головного повойника (Рябинин, Хвоцинская, 1990: 45).

Значительное разнообразие узоров на тканях представлено в могильнике Залахтове, расположенном на восточном побережье Чудского озера. Судя по

характеру материальной культуры, можно полагать, что данный погребальный комплекс был оставлен группой древнеэстонского населения, оторвавшегося от основной этнической группы, но сохранившего свою этнографическую самобытность на протяжении трех столетий (XI—XIII вв.) (Хвоцинская, 1978: 18, 19; 1985: 177—179; 1990: 2). Залахтовская группа финнов украшала бронзовыми орнаментами как женскую, так и мужскую одежду. В мужском костюме наиболее часто орнаментировались края обмоток ног. В одном случае спиральками была расшита верхняя мужская рубаха (Хвоцинская, 1984: 39—44). Узоры украшали низ, боковые разрезы и плечи рубахи.

Рис. 2. Реконструкция одежды женщины XII в. из могильника Залахтове (погребение 208).

Крупными спиральками оконтуривались края рукавов и ворота. В женском костюме спиральки использовались для орнаментации накидок, краев передников и в редких случаях — деталей сарафанообразных юбок (рис. 2).

Основная часть залахтовских узоров представляет собой полосы, выполненные из мелких спиралек в виде сетки ромбиков. Ромбик, составленный из четырех миниатюрных спиралек, является основным элементом финских узоров. Сочетание этого элемента со спиральками больших размеров, а также различные композиционные взаиморасположения ромбиков.

позволяли составлять сложные по конфигурации геометрические фигуры.

По этнографическим особенностям аппликационные орнаменты на тканях Залахтовья представляют единство с уже упомянутыми немногочисленными находками из курганов Ижорского плато и северо-восточного Причудья и с тканями Эстонии. Традиция украшения одежды у эстов археологически фиксируется с XI в. Эстонские женщины расшивали бронзовыми узорами края наплечных накидок и передников. Отметим, что некоторые орнаменты, обнаруженные на эстонских тканях, до мельчайших деталей повторяют детали узоров из могильника Залахтовье.

Анализируя ткани Эстонии, С. К. Лаул справедливо отметила, что та техника узора, которая приписывалась финскими исследователями исключительно карелам (Vahter, 1928: 61—70; Lehtosalo-Nilander, 1984: 39) — имеется в виду взаимное чередование спиралек с непокрытым шнурком — распространена значительно шире. Подобный технический прием использовался в восточной Эстонии и северо-восточной Латвии (Laul, 1990: 34). К этому следует также добавить находки с территории западных районов Новгородской земли.

В целом по материалам бронзовых орнаментов на одежде западные районы Новгородской земли в период XI—XIII вв. представляют единую культурно-историческую зону с территорией восточной Эстонии.

Особое место среди финских племен Балтийского региона занимают ливы. Их орнаменты на одежде отличались наибольшим разнообразием и богатством (Зариня, 1980б: 125—131; Zarina, 1988: 31—38). Само географическое положение ливов по соседству с балтами предопределило два направления в развитии техники орнаментации тканей: с одной стороны — традиционно финскую, а с другой — заимствованную от балтов (Zarina, 1988: 86). К традициям балтских племен восходит использование в ливских украшениях широких профилированных бронзовых колечек, которые втыкались в ткань или нанизывались на нить (рис. 1—7). Однако, ливы не повторяли украшения балтов, а включали колечки наряду с литыми оловянными розетками и мелким бисером для оформления собственных своеобразных композиций. Многообразны и типы узоров, выполненные в традиционной финской технике. Отметим, что некоторые из них полностью идентичны характеру орнаментов на тканях эстов и новгородских финнов, а мотив «ветвящейся свастики» находит себе ближайшую аналогию в карельских могильниках.

Таким образом, археологические материалы показывают, что в среде финских и балтских народов, живших по берегам Балтийского моря, сформировалась устойчивая традиция в украшении одежды бронзовыми орнаментами. В этой связи не-

сколько обособленно выглядит группа финнов юго-восточного Приладожья. По характеру материальной культуры это население явно тяготеет к западнофинским племенам. Однако, в отличие от народов обитавших к западу и северу от Ладожского озера, у данной группы финнов традиция украшать свою одежду мелкими бронзовыми элементами не получила распространения. В Приладожье найден лишь один экземпляр ткани, украшенный пластинчатыми колечками, в могильнике Алеховщина (Давидан, 1989: 331, 332; рис. 2—4). Причем по технике исполнения орнамента и характеру использованных элементов этот фрагмент ткани имеет явное латгальское происхождение. Безусловно, отсутствие у приладожских финнов рассматриваемой традиции говорит об особой судьбе сложения этнографических черт данной группы населения.

Итак, на территории Балтийского региона бытовали два различных стиля в характере бронзовых украшений одежды — балтский и финский. Различия между ними прослеживаются в способе крепления орнаментов на ткань, в конфигурациях узоров и в самих деталях, составляющих орнаменты. В свою очередь, среди балтских и финских типов украшений выделяются локальные варианты орнаментов, связанные с отличительной особенностью узоров отдельных этнографических групп населения. Узор на одежде был как бы своеобразным родовым знаком, по которому человек мог узнать своего соплеменника.

В литературе неоднократно обсуждался вопрос о происхождении бронзовых орнаментов на тканях населения восточной Прибалтики. Существуют две противоположные точки зрения. Согласно одной из них, впервые высказанной Х. Аппелгреном-Кивало, традиция украшать ткани бронзой возникла в среде финно-угорских народов и затем была заимствована индоевропейцами (балтами) (Appelgren-Kivalo, 1926: 117—125; см. также: Lehtosalo-Hilander, 1984: 60; Laul, 1990: 30). Основным аргументом исследователей, придерживающихся данного мнения, является то, что уже в первой половине и третьей четверти I тыс. н. э., как западные, так и восточные финские племена широко применяли в различных типах украшений бронзовые спиральки (в головных венчиках и диадемах, на поясах, по бортам одежды, в ожерельях среди бус и т. д.). П.-Л. Лехтосало-Хиландер даже предположила, что сама идея орнаментации тканей бронзой восходит к византийской традиции, и прототипами бронзовых украшений у финнов могли быть орнаменты на одежде, выполненные золотыми нитями (Lehtosalo-Hilander, 1984: 63).

Иных взглядов придерживаются исследователи, изучавшие ткани балтов. По мнению А. Э. Зарини именно балтские народы дали начало традиции украшать ткани бронзой. Главным аргументом является то, что у балтов первые комплексные орнаменты непосредственно на тканях (не отдельные элементы)

широко бытовали уже в VII—VIII вв., в то время как у финнов подобные украшения распространились гораздо позже (Zarina, 1988: 21). А. Э. Зариня согласилась с мнением З. Блумберга в том, что рассматриваемые украшения являются «сложившимся в Прибалтике локальным вариантом приема украшения ткани продетыми в нее бронзовыми пуговками, распространенного в Западной Европе начиная с эпохи бронзы» (Zarina, 1988: 92).

Сравнивая приведенные точки зрения, нетрудно заметить два основных момента. Во-первых, то, что приоритет финно-угорскому происхождению орнаментации тканей бронзой отдают финские и эстонские исследователи, а балтскому — археологи Латвии и Литвы. Во-вторых, решающим аргументом в обоих случаях является большая древность нахождения элементов украшений в археологических памятниках.

Традиция использования металла при орнаментации одежды, проявляющаяся в многообразных формах (нашивка бляшек, ряды подвесок и пуговиц, обшивка краев и т. д.) имеет глубокие корни у разных народов на огромной территории от Урала до Прибалтики. Стремление отыскать единственный очаг этого явления бесперспективно. В зависимости от исходной позиции исследователя можно отдавать предпочтение разным элементам в разных культурах, что и наблюдается в литературе. На наш взгляд гораздо важнее не просто поиски наиболее древних бронзовых элементов костюма, а анализ техники создания узоров и их композиционного построения, поскольку именно эти элементы были важнейшими при определении этнографических особенностей костюма различных групп населения. К примеру, у финнов орнаментации ткани шнурками с низанными спиральками могла предшествовать орнаментация тканей накладными толстыми плетеными нитями.

Как мы показали, техника расшивания одежды бронзой у финнов и у балтов была совершенно разная. Именно в этом проявились различные корни, казалось бы на определенном этапе единой традиции. А если это так, то появление у финнов и балтов обычая украшать ткани бронзой не является прямым заимствованием одного из народов, так как не были восприняты сами приемы орнаментации. Данная мысль подтверждается анализом костюма ливов — народа, жившего на границе финнов и балтов. Сохраняя финские элементы орнаментации костюма и традиционную технику, ливы частично заимствовали элементы костюма балтов, восприняв их с соответствующими приемами исполнения.

Традиции украшения бронзой одежды у западных финнов и у балтов имели различные корни, а на рубеже I и II тыс. н. э. они проявились наиболее ярко в регионе Восточной Балтики на фоне костюма соседних народов, создав впечатление некоего культурного единства.

ЛИТЕРАТУРА

Давидан О. И. 1989. Ткани из курганов Юго-восточного Приладожья// Кочуркина С. И. Памятники Юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: 316—336.

Зарина А. Э. 1980-а. Одежда населения Восточной Латвии в XI—XII вв. и некоторые ее сходные черты с одеждой славян//III Международный конгресс славянской археологии. Т. 2. Братислава: 503—512.

Зарина А. Э. 1980-б. Некоторые общие с ливами элементы украшения одежды латгалов и селов XII—XIII вв.//Из древнейшей истории балтских народов. Рига: 125—131.

Рябинин Е. А. 1983. Древнейшие памятники воды в Новгородской земле//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981. Л.: 482—493.

Рябинин Е. А. 1987. Об исследовании средневековых могильников воды в Ленинградской области//Известия АН Эстонской ССР (общественные науки) 36/4: 408—411.

Рябинин Е. А. 1990. Водь//Финны в Европе VI—XV вв. Вып. 2. М.: 15—31.

Рябинин Е. А., Хвоцинская Н. В. 1990. Культура прибалтийско-финского и русского населения Северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения//Финны в Европе VI—XV веках. Вып. 2. М.: 41—47.

Седов В. В. 1953. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV). СА, XVIII: 190—229.

Седов В. В. 1984. Водь//Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: 155—161.

Седов В. В. 1987. Водь//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: 35—38.

Спицын А. А. 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского//МАР 20. СПб.

Спицын А. А. 1903. Курганы Гдовского уезда в раскопках В. Н. Глазова//МАР 29. СПб.

Хвоцинская Н. В. 1984. Новые данные о мужской одежде населения западных окраин Новгородской земли//КСИА. Вып. 179: 39—44.

Хвоцинская Н. В. 1985. Погребальные памятники северного и северо-восточного побережья Чудского озера начала II тыс. н. э.//Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн: 168—179.

Хвоцинская Н. В. 1990. Население восточного берега Чудского озера//Финны в Европе VI—XV века. Вып. 2. М.: 6—14.

Appelgren-Kivaló H. 1926. Bronsspiralerna på den yngre järnalderns dräkter och deras betydelse för nationalitetsdestämmelser//Suomen Muinaismuistiyhdistyksen Aikakauskirja XXXVI. Helsinki: 117—125.

Laul S. 1990. Einige gemeinsame Züge in den vorgeschichtlichen Trachten der Ostseefinnen//Finno-Ugric Studies in Archaeology, Anthropology and Ethnography. Tallinn: 29—43.

Lehtosalo-Hilander P.-L. 1984. Ancient finnish costumes. Helsinki.

Lietuviai. 1958. Lietuviu liaudies menas. II. Vilnius.

Urbanavičius V. 1978. Jakštaičių — Meškiu (Siauliy raji) kapinyna tyrinejimai 1974 metais//Archeologiniai tyrinejimai Lietuvoje 1974 ir 1975 metais. Vilnius: 130—131.

Vahter T. 1928. Pronsskierukkakoristelun teknillisistä menetelmä//Suomen Museo XXXV. Helsinki: 61—70.

Volkaite-Kulikauskiene R. 1970. Lietuviai IX—XII amžiais. Vilnius.

Zarina A. 1970. Seno latgalu apgerbs 7. — 13. gs. Riga.

Zarina A. 1988. Libiesu apgerbs 10. — 13. gs. Riga.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Радиоуглеродные определения в лаборатории ИИМК РАН (ЛОИА АН СССР) проводятся с конца 60-х годов. В диапазон датировемых объектов входят археологические памятники, начиная с эпохи верхнего палеолита и вплоть до позднего средневековья и нового времени. Применительно к Северо-Западному региону России преимущественное внимание уделяется неолитическим культурам и культурам раннего металла, поскольку они достаточно широко представлены в этом регионе и установление их хронологии позволяет решать проблемы генезиса археологических культур Европы.

В данной статье приводится наиболее полный перечень радиоуглеродных определений для памятников неолита — раннего металла Калининградской, Ленинградской, Псковской и Смоленской областей, выполненных лабораторией в течение последних 6 лет. До настоящего времени их публикация носила отрывочный характер, ограниченный в основном материалами региональных совещаний (Долуханов, Зайцева, 1991; Тимофеев, Зайцева, 1989; 1991). Приводимые здесь радиоуглеродные даты рассчитаны на основе периода полураспада радиоуглерода — 5568 лет. Наряду с каждой радиоуглеродной датой даются и интервалы значений соответствующего ей календарного возраста. Для приведения радиоуглеродной даты к календарному возрасту использовалась специальная компьютерная программа (Stuiver, Reimer, 1986), выполненная на основе обобщающих калибровочных кривых Стювера и Пирсона (Stuiver, 1986; Pearson, 1986). Такая программа в настоящее время широко используется как в отечественной, так и в зарубежной практике. В тех случаях, когда калибровочная кривая имеет довольно сложный характер, радиоуглеродной дате может соответствовать несколько интервалов календарного возраста. В таком случае мы указываем 3 основных интервала, а промежуточные обобщаем и заключаем в скобки. Когда в соответствии с программой не удавалось получить значения календарного возраста (в основном это относится к датам для раннего неолита, имеющим достаточно большую ошибку определений возраста) для калибровки были использованы таблицы Клейна (Klein, Clegman, 1982), что отмечено знаком «ж».

В целом следует отметить, что приводимые радиоуглеродные даты и соответствующие им интервалы календарного возраста

являются лишь основой для дальнейших хронологических изысканий, которые должны проводиться комплексно с включением всех возможных методов построений хронологий, используемых археологами, в том числе типологических, стратиграфических, палинологических и т. д., применяя рациональные стороны каждого из них. В первоначальном виде публикуемые радиоуглеродные даты позволяют сделать сравнительный анализ хронологии неолитических культур Северо-Запада России и сопоставить их с подобными определениями соответствующих памятников Западной Европы и Скандинавии, оставляя обобщающие выводы для исследователей, занимающихся этими проблемами.

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Для хронологии памятников Калининградской области эталонное значение имеют стоянки Цедмарского (Серовского) торфяника, расположенного в Озерском районе, где найдены материалы, относящиеся к неолитическому времени и раннему железному веку (Тимофеев, 1980). Комплексное изучение стоянок Цедмар А и Цедмар Д проводится в течение 20 лет Калининградским отрядом института, руководимым В. И. Тимофеевым, которым и были представлены материалы для датирования, отобранные, в основном, в 1988 году.

Ле-3923

Цедмар А. Уголь из нижнего неолитического слоя, горизонт 4. Раскопки 1978 г.

5130 ± 100 л. т. н.

Кал.: 4040... 3900; 3890... 3790 л. до н. э.

Ле-3182

Цедмар Д. Уголь из неолитического слоя, прирезка к кв. 19.

Раскопки 1988 г.

5990 ± 120 л. т. н.

Кал.: 5230... 4575 л. до н. э.*

Ле-3168

Цедмар Д. Конец бревна, впущенного в материк на гл. 0,2 м. Дерево.

3890 ± 60 л. т. н.

Кал.: 2466... 2300 л. до н. э.

Ле-3169

Цедмар Д. Часть утолщенного бревна из кв. 18, гл. 0,5 м. Дерево.

4300 ± 40 л. т. н.

Кал.: 3024... 2998; 2926... 2892 л. до н. э.

Ле-3170

Цедмар Д. Часть деревянного настила в кв. 17,7 см над алевритом. Дерево.

4210 ± 45 л. т. н.

- Кал.: 2908... 2870; 2880... 2774; 2772... 2700 л. до н. э.
 Ле-3171
 Цедмар Д. Кол, впущенный в материк на гл. 0,35 м, на стыке кв. 8 и 13. Дерево.
 4250 ± 40 л. т. н.
- Кал.: 2914... 2882; 2800... 2782 л. до н. э.
 Ле-3172
 Цедмар Д. Сапрпель из прослоя, перекрывающего нижний горизонт, кв. 11.
 4360 ± 70 л. т. н.
- Кал.: 3094... 3064; 3042... 2912 л. до н. э.
 Ле-3173
 Цедмар Д. Древесина на алевролите, кв. 20. Дерево.
 4990 ± 45 л. т. н.
- Кал.: 3904... 3922; (3910... 3776); 3750... 3706 л. до н. э.
 Ле-3174
 Цедмар Д. Дерево из кв. 10.
 5090 ± 50 л. т. н.
- Кал.: 3982... 3928; 3916... 3914; 3878... 3814 л. до н. э.
 Ле-3175
 Цедмар Д. Кол, впущенный в алевролит на гл. 0,35 м, кв. 13. Дерево.
 2740 ± 40 л. т. н.
- Кал.: 918... 836 л. до н. э.
 Ле-3176
 Цедмар Д. Уголь из нижней прослойки песка кв. 11.
 5170 ± 70 л. т. н.
- Кал.: 4218... 4206; (4140... 3942); 3852... 3820 л. до н. э.
 Ле-3177
 Цедмар Д. Часть настила из бревен, перекрывающих культурный слой, кв. 13.
 4170 ± 45 л. т. н.
- Кал.: 2882... 2862; (2814... 2669); 2632... 2626 л. до н. э.
 Ле-3178
 Цедмар Д. Древесина из горизонта, лежащая в основании за-торфованного слоя на гл. 0,5 м.
 2640 ± 50 л. т. н.
- Кал.: 890... 882; 844... 794 л. до н. э.
 Ле-3179
 Цедмар Д. Древесина из основания слоя песка, кв. 27.
 4880 ± 50 л. т. н.
- Кал.: 3774... 3752; 3704... 3636 л. до н. э.
 Ле-3180
 Цедмар Д. Бревно из слоя торфа, кв. 14. Дерево.
 2550 ± 40 л. т. н.
- Кал.: 804... 762; (682... 600); 570... 562 л. до н. э.
 Ле-3181

- Цедмар Д. Уголь из прослойки песка над алевритом, кв. 27.
5150 ± 100 л. т. н.
Кал.: 4220... 4210; (4140... 3810); 3800... 3790 л. до н. э.
Ле-3925
- Цедмар Д. Уголь из скопления камней кв. 13, 19. Раскоп 1974 г.
3870 ± 290 л. т. н.
Кал.: 2860... 2810; (2750... 2680); 2670... 1970 л. до н. э.
Ле-3926
- Цедмар Д. Уголь из слоя торфа, перекрывающего светло-желтый песок — неолитический культурный слой. 15—20 см выше материкового алеврита.
4890 ± 100 л. т. н.
Кал.: 3900... 3890; 3790... 3620; 3580... 3530 л. до н. э.
Ле-3921
- Цедмар Д. Орудие из рога благородного оленя. Раскоп 1969 г.
5640 ± 300 л. т. н.
Кал.: 5185... 3890 л. до н. э.*

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

В 1984 году была открыта стоянка Сяберская III, которую можно отнести к эталонным памятникам эпох неолита — раннего металла. Памятник расположен в Лужском районе на берегу озера Сяберское. Заселение стоянки происходило многократно; выделены комплексы раннего и развитого неолита, эпохи раннего железа, перекрытые остатками средневековых поселений. Материал для датирования представлен В. И. Тимофеевым (раскопки 1986—1988 гг.).

Ле-3426

Сяберская III. Яма 5 в кв. 10. Уголь из основания заполнения ямы.

3880 ± 160 л. т. н.

Кал.: 2540... 2130; 2060... 2050 до н. э.

Ле-3427

Сяберская III. Яма 4 в кв. 10, горизонт 9. Уголь.

3910 ± 100 л. т. н.

Кал.: 2570... 2530; 2510; 2230... 2210 л. до н. э.

Ле-3429

Сяберская III. Уголь, перекрывающий развал сосуда.

4025 ± 70 л. т. н.

Кал.: 2856... 2824; 2658... 2640; 2616... 2468 л. до н. э.

Ле-3430

Сяберская III. Уголь из ямы кв. 7, горизонт 7.

4090 ± 120 л. т. н.

Кал.: 2870... 2800; (2780... 2570); 2540... 2500 л. до н. э.

Ле-3127

- Сяберская III. Уголь из пятна в западной части кв. 30, горизонт 3.
1225 ± 35 л. т. н.
Кал.: 727... 736; 768... 860; 868... 870 л. н. э.
Ле-3128
- Сяберская III. Деревянный кол из кв. 14, горизонт 5.
2740 ± 40 л. т. н.
Кал.: 918... 838 л. до н. э.
Ле-3131
- Сяберская III. Уголь из кв. 18, горизонт 5, на 55 см ниже верха горизонта.
1920 ± 100 л. т. н.
Кал.: 40 л до н. э. ... 210 л. н. э.
Ле-3132
- Сяберская III. Уголь из ямы нижней части кв. 8, горизонт 3.
1880 ± 55 л. т. н.
Кал.: 70... 146; 158... 212 л. н. э.
Ле-3133
- Сяберская III. Уголь из линзы кв. 29, горизонт 3.
3480 ± 90 л. т. н.
Кал.: 1924... 1732; 1724... 1690 л. до н. э.
Ле-3134
- Сяберская III. Уголь из пятна кв. 13, горизонт 3.
2450 ± 90 л. т. н.
Кал.: 762... 682; (660... 464); 450... 410 л. до н. э.
Ле-3136
- Сяберская III. Остатки деревянного кола из кв. 20, горизонт 5.
Дерево.
1470 ± 190 л. т. н.
Кал.: 350... 360; 370... 770 л. н. э.
Ле-3137
- Сяберская III. Уголь из кв. 7, горизонт 5.
4970 ± 250 л. т. н.
Кал.: 4140... 4130; 4040... 3500; 3420... 3380 л. до н. э.
Ле-3138
- Сяберская III. Уголь из пятна кв. 19, горизонт 4.
3695 ± 150 л. т. н.
Кал.: 2320... 1890 л. до н. э.

ПСКОВСКАЯ И СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТИ

С 1963 года экспедицией Государственного Эрмитажа, руководимой А. М. Микляевым, проводятся исследования археологических памятников в междуречье Западной Двины и Ловати на границах Псковской, Смоленской и Витебской областей (Долуханов, Микляев, 1990). К числу исследуемых памятников относятся Рудня Сертейская, Сертея, Дубокрай и городище Межуево, где найдены материалы, относящиеся к эпохам

раннего неолита, развитого неолита, а также раннего железного века и средневековья. Наиболее комплексно исследован многослойный памятник Рудня Сертейская, где проведены стратиграфические, палинологические, палеогеографические исследования и получена большая серия радиоуглеродных дат на материалах, представленных А. М. Микляевым в 1983—1991 гг.

Памятник Рудня Сертейская расположен в Велижском районе Смоленской области на р. Сертея, вблизи ее впадения в Западную Двину.

Ле-3000

Рудня Сертейская. Дерево из кв. В-4.

5480 ± 60 л. т. н.

Кал.: 4454... 4428; (4396... 4320); 4288... 4244 л. до н. э.

Ле-3001

Рудня Сертейская. Дерево и кв. В-4,5, гл. 1,1 м.

5390 ± 60 л. т. н.

Кал.: 4340... 4230; 4192... 4164 л. до н. э.

Ле-3002

Рудня Сертейская. Дерево из кв. В-12, гл. 1,1 м.

4720 ± 40 л. т. н.

Кал.: 3618... 3576; 3530... 3498; 3420... 3373 л. до н. э.

Ле-3054

Рудня Сертейская. Сапрпель из кв. В-3.

6240 ± 60 л. т. н.

Кал.: 5365... 4975 л. до н. э.*

Ле-3675

Рудня Сертейская. Дерево из кв. Б-2.

4780 ± 110 л. т. н.

Кал.: 3700... 3500; 3470... 3460; 3430... 3380 л. до н. э.

Ле-4100

Рудня Сертейская. Дерево из кв. Г-4.

5830 ± 280 л. т. н.

Кал.: 5285... 4124 л. до н. э.*

Ле-4101

Рудня Сертейская. Дерево из кв. Б-9, лежащее наполовину в сапрпеле, гл. 1,25 м.

5940 ± 130 л. т. н.

Кал.: 5230... 4545 л. до н. э.*

Ле-4102

Рудня Сертейская. Дерево из кв. Г-7, гл. 1,7 м.

5490 ± 130 л. т. н.

Кал.: 4500... 4230; 4190... 4160 л. до н. э.

Ле-4103

Рудня Сертейская. Дерево из кв. Б-3, лежащее в сапрпеле.

5320 ± 130 л. т. н.

Кал.: 4330... 4280; 4250... 4040; 4020... 4000 л. до н. э.

Ле-4104

- Рудня Сертейская. Дерево из кв. Г-7. 5560 ± 130 л. т. н.
 Кал.: 4580... 4320; 4280... 4240 л. до н. э.
 Ле-4105
- Рудня Сертейская. Дерево из кв. Г-6, гл. 1,58 м. 5370 ± 130 л. т. н.
 Кал.: 4350... 4220; 4210... 4140; 4120... 4040 л. до н. э.
 Ле-4107
- Рудня Сертейская. Дерево из кв. Г-6, гл. 1,5 м. 5540 ± 290 л. т. н.
 Кал.: 5005... 3850 л. до н. э.*
 Ле-4111
- Рудня Сертейская. Дерево из кв. Г-5, 6, гл. 1,56 м. 5440 ± 130 л. т. н.
 Кал.: 4460... 4420; (4400... 4090); 4060... 4050 л. до н. э.
 Ле-4108
- Сертея 8, Велижский р-н Смоленской обл. Дерево из культурного слоя, гл. 1,0 м. 4590 ± 130 л. т. н.
 Кал.: 3510... 3400; 3390... 3270; 3250... 3100 л. до н. э.
 Ле-4110
- Сертея 8. Дерево из культурного слоя, гл. 1,13 м. 4620 ± 200 л. т. н.
 Кал.: 3630... 3570; 3540... 3090; 3060... 3050 л. до н. э.
 Ле-4112
- Сертея 8. Дерево из шурфа 3, гл. 1,3 м. 4760 ± 200 л. т. н.
 Кал.: 3780... 3330; 3230... 3190; 3150... 3140 л. до н. э.
 Ле-4113
- Сертея 8. Дерево из шурфа 3, гл. 1,25 м. 5120 ± 160 л. т. н.
 Кал.: 4220... 4200; (4140... 3780); 3750... 3750... 3710 л. до н. э.
 Ле-3676
- Сертея 11. Велижский р-н Смоленской обл. Дерево из слоя, контактного с материком. 2490 ± 100 л. т. н.
 Кал.: 790... 520; 430... 420 л. до н. э.
 Ле-4109
- Сертея 11. Дерево из культурного слоя сапропеля. 4000 ± 140 л. т. н.
 Кал.: 2870... 2810; (2770... 2450); 2440... 2350 л. до н. э.

В Псковской области открыты и исследуются озерные и болотные поселения, типичные для Европы от эпохи неолита вплоть до раннего железного века. К числу таких памятников принадлежат Дубокрай 1 и Дубокрай 5. Поселение Дубокрай 5 целиком лежит на дне озера Сенница, так же как и большая часть поселения Дубокрай 1, лишь периферийная

часть которого закрыта торфом. Они определены как озерные свайные поселения, возведенные на фундаментах из свай, забитых первоначально в дно озера, а затем оказавшихся в пойме водоема (Долуханов, Микляев, 1990).

Ле-2837

Дубокрай 1. Невельский р-н Псковской обл. Образец отобран из толщи торфяника в 1982 году. Дерево.

2640 ± 40 л. т. н.

Кал.: 834... 798 л. до н. э.

Ле-2838

Дубокрай 1. Дерево из толщи торфяника. Отобран в 1982 г.

3660 ± 40 л. т. н.

Кал.: 2134... 2070; 2046... 2024; 2004... 1978 л. до н. э.

Ле-2839

Дубокрай 1. Дерево из торфяника. Раскопки 1982 г.

3140 ± 40 л. т. н.

Кал.: 1508... 1484; 1456... 1396 л. до н. э.

Ле-2840

Дубокрай 1. Часть бревна с поселения. Раскопки 1982 г.

3720 ± 40 л. т. н.

Кал.: 2198... 2156; 2148... 2122; 2084... 2040 л. до н. э.

Ле-2999

Дубокрай 5. Свайное поселение на оз. Сенница. Невельский р-н Псковской области. Уголь со дна озера.

4080 ± 40 л. т. н.

Ле-3003

Дубокрай 5. Уголь со дна озера.

4720 ± 40 л. т. н.

Кал.: 3618... 3576; 3530... 3498; 3420... 3378 л. до н. э.

Ле-4211

Поселение «Мосты», Усвятский р-н Псковской обл. Культурные остатки находятся на дне оз. Сенница. Железодельная мастерская. Уголь из шлака. Раскопки 1986 г.

1390 ± 160 л. т. н.

Кал.: 440... 790 л. н. э.

Ле-3677

Городище Межуево. С находками раннего железного века. Невельский р-н Псковской обл., в 8 км от оз. Усвяты. Уголь из кв. Ж-3, гл. 1,0—1,04 м.

2490 ± 110 л. т. н.

Кал.: 90... 510; 430... 420 л. до н. э.

Ле-3679

Городище Межуево. Уголь из кв. Ж-3, гл. 0,7 м.

2200 ± 100 л. т. н.

Кал.: 390... 160 л. до н. э.

Ле-3680

Городище Межуево. Уголь из кв. Ж-3, гл. 0,7 м.

2080 ± 100 л. т. н.

Кал.: 350... 320 л. до н. э.; 220 л. до н. э. ... 20 л. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Долуханов П. М., Микляев А. М. 1990. О методике исследования озерных свайных поселений эпохи неолита и бронзы на Северо-Западе СССР// Полевая археология мезолита-неолита. Л.: 30—38.

Долуханов П. М., Зайцева Г. И., Гей Н. А., Микляев А. М. 1991. Развитие растительности и климата в бассейне Западной Двины в голоцене и эволюция первобытных культур//Геохронологические и изотопно-геохимические исследования в четвертичной геологии и археологии. Вильнюс. 123—131.

Тимофеев В. И. 1980. Неолитические памятники Калининградской обл. и их место в неолите Прибалтики//Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.: 19.

Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. 1989. Данные по абсолютной хронологии многослойного поселения Сяберская III Ленинградской обл.//Геохронология четвертичного периода. Тезисы докладов. М.: 108.

Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. 1991. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников эпох неолита и раннего металла Ленинградской и Калининградской областей//Геохронологические и изотопно-геохимические исследования в четвертичной геологии и археологии. Вильнюс: 123—131.

Klein J., Clerman J., Damon P. E., Ralf E. Kå. 1982. Calibration of radiocarbon dates//Radiocarbon, V. 4, N 2: 103—150.

Pearson G. W., Pilcher J. R., Baillie M. G. I., Corbett D. M., Qua F. 1986. High precision 140 measurements of Irish oaks to show the natural 140 variations from AD 1840 to 5210 BC//Radiocarbon, V. 28, N 2B: 11—934.

Stuiver M., Pearson G. W. 1986. High precision calibration of the radiocarbon time scale AD 1950—500 BC//Radiocarbon, V. 28, N 2V: 85—838.

Stuiver M., Reimer P. 1986. A computer program for radiocarbon age calibration//Radiocarbon, V. 28, N 2V: 1022—1030.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
<i>В. М. Массон.</i> Предисловие	3
<i>В. И. Тимофеев.</i> Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века	8
<i>В. Я. Шумкин.</i> Ранний каменный век западной части Европейской Арктики (мезолит Северной Скандинавии)	34
<i>Е. Н. Носов.</i> Проблема происхождения первых городов Северной Руси	59
<i>С. В. Белецкий.</i> Древний Псков по данным археологии	78
<i>А. Н. Кирпичников.</i> Каменные крепости Северной Руси. Итоги исследования и некоторые оценки	98
<i>Е. А. Рябинин.</i> Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе части Европейской историко-археологического изучения	114
<i>О. И. Богуславский.</i> Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX—XII вв.	132
<i>Н. В. Хвоцинская.</i> Об особенностях костюма населения Восточно-балтийского региона	157
<i>Г. И. Зайцева, С. Г. Попов, Ю. П. Свеженцев.</i> Новые данные по абсолютной хронологии Северо-Запада России	167

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

(славяно-финно-угорское взаимодействие,
русские города Балтики)

Под редакцией: В. М. Массона, Е. Н. Носова, Е. А. Рябинина
Выпускающий редактор Д. А. Ильин Корректор В. Н. Кисляков

Сдано в набор 6.08.93. Подписано в печать 1.12.93. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типограф. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л 11,5. Тираж 1000. Зак. 123.

Издательство «Петербургское востоковедение» С.-Пг. Университетская наб. д. 3.

Ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» типография № 8 Мининформпечати РФ. 190000, г. Санкт-Петербург, Прачечный пер., д. 6.

Центр "Петербургское Востоковедение" St. Petersburg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение" — независимая организация, образованная в феврале 1992 года. Центр создан для поддержания и развития российской востоковедной науки с акцентом на ее петербургскую школу. Главной задачей Центра является книгоиздание по востоковедной тематике. Постоянное издание Центра — международный альманах "Петербургское Востоковедение", выходящий не реже двух раз в год. Центр готов к сотрудничеству в различных областях науки и культуры.

✉ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
☎ Тел.: (7-812) 218 43 77, факс.: (7-812) 218 08 11

St. Petersburg Centre for Oriental Studies is an independent organization formed in February, 1992. The Centre was created to support and develop the Russian oriental studies with an accent on the Petersburg school. The main goal of the Centre is publishing activities on the oriental studies. The International St. Petersburg Journal of Oriental Studies issued at least two times a year is the regular edition of the Centre. St. Petersburg Centre for Oriental Studies is ready to cooperate in any spheres of science and culture. For further information please contact us.

✉ 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia, 199034
☎ Tel.: (7-812) 218 43 77, fax.: (7-812) 218 08 11

В конце 1992—начале 1993 года

ЦЕНТР
"ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ"

выпустил в свет следующие книги:

Альманах "Петербургское востоковедение",

выпуски первый, второй и третий

Наряду с исследовательскими работами (статьи, архивные материалы, хроника научной жизни, рецензии и библиографии) каждый выпуск альманаха содержит новые, ранее не публиковавшиеся, художественные комментированные переводы древних и средневековых восточных текстов (не менее половины общего объема книги).

Журнал "Кунсткамера. Этнографические тетради",

выпуск первый

Новый журнал российских страноведов и этнографов в русле петербургской ученой традиции. Это — этнография, как она видится с берегов Невы. Журнал содержит исследовательские статьи, посвященные быту и обычаям народов мира, а также материалы, описывающие коллекции крупнейших музеев Санкт-Петербурга.

"Точность - поэзия науки"

Сборник статей памяти выдающегося петербургского китаеведа-энциклопедиста Виктора Васильевича Петрова, включающий его неопубликованную работу об истории преподавания китаеведения в Петербургском университете с середины XIX века по 70-е годы XX века.

"Книга о шаманке Нисань"

Серия "Фольклор народов Маньчжурии", выпуск первый. Факсимиле рукописи, издание текста, транслитерация, перевод на русский язык, примечания, предисловие К. С. Яхонтова.

В 1993 году

ЦЕНТР

"ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ"

планирует выпустить четвертый и пятый номера альманаха

"Петербургское востоковедение".

В четвертом номере: Уэда Акинари. Ханкай (в переводе *И. В. Мельниковой*); путевые заметки Абд Ар-Раззака о путешествии в Индию в 1442-1444 г. (в переводе *О. Ф. Акимушкина*); древнекитайские эротологические тексты: "Десять вопросов" и избранные места из "Баопу-цзы" (в переводе *Е. А. Торчинова*); *И. А. Алимов*. "Жизнь после смерти" в сюжетной прозе старого Китая; материалы о дунхуанском фонде СПбФ ИВ РАН (*Л. Н. Меньшиков*); описание хранящихся в Риге редких маньчжурских рукописей (*К. С. Яхонтов*); *Ю. Л. Кроль*. "Была ли ханьская империя деспотией?" и многое другое. **В пятом номере:** Си Чжо. Гроздь рассказов Ёнчжона (в переводе *Д. Д. Елисева*); "Сокровенные слова" Бахауллы (в переводе *М. А. Родионова*); материалы по истории японской литературы нового времени, по изучению арабских рукописей и арабской музыки и пр.

второй и третий (сдвоенный) выпуск журнала

"Кунсткамера. Этнографические тетради".

В номере: *Н. А. Бутинов*. Нация и этнос: Папуа Новая Гвинея; *А. С. Мыльников*. Этноним "славяне" в ученой мысли XVI-XVII вв.; *С. В. Березницкий*. Представления орочей о душе и духах; *М. Н. Серебрякова*. Вера в глаза и обереги у турок; *Е. А. Торчинов*. Буддийская школа тхиен; *К. С. Яхонтов*. Сводный очерк российских материалов по языку и культуре сибо; *А. П. Терентьев-Катанский*. Восточные элементы в иллюстрациях к третьему путешествию Гулливера; архивные материалы: *Г. Г. Манизер*. Необразильцы и *Л. А. Мерварт*. Сказания о Паттини-деве; материалы к столетию со дня рождения *П. Г. Богатырева*, к девяностолетию со дня рождения *Д. А. Ольдерогге*; библиография по истории русского костюма (*А. Э. Жабрева*) и др.

XXVIII том сборника "Страны и народы Востока"

Тиражи наших книг ограничены!

Мы работаем только с индивидуальными заказами. Книги высылаются наложенным платежом. Принимаются предварительные заявки. Наш адрес:

199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 3, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Центр "Петербургское Востоковедение".

В 1993 году

ЦЕНТР

"ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ"

В серии

ORIENTALIA

ЦЕНТР

"ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ"

готовит к выходу в свет в 1993 - 1994 г.

следующие книги:

В. С. Панфилов.

Грамматический строй вьетнамского языка.

В. Г. Эрман. Калидаса.

Второе, дополненное издание.

М. И. Никитина.

Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сичжо.

М. Е. Кравцова.

Поэтическое творчество Древнего Китая.

М. Бойс. Зороастрийцы.

Второе, дополненное издание. Перевод с английского, подготовка текста и комментарии И. М. Стеблина-Каменского.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ (ARCHAEOLOGICAL NEWS)

Издание осуществляется Институтом истории материальной культуры Российской Академии Наук.

Главный редактор — проф. **В. М. Массон**

Статьи публикуются на русском языке, с детальным резюме на английском. Основная цель издания — оперативное внедрение новейшей археологической информации в научный оборот.

Берлинская стена, долгие годы разделявшая естественную столицу Германии была своеобразным символом определенной эпохи. В той или иной степени барьер разрывал и информационные потоки между Востоком и Западом.

Одна из задач нового издания — усиленное преодоление этого барьера, носящего двусторонний характер.

По мере возможности Археологические вести будут стараться учитывать различные потоки информации — в области новых раскопок, печатной продукции, в сфере организации науки и движения идей.

Мы надеемся, что наши авторы и читатели, объединенные общими интересами мировой археологической науки, будут способствовать учреждению в этой системе еще одной коммуникативной цепочки.

Адрес издания: 191065 Россия, С.-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

Институт истории материальной культуры РАН.

ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Института истории материальной культуры Российской
Академии Наук

Предлагает археологам, геологам, государственным и частным учреждениям, научным сотрудникам и другим желающим воспользоваться ее научным, технологическим и методическим потенциалом.

Лаборатория археологической технологии является одной из старейших в стране лабораторией аналогичного профиля. В ней работают высококвалифицированные специалисты, владеющие традиционными и собственными оригинальными методическими разработками.

В лаборатории накоплен большой архив данных по анализу различных археологических объектов.

Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН может выполнять различные виды исследований:

РАДИОУГЛЕРОДНЫЙ АНАЛИЗ УГЛЕРОДСОДЕРЖАЩИХ МАТЕРИАЛОВ

Радиоуглеродная группа, созданная в 50-х годах и являющаяся первой радиоуглеродной лабораторией в СССР, в своей работе использует технику жидкостного сцинтилляционного счета.

Опыт работы лаборатории и регулярное ее участие в международном межлабораторном тестировании, результаты которого соответствуют уровням работы международных лабораторий, служат гарантией качества и достоверности получаемых результатов. Индекс лаборатории внутри страны — «Ле», международный индекс — «Le».

Перечень образцов, используемых для анализа, разнообразен: дерево, уголь, кость, костный уголь, почва, сапрпель, торф, раковины.

В год делается до 300 определений.

При геохронологических исследованиях для перевода радиоуглеродного возраста в календарное время используется новейшая компьютерная программа.

В архиве лаборатории имеется более 4 тысяч радиоуглеродных определений для памятников различных эпох и регионов бывшего Союза.

Диапазон определяемого возраста — от 40 тысяч лет.

Имеется возможность определять концентрацию радиоуглерода в современных образцах для радиоэкологических исследований.

Наш адрес: 191065 Россия, С.-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

Институт истории материальной культуры РАН.

ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Института истории материальной культуры Российской
Академии Наук

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИРОДНЫХ И ИСКУССТВЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ.

Объектами анализа качественного и количественного элементного состава являются: стекло, эмаль, глазурь, минеральные красители, благородные и цветные металлы, сплавы, кремень.

Анализ проводится из минимальной навески материала (до мг), практически без ущерба ценного экспоната.

Оригинальная методика интерпретации полученных результатов, учитывающая основные, вспомогательные элементы и примеси, позволяет определить место и время изготовления образца.

Анализ позволяет определить подделки в музейных и других ценных экспонатах.

Архив лаборатории насчитывает свыше 10000 определений для различных археологических объектов разных эпох, культур и этнических принадлежностей со всей территории бывшего Союза и некоторых зарубежных стран.

В год делается около 1000 количественных и качественных определений.

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРЕВНИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАСТВОРОВ И ФРЕСКОВОЙ ЖИВОПИСИ

В лаборатории разработана методика физико-химического анализа строительных растворов древнерусских сооружений, позволяющая определить древнерусскую строительную школу и основные приемы древней строительной техники.

Анализ состава фресковой живописи дает возможность понять приемы древнерусской живописной технологии.

Указанные разработки применялись в работах реставраторов Псковского Кремля и древних церквей Киева, Новгорода, Смоленска, и др.

Лаборатория археологической технологии Института истории материальной культуры РАН предлагает заинтересованным лицам заключать договоры на проведение вышеописанных работ. Своевременность и качество выполнения работ гарантируется.

Наш адрес: 191065 Россия, С.-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.
Институт истории материальной культуры РАН.

WORLD ARCHAEOLOGICAL CONGRESS 3

NEW DELHI 4—11 DECEMBER, 1994.

ТРЕТИЙ ВСЕМИРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

НЬЮ-ДЕЛИ, ИНДИЯ, 4—11 ДЕКАБРЯ 1994 ГОДА.

В декабре 1994 года в Нью-Дели состоится Третий Всемирный Археологический Конгресс. Среди основных тем предполагается обсудить проблемы возникновения и развития Государства, Города, Общества, концептуальной взаимосвязи Языка, Антропологии, Археологии и Этнографии. Кроме этого, будут организованы секции по следующей тематике:

- Концепция Времени в истории, археологии и культуре.
- Торговые и культурные контакты по данным археологии.
- Неоген: проблемы ранние стадии антропогенеза.
- Технологические инновации и социально-экономические изменения.
- Изменения аграрных систем в древности.
- Культурная собственность, культурное наследие и общественное сознание.
- Отношения между археологической теорией и практикой.
- Перемены в исторической археологии: проблемы многообразия материальной культуры и национальной идентификации.
- Ландшафтная археология.
- Археологические свидетельства религиозных традиций и социо-культурных институтов.
- Реконструкция истории по данным нумизматики, эпиграфики, искусства и литературы.
- Развитие археологии как науки с 18 века до 50-х годов нашего столетия.

Программа Конгресса включает симпозиум, посвященный проблемам Хараппской цивилизации, наскальным рисункам и новым археологическим открытиям в Азии и Тихоокеанском бассейне, научно-техническим достижениям в области абсолютного датирования и технике полевых исследований.

При участии Археологической службы Индии, Третий Конгресс организован новой международной организацией — Всемирным Археологическим Конгрессом (WAC), — основными целями деятельности которой являются изучение, сохранение, использование археологического наследия, внедрение новейших исследовательских технологий, изучение влияния археологических исследований на современную культуру.

Желающие получить информацию о Программе Конгресса, порядке участия в нем, а также о международной организации Всемирный Археологический Конгресс, могут обратиться по адресу:

Dr. Makkhan, Lal World, Archaeological Congress P. O. Box 112, N.P.O. A Ligarh — 202001 India Ph. (571) 29143; (571) 25546; Telex: 546 230 AMU-IN или

* Виктор Трифионов, Региональное Бюро Всемирного Археологического Конгресса, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191065 С.-Петербург. Тел. (812) 312-14-84